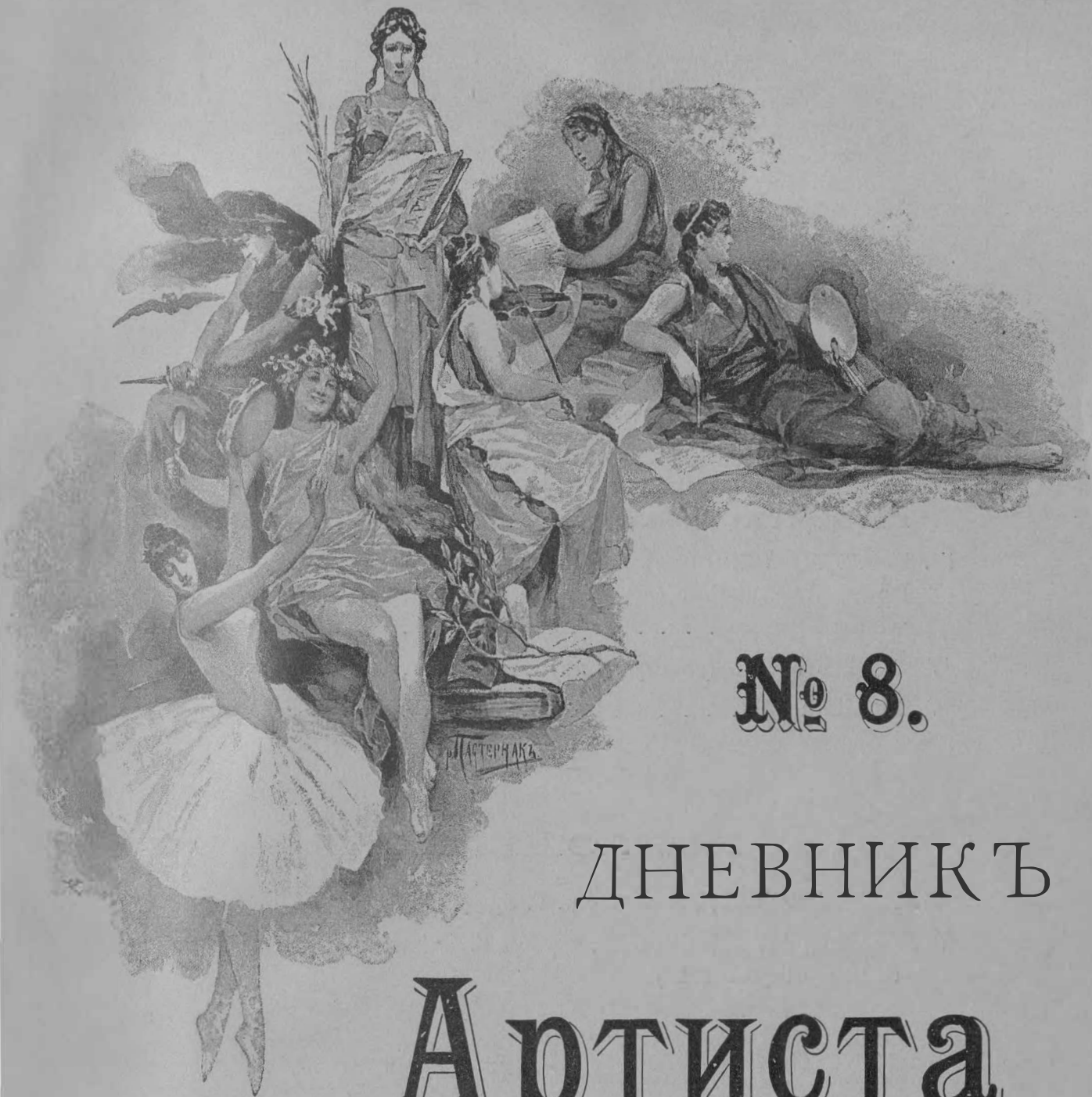

1893 годъ.

Юль.

№ 8.

ДНЕВНИКЪ

Артиста

приложеніе къ журналу

Артистъ

Годъ 5-й.
Книга 7.

МОСКВА.

Типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименов. ул., соб. домъ.

1893.

СОДЕРЖАНІЕ:

	<i>Стр.</i>
I. ЗОЛОТЫЯ РОЗСЫПИ, романъ В. М. Михеева . (<i>Продолженіе</i>).	1
II. НИКОЛАЙ ХРИСАНФОВИЧЪ РЫБАКОВЪ, очеркъ Н. М. Городецкаго (съ портретомъ).—МОГИЛА Н. Х. РЫБАКОВА , сообщеніе И. Менделѣва-Сибиряка (съ видомъ памятника)	10
III. КОРРЕСПОНДЕНЦІИ изъ Варшавы, Воронежа, Елисаветграда, Кіева, Курска, Нижняго-Новгорода, Новороссійска, Риги, Смоленска, Таш- кента и Харькова	18
IV. ЭДВИНЪ БУТСЪ (съ портретомъ)	23
V. ХРОНИКА	25

ПРИЛОЖЕНІЯ:

- VI. РОДИНА (Heimat), драма въ 4 д. **Г. Зудермана**.
- VII. СВАДЬБА ВЪ МАЛОРОССІИ, картина **Н. К. Пимоненко** (фототипія Т-ва
И. Н. Кушнеревъ и К^о).
-

Клише снимковъ съ картинъ, заставокъ и виньетокъ работы фирмъ Ангереръ и Гёшль
въ Вѣнѣ, Баше въ Парижѣ, Бонгъ въ Берлинѣ, Ганфштенгль въ Мюнхенѣ и П. О.
Яблонскаго въ Петербургѣ.

ДНЕВНИКЪ АРТИСТА,

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ

„АРТИСТЪ“.

І ю л ь

1893 года.

№ 8.

Годъ 5-й.

Книга 7-я.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержденного Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Н^о,
Пименовская улица, собственный домъ.

1893.

СОДЕРЖАНІЕ:

	<i>Стр.</i>
I. ЗОЛОТЫЯ РОЗСЫПИ, романъ В. М. Михеева. (<i>Продолженіе.</i>)	1
II. НИКОЛАЙ ХРИСАНФОВИЧЪ РЫБАКОВЪ, очеркъ Н. М. Городецкаго (съ портретомъ).—МОГИЛА Н. Х. РЫБАКОВА, сообщеніе И. Менделѣва-Сибиряка (съ видомъ памятника)	10
III. КОРРЕСПОНДЕНЦІИ изъ Варшавы, Воронежа, Елисаветграда, Кіева, Курска, Нижняго-Новгорода, Новороссійска, Риги, Смоленска, Ташкента и Харькова	18
IV. ЭДВИНЪ БУТСЪ (съ портретомъ)	23
V. ХРОНИКА	25

ПРИЛОЖЕНІЯ:

- VI. РОДИНА (Heimat), драма въ 4 д. Г. Зудермана.
- VII. СВАДЬБА ВЪ МАЛОРОССІИ, картина Н. К. Пимоненко (фототипія Т-ва И. Н. Кушперевъ и К^о).
-

Клише снимковъ съ картинъ, заставокъ и виньетокъ работы фирмъ Ашгереръ и Гёшль въ Вѣнѣ, Баше въ Парижѣ, Боигъ въ Берлинѣ, Гаифштегль въ Мюнхенѣ и П. О. Яблонскаго въ Петербургѣ.

Дневник Артиста. 1893. №8 июль.

Каталог 203 драматических сочинений, напечатанных
в № 1 – 29 журнала Артист, №1 – 7 Дневника Артиста
и № 1 – 27 журнала Театральная библиотека.
Объявления.

Золотыя розсыпи.

РОМАНЪ.

(Продолженіе.)

VI.

— Дома Никандръ Алексѣевичъ?—спрашивалъ Бушаниновъ Осипа, денщика исправника Тулупина, въ двѣнадцатомъ часу утра, стоя передъ нимъ въ бѣломъ шелковомъ костюмѣ и отирая вспотѣвшій лобъ.

Длинные, мягкой кожи, сапоги и шелковая бѣлая фуражка допояняли его костюмъ. Лицо его горѣло, глаза смущенно оглядывались, точно искали и боялись увидѣть кого-то. Осипъ, дремавшій на ларѣ, вскочилъ заспанный, растрепанный и, выпуча глаза, смотрѣлъ на гостя.

— Я васъ спрашиваю, — не удержавшись отъ улыбки, вѣжливо и спокойно повторилъ Бушаниновъ, — дома ли господинъ исправникъ?

— Та вже нѣтъ же! — нетерпѣливо протянулъ хохолъ, какъ будто онъ уже сказалъ это. — Увѣ округъ поѣхалъ, — пояснилъ онъ, всей пятерней принимаясь чесать спину и затылокъ.

— А барыня дома, Анисья Прокофьевна? — спрашивалъ гость нѣсколько неуверенно.

— Увѣ огородъ, — сонно протянулъ, какъ будто задремывая, Осипъ, но, несмотря на это, двинулся, вѣроятно, позвать барыню.

— Пойдите, пойдите, — остановилъ его гость, — а барышня. . . Русиновская. . . у васъ? — странно запинаясь голосъ гостя.

— Барышня увѣ залъ, — безучастно отвѣчалъ Осипъ, почесываясь подъ мышками. Глаза его окончательно слипались.

— Вотъ что, братецъ, — странно дрогнувшимъ голосомъ необыкновенно оживленно сказалъ гость, — ты барыню пока не безпокой, а лучше продолжай, спи, а я пройду въ залъ.

— Та мы жъ не спимъ, — сконфуженно началъ было оправдываться Осипъ, протирая глаза.

— Ну вотъ, дрыхни себѣ! — вдругъ съ дружественной фамиллярностью толкнулъ его на ларь гость и быстрыми шагами прошелъ въ корридоръ, ведущій въ залъ.

— Вотъ же жъ баринъ! — съ сладкимъ недоумѣніемъ соображалъ Осипъ, не безъ отрадной инерціи отъ толчка Бушанинова валясь на ларь. — Ото хорошій баринъ, — думалъ онъ въ полуснѣ и немедленно погрузился въ область безсознательнаго.

— Одна она, или съ дѣтьми? — безпокойно думалъ Бушаниновъ, пріотворяя дверь зала.

Но когда дверь, подъ его дрожащими пальцами, тихо заскрипѣла, подалась и отворилась, онъ замеръ; отъ счастья у него захватило дыханіе. Она была одна. Она сидѣла на кожаномъ диванѣ у круглаго стола. Ея блѣдныя руки быстро чистили морошку, крупную желтую ягоду формы малины. Ягода стояла передъ ней, насыпанная кучкой на блюдѣ. Она брала ягоду за ягодой, отрывала травянистую чашечку и быстро кидала въ другое блюдо. Тонкіе пальчики лихорадочно дѣлали свое дѣло, а черныя глаза на блѣдномъ лицѣ ничего не видѣли, что передъ ними происходитъ. Глубокая задумчивость стояла въ

нихъ, они померкли п бархатисто темнѣли подъ шелковистыми рѣсницами.

Но чѣмъ больше дѣвушка была углублена въ задумчивость, тѣмъ быстрѣе, тѣмъ спорѣ шла ея работа въ быстрыхъ безсознательныхъ движеніяхъ рукъ. Иногда рука ея поднималась и клала очищенную ягоду въ ротъ, и нѣжныя губы медленно давили крупную и сочную ягоду. Дверь, въ которую входилъ Бушапиновъ, была сбоку, и онъ, незамѣченный, подавивъ охватившее его волненіе, на цыпочкахъ подошелъ къ столу.

Она вдругъ увидала его. Нѣсколько захваченныхъ съ блюда неочищенныхъ ягодъ покатались изъ упавшей руки на полъ. Въ ея глазахъ мелькнулъ испугъ, но они сейчасъ же загорѣлись, и, не успѣли Боля и онъ опомниться, какъ онъ уже сидѣлъ ва диванѣ, привлекая одной рукой ея тонкій, трепещущій станъ и цѣловалъ ея влажныя губы, чувствуя на нихъ горячими губами еще необсохшій сокъ морошки и ея слабый дикій запахъ.

— Что вы со мной дѣлаете, что вы со мной дѣлаете?—шептала Боля и отдавалась его поцѣлуямъ, рвалась отъ него и снова цѣловала его сама.

Наконецъ они опомнились. Оба блѣдые, оба взволнованные, оба какъ будто изнемогшіе отъ взаимныхъ ласкъ, съ испугомъ взглянули они другъ на друга.

— Вотъ сумасшедшій!—съ высоко вздымающейся грудью шептала Боля. — А если бъ кто-нибудь?.. Анисья Прокофьевна? Въ домѣ, гдѣ вы всего третій разъ... да и я гостя...—и она, поправляя разбившіеся волосы, нагнулась подобрать рассыпавшіяся ягоды.

Онъ хотѣлъ то же сдѣлать, чтобы замаскировать этимъ свое волненіе, но опустилъ горячій лобъ на край стола. Холодъ лакированнаго стола былъ пріятенъ ему. Въ этой позѣ, закрывъ глаза, онъ просидѣлъ нѣсколько минутъ.

Боля, тоже взволнованная, робко косясь на него и не говоря ни слова, принялась дрожащими руками за свою работу. Но ягоды выскальзывали у нея изъ пальцевъ, и двѣ или три она невольно раздавила, окрасивъ пальцы желтовато-пузыристымъ сокомъ. Наконецъ, онъ поднялъ голову. Лицо его поблѣднѣло, глаза горѣли. Онъ взялъ руку Боли и прижалъ къ пылающимъ губамъ. Рука эта не сопротивлялась, и вдругъ что-то тоскливое набѣжало на ея глаза, на губы. Опъ не видалъ ни этихъ глазъ, ни этихъ губъ, онъ опять полузакрывъ свои глаза и только тихо пожималъ ея руку.

— Да, вы, Боля, правы... я сумасшедшій... я не знаю, что со мной дѣлается... Когда я васъ вижу, у меня какъ-то мучительно поетъ грудь, просто физически поетъ... а теперь... теперь... мнѣ хотѣлось бы зарыдать... отъ счастья, что-ли?—говорилъ онъ тихо, подавленно, и цѣловалъ, цѣловалъ блѣдную ручку, трепетавшую въ его рукѣ.

— Можетъ быть это предчувствіе,—сорвалось съ губъ дѣвушки. И онъ въ первый разъ замѣтилъ тоскливость этихъ нѣсколько горько скривившихся губъ, этихъ глазъ, робко скользнувшихъ по немъ взглядомъ.

— Предчувствіе? Чего, чего, милая?—сжалъ онъ ея руку.

— Горя какого-нибудь,—глухо сказала она, потупляя глаза. Другая свободная рука ея бродила безъ цѣли по блюду между ягодъ.

— Какого-нибудь? Даже не знаешь какого! А счастье ужъ есть. Есть вѣдь, а? Боля?..—онъ взялъ въ руки одну изъ ея длинныхъ, черныхъ косъ, завязанныхъ въ концѣ темной лентой, и прижалъ къ губамъ.

— Счастье?—странно сказала она, и глаза ея опять зажглись тѣмъ жгуче мерцающимъ огнемъ, въ которомъ тонули и печаль этихъ глазъ, и задумчивость ихъ. И вдругъ, закинувъ голову граціозно и смѣло назадъ, съ какой-то утонченной удалью, она охватила его голову тонкими руками.

— Есть вѣдь, Боля?

— Счастье-то?—такъ же мечтательно загадочно прошептала она и закрыла глаза. — Вы знаете, я не вѣрю въ счастье. Годъ... другой—вотъ и счастье... а тамъ... И она умолкла.

— А тамъ, Боля?

— А тамъ,—вдругъ змѣйкой выскользнувъ изъ его объятій, сказала она усмѣхающимся и дрожащимъ голосомъ,—извѣстно что... дразги, ссоры, недовольство другъ другомъ... непріятныя мелочныя заботы... вотъ какъ у папы съ покойной мамой было, я помню...—тихо заключила она свои слова.

— А они любили другъ друга?—осторожно спросилъ онъ.

— Навѣрно, если она за нимъ въ Сибирь пошла,—угрюмо сказала Боля.

— Вѣдь она, кажется, пріѣхала сюда, когда ужъ онъ нѣсколько устроился,—еще осторожнѣе замѣтилъ Бушапиновъ.

— Все равно,—такъ же тихо сказала Боля,—у мамы была хорошая, богатая родня въ Польшѣ... Она бы не пріѣхала, еслибы не любила отца.

— И все таки дразги, ссоры, недовольство?—задумчиво спросилъ онъ.

Она молча кивнула головой. Тоскливость все болѣе выступала на ея лицѣ.

— Ну, а года на два, на три счастья—ты вѣришь?—спрашивалъ онъ ее.

Во время этого разговора въ полголоса, она ему вдругъ показалась маленькой дѣвочкой, почти ребенкомъ, запуганнымъ съ дѣтства и упорно вѣрящимъ пока еще неиспытаннымъ лично страхамъ.

Передъ нимъ вдругъ какъ-то разомъ открылась вся разница ихъ жизненнаго опыта, ихъ умственного кругозора. Онъ также мало вѣрилъ въ продолжительность счастья, онъ уже на опытѣ зналъ жизнь и зналъ, съ чѣмъ и какъ нужно въ ней мириться. Онъ также былъ еще молодъ и не чувствовалъ себя готовымъ, ради двухъ-трехъ лѣтъ счастья, мириться въ остальное время жизни съ заботами и дразгами. Но онъ былъ уже достаточно зрѣлъ умственно и нравственно, чтобы положиться на себя; и дѣло всей его жизни, въ которое онъ безусловно вѣрилъ, и разумъ мыслящаго человѣка, которому онъ довѣрялъ,—все давало надежду, что онъ сумѣетъ прожить съ болѣе слабымъ существомъ и безъ счастья такъ, что ни уваженіе, ни привязанность совмѣстной жизни между ними не исчезнуть. Порой ему приходило на мысль: не гадательно ли все это, не обманываетъ ли онъ софизмами молодой головы свою все еще неустойчивую натуру впечатлительнаго художника. И въ трезвыя минуты онъ думалъ, что надо еще погодить, не рисковать и своей, и чужой жизнью. Но теперь, когда такъ же разсуждала эта милая дѣвушка-ребенокъ, ему вдругъ показалось, что все его сомнѣнія—пустяки; одно воспоминаніе объ теперешнихъ минутахъ дастъ ему силы и умѣнье быть съ ней счастливымъ не два, не три года. Она, съ своей юностью, съ своими впечатлительностью и неопытностью, была для него еще дороже. Сперва оберегать, лелѣять, потомъ, когда и она узнаетъ всесторонность и мысли, и жизни, дѣлить съ ней эту мысль и эту жизнь,—да ужъ одно это —счастье, которому не видно конца!

И онъ, пожимая ея руку, оживленно весело сказалъ:

— Знаешь, Боля, мы напоминаемъ двухъ ребятъ, которыхъ и тянетъ заглянуть въ темноту, тянетъ любопытство, неизвѣстность, что-то захватывающее, а няньки напугали ихъ: молъ, бука тамъ. Но, милая, мыѣ помнитса, ни ты, ни я въ дѣтствѣ не были трусливаго десятка, осо-

бенно ты: чѣмъ тебя пугаютъ, туда ты и идешь. Тебя такъ и звали: сорви-голова... Ну что жъ, заглянемъ въ темноту, милая, а?

Голосъ Бушанинова дрожалъ, дрожала и рука его, пожимая руку Болп, но еще болѣе дрожала ея рука.

— А если меня не пустятъ въ темноту?.. Какъ въ дѣтствѣ не пускали, — глухо сказала она и потупилась.

— Кто не пуститъ? Отецъ?—выпрямился Бушаниновъ. Лицо его нахмурилось. Гордый и неуступчивый человѣкъ сейчасъ сказался въ немъ.

— Отецъ и, можетъ быть, и... другіе,—еще ниже опустила она голову.

— Другіе? Кто? Скульскій?—враждебно искривились его губы.

— Да... и Скульскій... и, можетъ быть, я сама...

Бушаниновъ всталъ блѣдный, съ сжатыми губами,—онъ пристально смотрѣлъ на нее.

— Что это: кокетство, игра?—злбно подумалось ему. Онъ что-то хотѣлъ сказать, но оглянулся и словно опомнился.—Ну, подобныя шарады въ чужомъ дворѣ рѣшать не приходится,—глухо сказалъ онъ.—Мы и забыли, гдѣ мы...

Она изподлобья смотрѣла на него.

— Вы верхомъ?—спросила она.

— Нѣтъ, въ шарабанѣ,—отвѣчалъ онъ, все пристальнѣе смотря на нее.

— Такъ вотъ что: отвезите меня домой; дорогой, можетъ быть, поговоримъ,—избѣгая его взгляда и краснѣя сказала Боля.

— Можетъ быть?—съ удареніемъ спросилъ Бушаниновъ и не удержался, схватилъ ея руки.

— Да любишь же ты меня, или нѣтъ?—какъ-то противъ воли вырвалось у него.

Тотъ туманъ, то опьяненіе, на которое онъ жаловался ей, когда онъ готовъ былъ зарыдать, еще болѣе охватили его послѣ того, что произошло, послѣ этихъ намековъ. Вдругъ ему стало ясно, что, будь эта дѣвушка отъявленная и опытная кокетка, онъ и тогда бы ринулся съ ней въ ту темноту, куда ее звалъ. И онъ опять привлекъ ее къ себѣ. Онъ самъ чувствовалъ,—что-то мучительно злобное поднимается въ его ласкахъ. И онъ не удерживалъ ее, когда она вырвалась отъ него испуганная и гнѣвная.

— Простите! —прошепталъ онъ, чувствуя, что у него голова кружится.

— Я поѣду съ вами... одна... тайгой... десять верстъ,—сказала она съ разстановкой, не сводя съ него горящихъ глазъ.

Въ дѣвочкѣ-ребенкѣ проснулась вдругъ натура, быть можетъ, не менѣе гордая и упорная.

И онъ, точно видя передъ собой новую, выросшую, еще больше похорошѣвшую Болю, стоялъ блѣдный и уничтоженный, и торжествующій въ одно и то же время. Они смотрѣли другъ на друга, и глаза обоихъ горѣли и любовью, и испугомъ.

Вдругъ дверь распахнулась. Въ комнату влетѣла совершенно забытая ими, Анисья Прокофьевна. Она такъ и всплеснула руками, но сейчасъ же переконфузилась, покраснѣла и съ поклонами и ужимками, чуть не съ киксеномъ старой институтки, произнесла, задыхаясь и бѣгающими глазками осматривая всю фигуру Бушанинова:

— Иннокентій Егоровичъ!.. Такой рѣдкій гость у насъ...

— Да, я виноватъ, — и хотѣлъ нѣсколько загладить свою вину передъ Никандромъ Алексѣвичемъ, воспользовавшись его любезнымъ приглашеніемъ, — стараясь овладѣть собой, все еще немного блѣдный, тяпулъ Бушаниновъ, склоняясь, съ свойственной ему нѣсколько сдержанной вѣжливостью, перецъ Анисей Прокофьевной.

— Ахъ, я такъ рада, такъ рада, но къ сожалѣнію, Каня въ этотъ часъ рѣдко бываетъ дома, все больше въ разѣздахъ... по должности, — сіяла всей своей добродушной особой, пожимая руку Бушанинова, исправница.

— Я виноватъ... я упустилъ это изъ виду... Вы были заняты... мнѣ не хотѣлось васъ беспокоить... Вотъ встрѣтилъ подругу дѣтства... Болеславу Петровну, — лукавилъ и смущенно путался Бушаниновъ.

— Однако, Иннокентій Егоровичъ, вы должны сдержать свое обѣщаніе, — отозвалась съ дивана эта подруга дѣтства, успѣвшая быстро оправиться и овладѣть собой. Теперь это была обыкновенная Боля, лукаво рѣзвая, дышущая затаеннымъ смѣхомъ; только очень внимательному человѣку было бы ясно, что этотъ затаенный смѣхъ, эти рѣзвость и лукавство гораздо болѣе рѣзки, чѣмъ обыкновенно.

— Батюшки! она ужъ успѣла взять съ васъ какое-то обѣщаніе! — съ утрированнымъ видомъ святой невинности и игриваго участія къ молодому человѣку опять всплеснула руками старая институтка.

— Да. И вы, Иннокентій Егоровичъ, сейчасъ должны исполнить ваше слово, потому что мы иначе опоздаемъ, — оживленно продолжала Боля. — Дѣло въ томъ, —

вывела она изъ затрудненія и исправницу, и Бушанинова, — дѣло въ томъ, что Иннокентій Егоровичъ пріѣхалъ въ шарабанъ и вмѣсто того, чтобъ мнѣ гонять вашихъ лошадей, обѣщавшись отвезти меня домой. Поѣдьте же, Иннокентій Егоровичъ, а то вы назадъ опоздаете, — торопила она его.

— Я готовъ, — охотно согласился онъ.

— Ахъ! такъ ужъ она васъ увозитъ! Мнѣ очень жаль, но знаете, это такая капризная, своеправная головка, что чего захочетъ, — вынь да положь. И потомъ я ее такъ люблю! — нѣжно улыбаясь и прищуривая сладко свои безхитростныя глазки, хитрила Анисья Прокофьевна. — Боля, Боля! — вдругъ воскликнула она въ непритворномъ изумленіи — такъ-то ты морошку и очистила. Блюдо-то почти нетронуто... Это вы ей помѣшали, — погрозила она пальцемъ Бушанинову, очень довольная своей игривостью.

Бушаниновъ хмурился; ему было неприятно, что эта, почти чужая, недалекая женщина проникаетъ въ его душевную тайну. Боля уже собирала свои вещи. Она была быстро готова. И когда молодые люди сѣли въ шарабанъ, Анисья Прокофьевна, стоя на крыльцѣ, не удержалась, чтобъ не крикнуть:

— Смотрите, Иннокентій Егоровичъ, берегите ее... я такъ люблю ее!

И это восклицаніе дышало такой искренностью, что недовольство Бушанинова невольно исчезло. А когда шарабанъ скрылся изъ ея глазъ, Анисья Прокофьевна, вдругъ неожиданно для самой себя, перекрестилась. Неужели ея мечта сбывается? — съ замираніемъ сердца думала она и, войдя опять въ залу, съѣла чуть не полблюда морошки. Добродушная женщина въ счастливыя минуты любила поѣсть сладкаго.

— Ахъ, пожалуй, опять пойдутъ колики въ желудкѣ. Каня опять обезпokoитъ, — не безъ испуга думала она, замѣтивъ свое увлеченіе морошкой. Но, несмотря на эту горькую мысль, блаженное настроеніе не покидало ея.

Бушаниновъ, скрывшись изъ глазъ исправницы по изгибу дороги въ лѣсъ, быстро ударилъ возжами по сытымъ бокамъ бойкаго тасжнаго иноходца и сказалъ, избѣгая смотрѣть на свою спутницу:

— Вотъ, кажется, не два, не три года счастливы.

— Вы говорите о Тулупиныхъ? — также не глядя на него, отозвалась Боля. — Но, къ сожалѣнію, мы съ вами слишкомъ испорчены, чтобъ быть такъ счастливы-

СВАДЬБА ВЪ МАЛОРОССІИ.

Картина Н. К. Пимоненко.

Фототипія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о.

ми, — быстро проговорила она, оправляя шелковый платокъ на головѣ.

— Испорчены, Боля? Чѣмъ? — спросилъ онъ, опять раздраженно ударяя лошади вожжей. Иноходецъ невольно отмахнулся хвостомъ.

— Не знаю, — уклончиво отозвалась она, — вы старше меня, вамъ лучше знать...

— И сердцемъ испорчены, Боля, и умомъ? А? Но главное, вѣроятно, сердцемъ? — спрашивалъ онъ раздраженно настойчиво.

— Вѣроятно, — почти шопотомъ отозвалась она. Она чувствовала, что это сдержанное робкое раздраженіе раба, который ждетъ ласки и не увѣренъ, что получить ее. И это сознаніе рабства передъ нею этого умнаго гордаго человѣка охватило ее головку опьяненіемъ. Но въ ту самую минуту, какъ съ ее губъ готово было сорваться нѣжно дразнящее слово, вызванное желаніемъ еще разъ убѣдиться въ своей власти и показать, что любятъ же, не смотря ни на что, любятъ этого раба и рады ему подчиниться, — въ эту минуту шарабанъ долженъ былъ остановиться.

Черезъ дорогу, по извилистой, теряющейся въ кочкахъ и кустарникахъ тропѣ, проходилъ караванъ инородцевъ на оленяхъ. Около десяти оленей, невысокихъ, съ вытянутой впередъ рогатой головой, покрытыхъ грубой сѣро рыжей шерстью, осторожно шагъ за шагомъ подвигались по неровностямъ тропы. Тонкія и стройныя ноги увѣренно переступали своими двойными копытами. На спинахъ ихъ очень сильно покачивались, благодаря особенной подвижности ихъ кожи, перекидные выюки изъ лкуръ или древесныхъ плетенковъ. Въ выюкахъ была рухлядь и утварь: виднѣлись носочки чугунныхъ чайниковъ, стволы винтовокъ, рогатки ихъ. Въ нѣкоторыхъ кожаныхъ сумкахъ, невозмутимо покачивая темными некрасивыми головками, какъ пойманные звѣрята, болтались дѣти, и голая черная рученка, перевѣсившись за край сумы, висѣла тонкой и худой плетью.

Инородцы, мужчины и женщины, въ полуситцевыхъ русскихъ, полумѣховыхъ туземныхъ одѣяніяхъ, невысокіе, невзрачные, кривоногіе, съ выдавшимися на худомъ короткомъ тѣлѣ животами, вяло брели съ боковъ оленей, подпираясь длинными, выше головы, тонкими палками. На палки эти они опираются одной рукой, когда быстро вскакиваютъ на спину оленя, подвижность спинной кожи котораго требуетъ при этомъ особой сноровки, чтобъ не упасть. Лица ихъ, желтыя, приплюснутыя, скуластыя, низколобыя, съ толстыми

ми, словно раздавленными и растянутыми губами были непривлекательны. Добродушная дикость ихъ выраженія смягчалась лукавой и наивной бойкостью глазъ — узкихъ и косыхъ, нерѣдко умно сверкавшихъ бѣлкомъ и почти чернымъ зрачкомъ надъ темно-желтыми выдавшимися скулами.

Если эти глаза поражали порой смѣтливостью и бойкостью, то большіе продолговатые глаза оленей свѣтились удивительно мягкимъ, безконечнымъ терпѣніемъ. Это были почти человѣческіе глаза, и длинная шерсть, неровной бородой висѣющая снизу вытянутыхъ и опущенныхъ шей и головъ, придавала этимъ вѣрнымъ друзьямъ помадовъ видъ добродушныхъ старыхъ патріарховъ, проводившихъ всю свою долгую невеселую жизнь въ тяжелой безропотной работѣ.

Когда караванъ поравнялся съ шарабаномъ, инородцы вдругъ почти все быстро заговорили, замахали руками. Ихъ гортанные, какъ будто птичьи голоса, въ то же время мягко пѣвучіе и не лишеныя какого-то наивнаго благозвучія, странно раздавались подъ неподвижно нависшими елями. Они очевидно чего-то хотѣли отъ Бушанипова. Среди ихъ говора вырывались русскія слова.

— Собака... олень грызетъ... много... чего подѣлаешь!

И то, о чемъ они говорили, о чемъ очевидно просили Бушанипова, было для нихъ весьма важно, почти наболѣло: такъ искренне умоляюще вырывались нѣкоторые звуки. Бушаниповъ недоумѣвалъ.

— Пстойте, пстойте, — вдругъ встрепенулась Боля, — я понимаю, я понимаю, о чемъ они говорятъ. Они жалуются, что у пріисковыхъ рабочихъ много собакъ; собаки голодны: ихъ рабочіе почти не кормятъ; ну собаки и рвутъ у нихъ оленей. Вотъ они и просятъ васъ, какъ хозяина. Это правда, это ужасно, я знаю. Олень беззащитенъ. У рабочихъ почти волкодавы... А домашніе олени самое кроткое животное, — волновалась Боля, не удержавшись, чтобъ не поласкать морду неподвижно, въ ожиданіи дальнѣйшаго пути, стоявшаго оленя.

— Такъ отчего жъ они не стрѣляютъ собакъ? Вѣдь они прекрасно владѣютъ винтовкамъ, — вырвалось у Бушанипова, которымъ невольно овладѣла злость и на рабочихъ, и на собакъ, обижающихъ это милое животное, такъ покорно несущее весь скарбъ своихъ хозяевъ.

Инородцы вѣроятно поняли, что онъ сказалъ. Ихъ крикливо наивные голоса раздались еще оживленнѣе. Теперь они не

умоляли, они оправдывались, они горячились и еще болѣе махали своими неумѣренно—по короткому тѣлу—длинными руками. И еще меньше понималъ ихъ Бушаниновъ. Русскія слова опять слышались, но еще безпорядочнѣе, непонятнѣе. И опять подоспѣлъ къ нему на помощь его милый переводчикъ. Боля какимъ-то чутьемъ угадывала, чего они хотятъ.

— Они говорятъ, что боятся мести рабочихъ за собакъ. Если они будутъ бить собакъ, рабочіе сами будутъ бить оленей. И это правда: рабочіе, я знаю, ужасно любить собакъ и отплатятъ за нихъ, хоть сами и морятъ ихъ голодомъ.

Иностранцы опять замахали руками, закивали, засіяли радостно своими лоснящимися широкими лицами. Они радовались, какъ дѣти, что ихъ понимаютъ. Очевидно, они больше понимали по-русски, чѣмъ говорили.

— Ну, хорошо, — сказалъ Бушаниновъ, — я поговорю рабочимъ, я устрою.

И вся нестройная толпа иностранцевъ загудѣла радостно, зашумѣла; слово „хозяйинъ“, съ глубокой вѣрой въ его значеніе, повторялось много разъ; они, очевидно, всей наивной душой дикаря вѣрили и въ это слово, и въ обѣщаніе Бушанинова. Они оживленно закричали дикимъ протяжнымъ крикомъ, понятнымъ оленямъ, и тѣ, медленно раскачнувшись подъ своей тяжестью, двинулись и своей осторожно-увѣренной поступью пошли дальше. Иностранцы шли и оживленно-крикливо тараторили между собой.

Дорога очистилась. Бушаниновъ снова ударилъ вожжами; впечатлѣніе дикой до послѣдняго предѣла бѣдности и простоты жизни охватило его, а глушь ельника и кедровника, по которой онъ ѣхалъ, давала соотвѣтствующую рамку впечатлѣнію. И душа этой жизни—олень, съ его почти человѣческими, безпредѣльно терпѣливыми глазами, все ярче вставалъ въ воображеніи художника.

— Эти еще проще и сердцемъ, и умомъ; и, можетъ быть, счастливѣе, чѣмъ Тулупины! — сказалъ онъ. Новое впечатлѣніе Иннокентія Егоровича невольно слилось съ прерваннымъ разговоромъ.

— Эти-то! — горько вырвалось у Боли. — Они, можетъ быть, и были бы счастливы, еслибъ русскіе не спаивали ихъ, не выгоняли ихъ и звѣря, которымъ они живутъ, изъ тайги, не рвали ихъ оленей собаками, не опаивали ихъ самихъ водкой, чтобъ у пьянаго втридешева скушать и мѣха, и рыбу. А они, пьяные, бьютъ женъ, раззоряютъ семью не хуже русскихъ. Это-

го только не видно, а это еще хуже въ ихъ голой, холодной тундрѣ, — глухо волнуясь, говорила Боля.

— Боля, это вамъ разсказалъ Скульскій? — осторожно спросилъ Бушаниновъ.

— А хоть и Скульскій! — вспыхнула она, — онъ все это знаетъ, видитъ, чувствуетъ... А вы, вотъ, насчетъ собакъ пообѣщали и, конечно, и того не устроите, — отвернулась она отъ него; грудь ея высоко поднималась.

— Какъ это ни грустно, Боля, но я самъ думаю, что, дѣйствительно, не устрою, — усмѣхнулся Бушаниновъ, перебирая вожжи. — Что я сдѣлаю? Скажу рабочимъ — не послушаются; прикажу перебить собакъ, пожалуй, и меня поколотятъ. Да притомъ же, я понимаю привязанность рабочихъ къ собакамъ, здѣсь, въ тайгѣ, вдали отъ своихъ, среди разнообразной тяжелой работы. Одно я могъ бы: приказать на счетъ компаніи такъ откармливать всю ораву собакъ, чтобы она, наѣвшись, ужъ не трогала оленей. Да пожалуй компаньоны не согласятся! — усмѣхнулся онъ. — Да, быть хозяиномъ почти такая же сложная дилемма, Боля, какъ быть любимымъ милой, умной, чуткой дѣвушкой, которая многое понимаетъ, о чемъ и не думали ея сверстницы, которая цѣлуетъ такъ, какъ едва-ли кому изъ ея сверстницъ поцѣловать, но ни за что не скажетъ — любить ли она, пойдетъ ли она въ темноту, гдѣ сидитъ бука? — шутливо-серьезно, не безъ грусти, говорилъ Бушаниновъ, медленно пошевеливая вожжами.

Но не успѣлъ онъ докончить, нѣжныя руки обвились вокругъ его шеи, жгучій шопотъ обжогъ его ухо:

— Любить, любить, но только, ради Бога... пока... пока ни слова о серьезномъ...

Онъ поймалъ эти шепчущія губы горячими губами, пригнулъ къ себѣ эту головку, и качая головой, говорилъ какъ бы про себя:

— Пока... пока... ну хорошо, посмотримъ.

Всѣ десять верстъ до пріиска Парфентьева они разговаривали, ласкали другъ друга, блаженно умолкали, но о чемъ они говорили, — едва-ли можно было уловить постороннему челоуѣку. Одно несомнѣнно: о серьезномъ въ ихъ положеніи не было сказано ни слова. Когда они приблизились къ пріиску и зданія его широко раскинувшись стана стали виднѣться въ котловинѣ между отлогими холмами, Боля нѣсколько поблѣднѣла, сжалась.

— Ты, конечно, къ намъ зайдешь? —

какъ-то виновато сказала она Иннокентію Егоровичу, робко касаясь его руки.

— Зайду, разумѣется, и буду ухаживать за вами, сеньора, — усмѣхнулся онъ, — надо же занять въ глазахъ твоихъ родныхъ официальное положеніе, такъ-сказать, подготовить ихъ.

— Вотъ именно этого-то и не надо. Пожалуйста, будь какъ посторонній, чтобъ ничего не замѣтили, — вспыхнула Боля и, смотря на него умоляюще, сложила своимъ, столь трогательнымъ его, жестомъ руки и прижала къ верхней части груди.

— Это все знаменитое „пока“? — усмѣхнулся нѣжно и осторожно Бушаниновъ.

— Пока, да, только пока, — твердила она искусственно весело, а взглядъ ея былъ, между тѣмъ, странно печаленъ, почти безнадеженъ. И вдругъ какъ-то тоскующе она припала головкой къ плечу Бушанинова.

— Милая, голубка моя, — твердилъ онъ, чувствуя въ ея движеніи несомнѣнную грусть и боязнь чего-то.

— Ничего, ничего, — шептала она въ отвѣтъ и долгимъ поцѣлуемъ припала къ Бушанинову. Серьезная жгучая страсть этого поцѣлуя поразила Бушанинова, но еще болѣе поразило его то, что при этомъ поцѣлуѣ непонятная тоска, словно горькимъ предчувствіемъ, сжала его сердце.

— Этого ужъ у меня никто не отниметъ! — вдругъ прошептала Боля, отрываясь отъ его губъ.

— А что же отнять? — дрогнувшимъ звукомъ вырвалось у Бушанинова.

Но въ это время шарабанъ въѣзжалъ на присковую улицу. Боляничего не отвѣтила; она засмѣялась, она вдругъ опять сдѣлалась прежней бойкой лукавой дѣвочкой. Она увидѣла управляющаго, который, сердито надувшись, шагаль отъ копторы домой. За нимъ писецъ несъ три тяжелыхъ конторскихъ книги въ сѣрыхъ переплетахъ съ мѣдными углами и красными ярлыками.

— Семепъ Семеновичъ! — весело воскликнула Боля, — что вы такой недовольный? Совсѣмъ нахмурились.

— А! Болеслава Петровна! Иннокентій Егоровичъ, мое почтеніе! Да что, Болеслава Петровна, — жаловался Семенъ Семеновичъ, грузно передвигая свое отяжелѣвшее тѣло рядомъ съ шарабаномъ, — Бушаниновъ замедлилъ ходъ лошади, — хозяева надоскучили. Кому горе, кому радость отъ нихъ! — намекнулъ онъ на что-то.

— Семенъ Семеновичъ, Семенъ Семеновичъ, что вы говорите! Вѣдь Инноке-

тій Егоровичъ тоже хозяинъ! — смѣялась Боля.

— Виновать, — скопфузился Семенъ Семеновичъ, — я, просто, заговариваться началъ, — недовольно махнулъ онъ рукой и грузно поплелся своей дорогой, сопровождаемый писцомъ.

Боля закатывалась, смѣялась, Бушаниновъ тоже улыбался, но его беспокоило, что ея смѣхъ звучалъ какъ-то натянуто-рѣзко, какъ будто она искусственно веселила себя, страшно опасаясь чего-то непріятнаго. Шарабанъ наконецъ подъѣхалъ къ крыльцу дома, гдѣ жили Русиновскіе. Соскакивая съ экипажа, Боля странно пожала руку Бушанинова, не то ободряя, не то прося у него ободренія. Онъ крѣпко сжалъ ея руку и, закинувъ вожжи заперила крыльца, вошелъ вслѣдъ за ней. Изъ сѣней, черезъ маленькую прихожую, которая была обращена Русиновскими почти въ чуланъ, — въ ней стояли какія-то кадочки и къ стѣнѣ была прислонена старая помятая металлическая ванна, — Бушаниновъ и Боля прямо прошли въ комнату, которая предназначалась быть залой, но, при хозяйственномъ хаосѣ Русиновскихъ, утратила опредѣленное назначеніе.

Когда они вошли, вся семья была въ сборѣ. Петръ Казиміровичъ, въ старенькомъ холщевомъ пиджакѣ, сидѣлъ у раздвинутого ломбернаго стола и сортировалъ какія-то бумаги. Іозефъ, съ ногами въ грязныхъ длинныхъ сапогахъ, полулежалъ на покосившемся клеенчатомъ диванѣ и, запустивъ руку въ свои густые, вьющіеся рыжеватые волосы, читалъ польскій иллюстрированный журналъ. Франя, по обыкновенію, въ чулкахъ, спустившихся одинъ ниже другого, стояла на покрытой чернильными пятнами табуреткѣ сзади Крэвскаго, который сидѣлъ и рисовалъ что-то у небольшого круглаго стола.

При входѣ Бушанинова, Крэвскимъ овладѣлъ бурный восторгъ, при чемъ опъ такъ быстро вскочилъ, что Франя полетѣла съ табуретки и съ визгливымъ хохотомъ барахталась у ногъ смутившагося художника. Іозефъ неохотно, пренебрежительно скинулъ ноги съ дивана, но его молодое опушенное бѣлокурымъ пушкомъ лицо холодно и сладко улыбалось маленькими глазами и тонкими губами. Еще слаще, еще предупредительнѣе улыбалось темное, сухое лицо Петра Казиміровича, украшенное узкой, слегка сѣдоватой бородкой. Но Бушанинову на мгновеніе показалось, что взглядъ Русиновскаго подозрительно и недовольно скольз-

нуль по немъ и по Болѣ. Но это было мгновеніе. Этотъ взглядъ небольшихъ потухшихъ глазъ бывшаго ссыльнаго сейчасъ же сдѣлался нѣжно предупредителенъ, и рука Петра Казиміровича долго трясла руку Иннокентія Егоровича.

— Ахъ, вы такъ любезны, что привезли се; я не знаю, какъ благодарить, — ласково заглядывая въ глаза гостя, разсыпался Русиновскій.

Крѣвскій стоялъ рядомъ, вооружившись пенсѣ и пыхтя, ждалъ своей очереди потрясти руку своего ученика. Каждый разъ при видѣ Бушанинова, маленькимъ художникомъ овладѣвалъ почти энтузіазмъ. Франя съ любопытствомъ живого, не вымуштрованнаго ребенка подняла свою вымазанную чѣмъ-то мордочку и во всѣ глаза смотрѣла на гостя. Она была похожа на сестру. И невольный порывъ нѣжности, которая овладѣла Бушаниновымъ ко всѣмъ этимъ близкимъ, роднымъ его милой дѣвушкѣ людямъ, заставилъ его наклониться и крѣпко поцѣловать эту откровенно наивную грязную дѣтскую рожицу, такъ напоминавшую Болю.

Франя, смущенная этой внезапной лаской, въ трп прыжка была вдали отъ Бушанинова, не зная разсердиться ли ей, заплакать, или начать заигрывать съ гостемъ. Крѣвскій былъ восхищенъ. Онъ хлопалъ въ ладоши и бросился со своими слѣпыми глазами ловить дѣвочку, растопыривая руки и ноги. Петръ Казиміровичъ и Іозефъ сладко улыбались пріятной вольности гостя. А Боля вдругъ присѣла передъ Франей, залѣзшей подъ круглый столъ отъ Крѣвскаго, и крѣпко поцѣловала сестренку.

Но въ эту минуту, какъ ураганъ, ворвалась въ комнату служанка Русиновскихъ, простая русская баба, стараясь шептать и тицетно подавляя свой громкій грубый голосъ.

— Хозяинъ, хозяинъ!

Не успѣли сообразить, что это значило, какъ къ всеобщему изумленію и смущенію, ловко перешагивая черезъ уроненную Франей табуретку и стараясь не задѣть за ея грязные края щегольскими панталонами, въ комнату вошелъ Арсеній Петровичъ Плѣвѣ. Его видъ, его одежда, его манеры, все это воплощеніе высшей порядочности слишкомъ противорѣчило тому, что его теперь окружало. И онъ, кажется, самъ смутился на минуту той обстановки, въ которую попалъ. Но увидя Бушанинова, человѣка, равнаго ему по положенію, онъ какъ за якорь спасенія схватился за него.

— Иннокентій Егоровичъ!.. Вотъ не ожидалъ... Милости просимъ на нашемъ пріискѣ, — восклицалъ онъ, до боли потрясая руку Бушанинова и давая тѣмъ время хозяевамъ оправиться.

Замѣтивъ, что все пришло въ нѣкоторый порядокъ, онъ также стремительно повернулся къ хозяину.

— Петръ Казиміровичъ, я пожелалъ лично сообщить вамъ пріятную вѣсть! — весь сія радостью, отчеканилъ онъ.

У Петра Казиміровича какъ будто захватило дыханіе. Лицо Іозефа сдѣлалось необыкновенно серьезно, губы сжались, глаза тоже вспыхнули затасаннымъ огнемъ; но Боля вдругъ поблѣднѣла.

— Мои хлопоты удались, Петръ Казиміровичъ, — продолжалъ между тѣмъ Плѣвѣ, — вы свободны, вы можете ѣхать на родину... — и опять соколинымъ взглядомъ всемогущаго и торжествующаго благодѣтеля окинулъ всѣхъ.

Русиновскій молча сжалъ ему руку. Онъ что-то хотѣлъ сказать и не могъ; губы его тряслись. Этотъ сдержанный холодный полякъ вдругъ всхлипнулъ, какъ простой, добродушный, внезапно осчастливленный старикъ. Грудь Іозефа поднялась, и глубокій вздохъ выпрямилъ юношу; онъ сталъ какъ будто выше.

— Значить, я увижу бабушку! — вдругъ поняла и захопала въ ладоши Франя.

Одна Боля становилась все блѣднѣе, блѣднѣе.

— Неужели отъ радости? — думалъ Бушаниновъ, съ безпокойствомъ наблюдая за ней. — Нѣтъ, она несчастна, несомнѣнно несчастна... — И онъ едва успѣлъ протянуть руки, чтобы поддержать ее: съ дѣвушкой сдѣлался обморокъ.

Всѣ заволновались, стали приводить ее въ чувство. Но когда она, все еще поддерживаемая Бушаниновымъ, раскрыла глаза, слабый вопросъ слѣлъ съ ея губъ:

— А Витольдъ Осиповичъ... Скульпскій?.. также?..

— О да, да! И онъ, и онъ! — поспѣшилъ успокоить ее Плѣвѣ.

Она подняла глаза. Она увидѣла, кто ее поддерживаетъ, и слезы выступили на ея глазахъ.

— Но хозяевамъ нужно успокоиться, нужно успокоиться! — твердилъ, торопясь удалиться, Плѣвѣ. Онъ, кажется, самъ былъ радъ уйти изъ общества, гдѣ такъ странно истерично радуются.

Бушаниновъ молча пожалъ руку разстроенной, избѣгающей его взгляда дѣвушкѣ. Онъ также поспѣшилъ откланяться. Онъ чувствовалъ, что надо оставить хо-

гяевъ однихъ. И когда онъ, быстро познавъ свою лошадь, вѣхалъ опять въ лѣсъ, онъ былъ мраченъ. Ему вдругъ почему-то вспомнились тѣ мысли, которыя нѣкогда мелькнули въ его головѣ въ первыя минуты его любви:—„дѣвушка другого племени, другого вѣроисповѣданія, другого воспитанія!..“

— Э, пустяки!—сердито возражалъ онъ себѣ, крѣпко щелкая лошадь вожжами.

Но странно, въ то время, когда онъ произносилъ это слово „пустяки“, ему ярко вспомнилось восклицаніе маленькой Франи: „Значить, я увижу бабушку!..“

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Звонкій обрадованный голосокъ дѣвочки такъ и звенѣлъ у него въ ушахъ.

— Значить, и у Боли тамъ гдѣ-то есть бабушка... Да и одна ли бабушка? Цѣлая, чужая мнѣ, какъ русскому, родина!..

Лобъ Бушанинова нахмурился, губы стиснулись, руки крѣпко сжали и натянули вожжи.

— Посмотримъ,—глухо сказалъ онъ, и вдругъ почти стономъ вырвалось у него изъ груди:—но какъ я люблю эту чуждую, эту милую!—Онъ почувствовалъ какъ что-то задрожало въ его груди. Онъ какъ безумный погналъ лошадь...

В. Михеевъ.

„Натурщица“, картина Фонеля.

Николай Хрисанфовичъ Рыбаковъ.

(Очеркъ.)

Схоропили, позабыли!..

Гамлетъ.

Имя артиста Рыбакова, болѣе полувѣка служившаго сценѣ, было настолько громко въ провинціальномъ мірѣ, что покойный Островскій въ одной изъ своихъ комедій, въ которой онъ коснулся быта провинціальныхъ актеровъ, обезсмертилъ это имя, вложивъ въ уста героя комедіи—трагика Несчастливцева, такія слова: «Самъ Николай Хрисанфычъ Рыбаковъ подошелъ ко мнѣ, положилъ мнѣ руку на плечо и сказалъ: «ты, говоритъ... да я, говоритъ... умремъ», говоритъ... Лестно!» И дѣйствительно, для каждаго провинціальнаго актера лестно было заслужить одобреніе отъ крупнаго, выдающагося своимъ дарованіемъ дѣятеля провинціальной сцены, всю многолѣтнюю жизнь свою положившаго на служеніе дорогому ему искусству и далеко не дешевою цѣною заслужившаго себѣ названіе «извѣстнаго». Время дѣятельности покойнаго Рыбакова, при отсутствіи удобныхъ путей сообщенія, при слабомъ развитіи печатнаго слова, было крайне неблагопріятно для составленія «извѣстности» внѣ района дѣятельности артиста. Сдѣлаться извѣстнымъ можно было только на столичной сценѣ, проникнуть на которую провинціальному актеру того времени не представлялось почти никакой возможности. Только благодаря счастливой случайности, такіе художники, какъ М. С. Щенкинъ и П. М. Садовскій, могли поступить на столичную сцену, гдѣ несравненно болѣе являлось возможнымъ для артиста и развитіе свое природное дарованіе, и достигнуть широкой славы. Трудно представить даже, сколько энергіи и какая масса долготѣνιαго труда требовались въ то время отъ дѣятеля провинціальной сцены, чтобы достигъ той извѣстности, какой достигъ Н. Х. Рыбаковъ, дѣйствуя исключительно на сценахъ провинціальныхъ театровъ. За то эта извѣстность и не была тою «дѣланною» извѣстностью, какой за послѣдніе годы удавалось достигать, на мимолетное, конечно, время, немалому количеству

провинціальныхъ лицедѣевъ, благодаря разнымъ мѣрамъ, ничего общаго съ искусствомъ не имѣющимъ. Было бы весьма печально, еслибы лица, близко стоявшія къ такому выдающемуся провинціальному дѣятелю, какъ Рыбаковъ, не подѣлились своими воспоминаніями о немъ, и мы питаемъ надежду, что настоящія краткія о дѣятельности его замѣтки, составленныя отчасти по личнымъ воспоминаніямъ, отчасти по разсказамъ стороннихъ лицъ, а главное по свѣдѣніямъ, любезно сообщеннымъ намъ сыномъ покойнаго Николая Хрисанфовича, артистомъ Московскихъ Императорскихъ театровъ, К. Н. Рыбаковымъ, — вызовутъ въ печати воспоминанія одаровитомъ артистѣ.

Н. Х. Рыбаковъ родился 7-го мая 1811 года въ г. Курскѣ отъ небогатыхъ родителей. Отецъ его управлялъ имѣніемъ курскихъ помѣщиковъ Вельяминовыхъ и умеръ когда будущему артисту было 3 года, а мать содержала швейный магазинъ, доходами съ котораго существовала послѣ смерти мужа, и находила возможнымъ заботиться о воспитаніи сына, котораго отдала въ четырехклассную курскую гимназію, гдѣ Н. Х. окончилъ полный курсъ, имѣя отъ роду 14 лѣтъ, и тотчасъ по окончаніи курса поступилъ на службу канцелярскимъ чиновникомъ въ курскую казенную палату. Будучи еще гимназистомъ, имѣя 11 лѣтъ отъ роду, Николай Хрисанфовичъ попалъ въ первый разъ въ театръ на представленіе пьесы «Пустынный островъ Фромантеро». Видѣнная пьеса произвела на него настолько сильное впечатлѣніе, что дома, вмѣстѣ съ ученицами своей матери, онъ много разъ пробовалъ на память исполнять разныя сцены изъ видѣнной имъ пьесы. Сдѣлавшись чиновникомъ, Н. Х. при всякомъ удобномъ случаѣ началъ посѣщать театръ. Получаемое имъ на службѣ крайне ограниченное содержаніе дѣлало эти случаи, не смотря на всѣ старанія, довольно рѣдкими, что и побудило молодого чиновника явиться къ антрепренеру съ предло-

женіемъ своихъ услугъ въ качествѣ статиста за право посѣщать театръ. Такое предложеніе даровыхъ услугъ отъ сравнительно образованнаго молодого человѣка было принято антрепренеромъ безъ всякихъ возраженій, но матери Николая Хрисанфовича это совсѣмъ не понравилось. Желая прочной, устойчивой служебной карьеры сыну, она обратилась съ жалобой къ г. Вельяминову на увлекающагося театромъ молодого чи-

новника. Получивъ какую-то вліятельную должность на Кавказѣ, Вельяминовъ, уступая просьбамъ матери Николая Хрисанфовича, взялъ съ собою на Кавказъ молодого любителя театра, чтобы опредѣлить его тамъ на службу. Но этотъ любитель настолько успѣлъ уже пристраститься къ театру, что его не могла прельстить предстоящая ему служебная карьера, и будущее «королѣвство» на сценѣ онъ предпочелъ будущему «генералству» на службѣ. Въ весь-

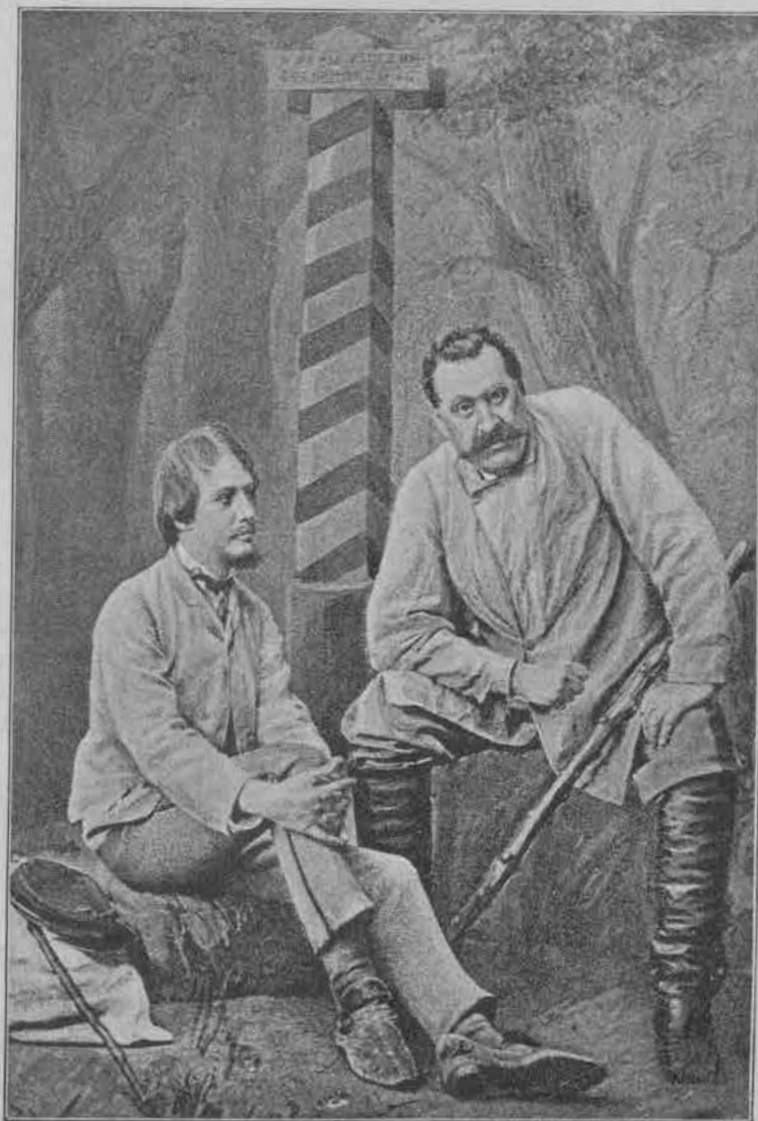
ма скоромъ времени онъ, тайно отъ Вельяминова, бѣжалъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, въ Курскъ, совершая это бѣгство, подобно Ломоносову, то съ обозами, то пѣшкомъ.

Совершивъ этотъ tour de force, молодой Рыбаковъ навсегда покончилъ съ чиновничьей карьерой, въ чинѣ коллежскаго регистратора, и, по прибытіи въ Курскъ, зачислился окончательно въ актерскую среду, поступивъ въ труппу на маленькія роли и на крошечное жалованье. Спустя немного, имѣя отъ роду 21 годъ, Рыбаковъ пе-

реѣхалъ съ труппой Млотковскаго изъ Курска въ Харьковъ, куда въ продолженіе 6 лѣтъ ежегодно прѣзжалъ на гастроли знаменитый московскій трагикъ Н. С. Мочаловъ. Геніальный артистъ обратилъ вниманіе на молодого Рыбакова и однажды настоялъ на томъ, чтобы юному актеру довѣрили исполненіе роли Кассіо въ шекспировскомъ «Отелло», не смотря на возраженія антрепренера, боявшагося довѣрить не-

опытному актеру видную роль.

Мочаловъ, подмѣтившій въ юномъ актерѣ проблески несомнѣннаго дарованія, вызвался самъ пройти съ нимъ роль Кассіо, для чего и пригласилъ его къ себѣ. Этотъ визитъ Николая Хрисанфовича къ Мочалову неизгладимо запечатлѣлся въ его памяти, и онъ любилъ впомянуть о немъ, живо описывая тотъ невольный страхъ, подъ вліяніемъ котораго онъ долго ходилъ по улицѣ, не рѣшаясь войти въ домъ, гдѣ остановился Мочаловъ, — и тотъ вос-

Н. Х. Рыбаковъ и М. П. Садовскій въ ком. Островскаго „Лѣсъ“.

торгъ отъ ласковаго, товарищескаго пріема, встрѣченнаго имъ со стороны знаменитаго «богатыря трагедіи».

Понятно, что молодой артистъ приложилъ всѣ свои старанія, чтобы оправдать оказанное ему великимъ артистомъ вниманіе, и, благожелательно отнесясь ко всѣмъ его указаніямъ, успѣлъ исполненіемъ роли Кассіо заслужить его полное одобреніе, что было для молодого артиста конечно несомнѣнно дороже того, что удачное исполненіе роли Кассіо обратило на него вниманіе и

публики, и товарищей. Во время дальнѣйшихъ гастролей Мочалова, послѣдній съ любовью относился къ успѣхамъ маленькаго актера и постоянно выражалъ эту любовь въ добрыхъ совѣтахъ и замѣчаніяхъ и укрѣплялъ въ немъ вѣру въ дальнѣйшую славную будущность.

Это пребываніе Мочалова въ Харьковѣ составило рѣзкую эпоху въ жизни Рыбакова и онъ съ глубокой признательностью, присякомъ удобномъ случаѣ, вспоминалъ заботливое къ нему отношеніе великаго артиста, горячимъ поклонникомъ таланта котораго Н. Х. оставался до конца дней своихъ. Да и не могло быть иначе. Успѣхи молодого актера во время гастролей Мочалова были таковы, что, когда, спустя весьма немногое время, поссорившійся съ антрепренеромъ, премьеръ труппы отказался отъ службы на кануны спектакля, въ которомъ долженъ былъ исполнять роль Гамлета, антрепренеръ, изъ желанія сохранить сборъ, такъ какъ билеты на спектакль разбирались довольно бойко, не затруднился передать Рыбакову исполненіе колоссальной роли Гамлета. И это на той сценѣ, гдѣ незадолго передъ тѣмъ ему боялись довѣрить роль Кассію, и на которой такъ недавно гастролировалъ самъ Мочаловъ!.

Молодому актеру представлялся блестящій случай сразу занять первенствующее положеніе въ труппѣ, но на изученіе роли ему давалась *только одна ночь*, и это для такой роли, на изученіе которой многіе артисты тратятъ цѣлыя годы! Все, что онъ могъ сдѣлать — это твердо выучить роль и, отказавшись отъ обдумыванія деталей, понадѣяться лишь на свое природное дарованіе и ограничиться единственнымъ комментариемъ — игрой московскаго геніальнаго трагика, благоговѣйное отношеніе къ которому помогло молодому актеру въ совершенствѣ заложить его исполненіе. Проведя безъ сна всю ночь, Николай Хрисанфовичъ, придя утромъ на репетицію, былъ невольнымъ свидѣтелемъ того, какъ собравшаяся у кассы публика выражала недовѣріе къ его силамъ. То же недовѣріе не замедлило, конечно, выразить и многіе изъ его товарищей. Все это приводило артиста въ немалое смущеніе, и съ лихорадочнымъ трепетомъ ожидалъ онъ поднітія занавѣса.

И тогда лишь, когда весь театръ потрясенъ, Разразился грозой восторга и слезъ,— Тамъ въ тревожной груди его былъ разрѣшенъ Тяготившій его молчаливый вопросъ;— Да, не жалкій позоръ угрожаетъ ему, А несетъ ему слава цвѣты и привѣтъ.

Успѣхъ даровитаго дебютанта превзошелъ ожиданія и публики, и товарищей, и антрепренера, и его самого. Съ этого памятнаго для него спектакля, Н. Х. занялъ первенствующее положеніе въ той труппѣ, въ которой до пріѣзда Мочалова былъ почти не замѣтенъ. За нимъ быстро упрочилась репутація талантливаго ар-

тиста, способнаго исполнять, предпочтительно передъ другими, первыя роли въ трагедіяхъ, составлявшихъ въ то время непремѣнную принадлежность репертуара каждаго большого провинціальнаго театра.

Цѣлыхъ десять лѣтъ безвыѣздно прослужилъ Н. Х. въ Харьковѣ. Въ этотъ періодъ времени ему не разъ приходилось убѣждаться въ томъ, что онъ сдѣлался любимцемъ харьковской публики, среди которой ему лишь изрѣдка удавалось встрѣчать лицъ, способныхъ подать здравый совѣтъ и оказать артисту помощь разъясненіями, во многихъ случаяхъ такъ необходимыми, предъ исполненіемъ какой-либо отвѣтственной роли классическаго репертуара. Въ литературныхъ пособіяхъ былъ полнѣйшій недостатокъ. Въ большинствѣ случаевъ, молодому артисту приходилось, подобно гоголевскому Аммосу Федоровичу, доходить до всего «собственнымъ умомъ». Какими могучими средствами долженъ былъ обладать актеръ, чтобы въ подобномъ положеніи не впасть въ однообразіе и не слѣдовать рутинѣ!.. Въ данномъ случаѣ къ Рыбакову можно вполнѣ примѣнить слова датскаго писателя Брандеса, сказанныя имъ о Тургеневѣ: «онъ одержалъ побѣду на художественномъ ипподромѣ, хотя ему пришлось состязаться съ идромъ на ногѣ; онъ восторжествовалъ на великой аренѣ, хотя ему пришлось сражаться ипагой съ обломленнымъ концомъ».

Изъ Харькова Рыбаковъ выѣхалъ въ Николаевъ, гдѣ и женился на актрисѣ Паулинѣ Герасимовнѣ Зелинской, отецъ которой былъ тамъ театральнымъ антрепренеромъ.

Встрѣтивъ и въ Николаевѣ весьма радушный приемъ, Рыбаковъ пожелалъ расширить районъ своей дѣятельности. Онъ начинаетъ путешествовать по всей Россіи, которую извѣздилъ вдоль и поперекъ, встрѣчая вездѣ восторженный приемъ. Имя Рыбакова дѣлается все болѣе и болѣе извѣстнымъ, и его на перебой начинаютъ приглашать антрепренеры. Тѣмъ не менѣе, не смотря на успѣхи повсюду, Н. Х. особенно любилъ колыбель своей славы — Харьковъ, и при всякомъ удобномъ случаѣ охотѣе и предпочтительнѣе передъ другими городами, гастролировалъ въ этомъ симпатичномъ, и слишкомъ дорогомъ ему по воспоминаніямъ, городѣ.

Въ 1851 году, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ кончины Мочалова, Н. Х. рѣшается дебютировать на Императорской сценѣ въ Москвѣ, куда уже успѣла достигнуть слава о немъ. Онъ дебютировалъ передъ самой масленицей въ двухъ роляхъ — *Гамлета* и *Нино* въ трагедіи Полеваго «Уголино». Тотъ выдающійся изъ ряда вонъ крупный успѣхъ, который дебютантъ имѣлъ въ названныхъ роляхъ, приводилъ его къ несомнѣнному убѣжденію, что онъ безъ колебанія будетъ принятъ на Императорскую сцену, на

которой не безъ достоинства займетъ вакантное мѣсто трагика. Тѣмъ не менѣе, прошло цѣлыхъ двѣ недѣли, въ продолженіе которыхъ онъ не получилъ со стороны театальной дирекціи никакого намека съ предложеніемъ поступить въ труппу Малаго театра. Не находя удобнымъ проживаться въ столицѣ безъ всякаго дѣла, Н. Х., не дождавшись отвѣта, уѣхалъ въ Ярославль, гдѣ, спустя уже довольно много времени, получилъ отъ театальной дирекціи приглашеніе пожаловать въ контору для заключенія условія. Н. Х., бывшій въ то время въ апогѣй своей славы, счелъ себя глубоко оскорбленнымъ такимъ позднимъ выраженіемъ вниманія къ нему со стороны театальной дирекціи и, къ немалому сожалѣнію лицъ, видѣвшихъ его дебюты, — не поѣхалъ въ Москву и рѣшился вновь посвятить себя странствованію по провинціальнымъ дебрямъ и весямъ, гдѣ, въ особенности послѣ его блестящихъ дебютовъ въ Москвѣ, повсюду встрѣчалъ выдающееся вниманіе со стороны антрепренеровъ, именемъ Рыбакова заранѣе обезпечивавшихъ себѣ удачу сезона, какъ бы ни былъ иногда несостоятеленъ подборъ остальнаго персонала труппы. Да и какъ было не имѣть удачи при такомъ артистѣ, о которомъ одинъ изъ его бывшихъ товарищей, покойный Л. Н. Самсоновъ, писалъ такіе строки: «игралъ онъ при мнѣ уже лѣтъ пятидесяти Гамлета. Когда онъ сказалъ Розенкранцу и Гильденштерну: «какъ же вы хотите играть на моей душѣ... весь театръ заплакалъ бы!» — да, дѣйствительно, весь театръ плакалъ. И я, играя съ нимъ Розенкранца, тоже плакалъ». («Пережитое» Л. Н. Самсонова, стр. 106.)

Удачные дебюты Рыбакова на Московской сценѣ вызвали то непремѣнное слѣдствіе, что слава о немъ возрастала съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе, и три года спустя послѣ этихъ дебютовъ, въ 1854 году, онъ получаетъ приглашеніе отъ директора Императорскихъ театровъ Геденова дебютировать въ Петербургѣ. Отозавшись на это приглашеніе, Н. Х. появился на Александринской сценѣ въ роляхъ *Гамлета* и *Ляпунова* (въ драмѣ Кукольника, «Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій»). Успѣхъ дебютовъ и въ настоящемъ случаѣ былъ настолько выдающимся, что дирекція нашла возможнымъ предложить Н. Х. поступить въ труппу Александринскаго театра сверхъ штата (вакантное послѣ кончины В. А. Каратыгина мѣсто было уже занято московскимъ артистомъ Леопидовымъ).

Но предложенное Рыбакову вознагражденіе показалось ему слишкомъ недостаточнымъ, тѣмъ болѣе, что, при первенствующемъ значеніи въ провинціи, онъ получалъ очень хорошее по тому времени вознагражденіе, и Н. Х. вторично отказался отъ представлявшейся ему возможности поступить на службу въ Императорскій те-

атръ и навсегда остался провинціальнымъ артистомъ *).

Въ описанный нами періодъ времени Н. Х., состоя на роляхъ «премьера», помимо ролей классическаго репертуара, упрочившихъ его славу, появлялся во всевозможныхъ пьесахъ Полевого, Кукольника, Ободовскаго и другихъ, исполняя въ нихъ тѣ роли, какія въ Москвѣ исполнялись Мочаловымъ, а въ Петербургѣ — Каратыгинымъ. Съ воцареніемъ на русской сценѣ французской мелодрамы, на долю его выпало исполненіе всѣхъ героевъ этого рода пьесъ. Количество исполненныхъ имъ ролей, выучиваемыхъ имъ иногда дня въ два и исполняемыхъ съ одной или двухъ репетицій, итъ возможности перечислить. При этомъ не мѣшаетъ отмѣтить указаніе Самсонова на то, что Рыбаковъ никогда не игралъ ни одной водевильной роли и былъ *единственнымъ* изъ провинціальныхъ артистовъ, никогда не участвовавшимъ въ водевилѣ.

Наиболѣе выдающимися ролями въ описанный періодъ дѣятельности Н. Х. считались слѣдующія: *Делормель* («Дѣтскій докторъ»), *Басенокъ*, *Велизарій*, *Ляпуновъ*, роль *отца* въ драмѣ «Отецъ и дочь», *Денщикъ Петра Великаго*, *Уголино и Ниню* (въ драмѣ «Уголино»), *Жоржъ Моримъ* («Клара д'Обервиль») *Кингъ* и пр. Изъ Шекспировскаго репертуара имъ съ выдающимся успѣхомъ исполнялись роли *Кента* и затѣмъ *Лира* (въ трагедіи «Король Лиръ»), *Гамлета* — и затѣмъ *Клавдія* (въ трагедіи «Гамлетъ»), *Кассіо*, *Отелло* и *Шейлока*.

Съ того времени, какъ мелодрама стала уступать мѣсто бытовымъ пьесамъ русскаго репертуара, и на русской сценѣ пальму первенства получила комедія Островскаго, Н. Х., не оставляя ролей классическаго репертуара, сталъ исполнять въ комедіяхъ Островскаго всѣ тѣ роли, какія исполнялись въ Москвѣ П. М. Садовскимъ. Изъ всего репертуара Островскаго, Н. Х. только въ одной пьесѣ, именно въ комедіи «Лѣсъ», исполнялъ роль не кунца, исполнявшуюся Садовскимъ, а роль трагика «Несчастливцева», прототипомъ которой онъ самъ послужилъ драматургу. Также и въ комедіи «Свои люди сочтемся» Н. Х. никогда не исполнялъ роли Подхалюзина, а прямо сталъ исполнять роль Самсона Силыча, на московской сценѣ первоначально исполнявшуюся М. С. Щепкинымъ **).

*) Въ разговорѣ съ однимъ изъ губернаторовъ, когда послѣдній замѣтилъ артисту, что онъ получаетъ въ годъ болѣе губернаторскаго жалованья, Н. Х.—чѣ съ достоинствомъ отвѣтилъ: „Это вѣрно, ваше пр—во. Но вѣдь въ каждой губерціи есть губернаторъ, а Рыбаковъ одинъ во всей Россіи“.

**) Появленіе въ комическихъ роляхъ бытоваго репертуара артиста, составившаго себѣ извѣстность исполненіемъ первенствующихъ ролей въ

Помимо репертуара Островскаго, какъ нельзя болѣе пришедшагося по душѣ Н. Х. — чу, въ силу того, что въ этомъ репертуарѣ онъ находилъ точное художественное возсозданіе дѣйствительной жизни, такъ хорошо изученной имъ самимъ во время долгихъ странствованій по Россіи, Н. Х. въ позднѣйшій періодъ своей артистической дѣятельности являлся превосходнымъ исполнителемъ слѣдующихъ ролей въ пьесахъ русскаго репертуара: *Скотинина* въ «Недорослѣ», *Земляники* въ «Ревизорѣ», *Дичинцы* въ «Женитбѣ», *Скалозуба* въ «Горѣ отъ Ума», *Алуткина* въ «Завтракъ у предводителя», *Бурмистра* и *Ананія* въ «Горькой судьбинѣ», *Царя Іоанна* въ «Смерти Іоанна Грознаго». Въ большинствѣ этихъ ролей москвичамъ удалось видѣть покойнаго Рыбакова во время Политехнической выставки въ 1872 году на сценѣ народнаго театра; изъ перечисленныхъ ролей особенный успѣхъ на этой сценѣ Н. Х. имѣлъ въ роляхъ *Земляники* и *Несчастливцева*.

Слѣдующую зиму Н. Х. служилъ въ Одессѣ, а на лѣто, вновь по приглашенію г. Тапѣва, поступилъ на службу въ Москву на сцену «Общедоступнаго» театра, замѣниваемаго «Народный».

Зиму 1873—1874 гг. Н. Х. игралъ на сценѣ бывшаго «Артистическаго Кружка», гдѣ, между прочимъ, въ свой бенефисъ исполнялъ одну изъ лучшихъ ролей своего прежняго репертуара — роль *Короля Лира*. Невозможно забыть того впечатлѣнія, какое производилъ Н. Х. въ 3-мъ актѣ шекспировской трагедіи, когда обезсиленный Лиръ склоняется къ изголовью въ шалашѣ Тома и голосомъ полнымъ безконечной любви и тяжелой скорби, восклицалъ: «Корделія! Корделія!» Два десятилѣтія протекло съ того времени, но это восклицаніе звучитъ въ нашихъ ушахъ, какъ будто вчера мы слышали его.

Лѣтомъ того же года Н. Х. снова поступилъ на сцену «Общедоступнаго» театра, гдѣ остал-

трагедіяхъ, давало иногда поводъ къ несовсѣмъ умѣстнымъ шуткамъ со стороны сотоварищей Николая Хрисанфовича. Такъ однажды, при исполненіи имъ роли «Велизарія», въ сценѣ, когда послѣ торжественнаго триумфальнаго чествованія, утомленный этими чествованіями, полководецъ, отираясь къ своей семьѣ, подаетъ руки окружающимъ и торжественно произноситъ: «ведите меня!» — актеръ, исполнявшій роль наперсника, припомнивъ недавнее исполненіе Рыбаковымъ роли закутившаго купца Тита Титыча въ пьесѣ Островскаго «Тяжелые дни», гдѣ Титъ Титычъ произноситъ подобную же фразу, отдавая домашнимъ распоряженіе вести его въ тарантасъ, нагнулся къ артисту и комически спросилъ: «въ тарантасъ?» — «Дуракъ!» довольно громко произнесъ разгнѣванный артистъ и, не обращая никакого вниманія на едва сдерживаемый смѣхъ окружающихъ его на сценѣ лицъ, не теряя торжественности минуты, величаво удалился со сцены при громкихъ аплодисментахъ публики, не замѣтившей происшедшаго на сценѣ эпизода.

ся служить на зиму. На этой же сценѣ, 5-го февраля 1876 года, состоялось торжественное празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея его артистической дѣятельности. При появленіи юбиляра передъ публикой въ роли *Несчастливцева*, во 2-мъ актѣ комедіи «Лѣсъ», его встрѣтилъ громъ аплодисментовъ и привѣтственныхъ криковъ, сопровождавшихся дождемъ изъ вѣнковъ и букетовъ. Покойный А. Н. Островскій привѣтствовалъ его отъ имени «Общества русскихъ драматическихъ писателей» и передалъ ему серебряный съ черпью и золотомъ чайный стаканъ, изшій работы въ русскомъ стилѣ. Отъ артистовъ Малаго театра юбиляру былъ прочитанъ адресъ, въ которомъ выражалось поздравленіе «въ день празднованія пятидесятилѣтней годовщины *талантливой, знаменитой и многотрудной* дѣятельности его на поприщѣ искусства». Отъ нихъ же юбиляру былъ поданъ лавровый вѣнокъ. Отъ дирекціи «Общедоступнаго» театра ему поданы были золотые съ массивною цѣпью часы, отъ сослуживцевъ товарищей — серебряный вѣнокъ, связанный золотымъ узломъ, съ инициалами его имени и съ вырѣзанными названіями наиболѣе выдающихся ролей, исполнявшихся юбиляромъ. Подношеніе этого подарка сопровождалось чтеніемъ задумчиво написаннаго адреса «представителю русской вольной сцены». Подача массы вѣнковъ и чтеніе многочисленныхъ поздравительныхъ телеграммъ сопровождали торжественное празднованіе юбилея маститаго ветерана русской сцены, до глубокой старости не утратившаго того священнаго огня, благодаря которому онъ въ продолженіе такого долгаго періода времени привлекалъ къ себѣ сердца безчисленныхъ зрителей во всевозможныхъ городахъ обширной родины. Особенно восторженными рукоплесканіями прерванъ былъ юбиляръ въ томъ мѣстѣ своей роли, въ которомъ актеръ Несчастливцевъ воспоминаетъ, какъ «самъ Николай Хрисанфычъ Рыбаковъ» одобрилъ его игру. Много радостныхъ, хорошихъ минутъ испыталъ маститый артистъ въ этотъ вечеръ, съ необыкновеннымъ одушевленіемъ проведя всю роль — «молодо и свѣжо, то есть богато по краскамъ, богато по чувству», какъ выразился одинъ изъ рецензентовъ, описывавшихъ впечатлѣніе юбилейнаго спектакля.

Слѣдующее лѣто Н. Х. игралъ въ Павловскѣ, въ труппѣ г. Фодотова, а на зиму поступилъ на тамбовскую сцену въ труппу г. Ознобишина. Вскорѣ по приѣздѣ въ Тамбовъ, Н. Х. началъ прихварывать. Съ нимъ дѣлались частые обмороки и удущье. Отличавшійся прежде колоссальнымъ здоровьемъ, Н. Х., не смотря на видимые признаки серьезной болѣзни, продолжалъ играть до 12-го ноября. Въ этотъ день онъ долженъ былъ исполнять роль *Графа-де-Шамосъ* въ драмѣ «Адская жизнь», но передъ

самымъ спектаклемъ съ нимъ сдѣлался обморокъ и его безъ чувствъ увезли домой. Съ этого дня обмороки стали повторяться ежедневно и, наконецъ, послѣ самаго продолжительнаго изъ нихъ, 15-го ноября 1876 года, Николай Хрисанфовичъ скончался отъ разрыва сердца, на 66 году жизни.

По отзывамъ лицъ, близко знавшихъ покойнаго, Н. Х. до самыхъ послѣднихъ дней проявлялъ горячую любовь къ искусству, которому честно служилъ болѣе полувѣка и умеръ, такъ сказать, «на своемъ посту». Чисто юношескую восторженность проявлялъ онъ всегда при произнесеніи кѣмъ-либо при немъ дорогого ему имени Мочалова. Яркими красками рисовалъ онъ слушателямъ величавый образъ этого знаменитаго артиста, и съ горячею благодарностію вспоминалъ о немъ, какъ о руководителѣ, уроки котораго и симпатичное отношеніе къ молодежи не прошли безслѣдно для Рыбакова. Самъ пройдя суровую жизненную школу, Н. Х. относился къ начинающимъ артистамъ съ такимъ же

теплымъ участіемъ, съ какимъ нѣкогда относился къ нему Мочаловъ. Достаточно было появиться на сценѣ молодому человѣку, проявившему проблески хотя небольшого дарованія, чтобы Н. Х. тотчасъ же явился его покровителемъ и руководителемъ. Провинціальныя артисты дорожили эту гуманную черту, такъ рѣдко встрѣчающуюся въ актерской средѣ, и высоко чтили его какъ рѣдкаго товарища. Среди провинціальныхъ актеровъ много горячихъ слезъ вызвала вѣсть о кончинѣ ихъ превосходнаго товарища, талантливаго артиста Рыбакова, высоко державшаго актерское знамя. Похороны Н. Х-ча, случившіяся въ небольшомъ провинціальномъ городѣ, были скромны и не отличались тою торжественностію, какой заслуживалъ усопшій артистъ. На Успенскомъ кладбищѣ въ городѣ Тамбовѣ...

..... отъ долгихъ скитаній
Нашелъ онъ желанный покой.
Его не нарушать ня стоны страданій,
Ни ропотъ пучины морской...

Н. Городецкій.

Могила Н. Х. Рыбакова.

Сдѣлавшись постояннымъ обитателемъ Тамбова въ началѣ 1885 года, мнѣ вскорѣ же по прїѣздѣ пришлось слышать смутные рассказы мѣстныхъ театраловъ, что здѣсь, въ Тамбовѣ, находится могила *какого-то* знаменитаго актера, трагика, нѣкоторые даже называли фамилію его—*Рыбаковъ*. Заинтересовавшись этими рассказами, я началъ собирать болѣе подробныя свѣдѣнія, но они не давали мнѣ никакихъ положительныхъ указаній, хотя вполнѣ подтвердили, что на долю Тамбова выпало сохранить у себя прахъ Николая Хрисанфовича Рыбакова, великаго актера и человѣка, въ лучшемъ значеніи этого слова. Только лѣтомъ 1888 года мнѣ удалось получить болѣе точныя указанія о мѣстѣ, гдѣ должна находиться могила Рыбакова. Благодаря этимъ указаніямъ и содѣйствію временно проживавшаго здѣсь провинціального актера П. М. Шаменко-Надимова, поиски увѣнчались успѣхомъ, что было нелегко даже при знаніи мѣста, благодаря почти полнѣйшему отсутствію какого-либо ухода за могилами на большинствѣ провинціальныхъ (и даже столичныхъ) кладбищъ.

Могила Николая Хрисанфовича находится на Успенскомъ кладбищѣ, недалеко отъ главной аллеи, влѣвую сторону отъ церкви, — и вотъ въ какомъ ужасномъ видѣ она была найдена мною. Нѣкогда устроенная деревянная рѣшетка съ двухъ сторонъ совершенно поломана; могильная насыпь сравнена съ землею, потому что какъ разъ черезъ эту могилу, къ которой, видимо, за всеѣ

дѣвѣнадцать лѣтъ не прикасалась рука человѣческая, была протоптана дорожка; къ довершенію всего въ 1886 году рядомъ съ могилою Николая Хрисанфовича былъ похороненъ нѣкто генералъ Гильдебрандтъ, надъ могилою котораго сооружена каменная часовня, и при постройкѣ этой часовни могилу Николая Хрисанфовича совершенно забросали щебнемъ и мусоромъ. По счастливой случайности уцѣлѣлъ поставленный на могилѣ дубовый крестъ и на немъ небольшой желѣзный листъ съ надписью, хотя и не мало пострадавшей отъ времени и непогоды, но на которой все-таки довольно ясно можно было разобрать слѣдующую надпись:

Здѣсь покоится артистъ
Николай Хрисанфовичъ
Рыбаковъ.
Скончался Ноября 1876 года,
лѣтъ отъ роду.

Первое время могила Николая Хрисанфовича существовала въ томъ видѣ, въ какой была приведена мною, именно огорожена самою простою деревянною рѣшеткою, оставленъ былъ тотъ же дубовый крестъ и на немъ прибита надпись слѣдующаго содержанія:

Артистъ
Николай Хрисанфовичъ
Рыбаковъ.
Скончался 15 Ноября 1876 года.

Кромѣ того, на крестѣ былъ прибитъ металлическій вѣнокъ, съ лирою посрединѣ, да остатокъ уцѣлѣвшаго на крестѣ букета изъ искусственныхъ цвѣтовъ, похожаго на театральные реkvизиторскіе букеты, и судя по тому виду, въ которомъ онъ былъ найденъ мною при первомъ посѣщеніи могилы, букетъ этотъ былъ прибитъ задолго до того времени, по всей вѣроятности одновременно съ отдачею послѣдняго долга покойному, и я не считалъ себя въ правѣ уничтожить этотъ посылный знакъ уваженія къ памяти почившаго. Кромѣ того, не могу не указать на другой отрадный фактъ. Могила была найдена въ половинѣ августа, и тогда же поправлена. Затѣмъ вскорѣ въ ту осень наступили морозы и выпалъ снѣгъ. Весною я снова посѣтилъ могилу и нашелъ на ней крестъ изъ металлическихъ листьевъ, возложенный повидимому еще осенью и пролежавшій всю зиму подъ снѣгомъ, какъ это можно было видѣть по нѣсколько заржавѣвшимъ металлическимъ частямъ. И этотъ даръ памяти покойнаго, возложенный неизвѣстнымъ для меня до сего времени лицомъ, былъ прикрѣпленъ мною къ деревянному кресту, какъ знакъ того, что еще живетъ въ тамбовцахъ память о такой личности, какою былъ Николай Хрисанфовичъ, и авось настанетъ время, когда мы, русскіе, будемъ относиться къ памяти такихъ общественныхъ дѣятелей, какимъ являлся Н. Х. Рыбаковъ, съ большимъ вниманіемъ и заботливостью.

Въ такомъ видѣ, какъ я уже сказалъ, могила Николая Хрисанфовича существовала лишь первые два-три года, но затѣмъ въ 1891 году на могилѣ (предполагаю, что сыномъ покойнаго) поставлена хорошая чугунная рѣшетка и сооруженъ чугунный памятникъ въ видѣ креста, причемъ и при сооруженіи этого памятника оставленъ первоначальный деревянный крестъ, съ прибитыми на немъ украшениями.

Покончивъ съ описаніемъ собственно могилы Николая Хрисанфовича, я нахожу не лишнимъ сказать еще нѣсколько словъ, касающихся смерти этого выдающагося театрального дѣятеля, которыя, быть можетъ, будутъ небезынтересны для біографіи покойнаго артиста. Отъ того же лица, которое сообщило мнѣ вполнѣ вѣрныя свѣдѣнія о мѣстѣ могилы Рыбакова, я слышалъ разсказъ, что Николай Хрисанфовичъ, будто бы, въ день самой смерти игралъ на сценѣ мѣстнаго театра въ какой-то драмѣ, въ которой ему, по странной случайности, приходилось умирать. Весь спектакль онъ провелъ до конца, но уже въ послѣднемъ актѣ чувствовалъ себя нехорошо, такъ что по окончаніи спектакля его отвезли домой и къ утру его не стало. Получивъ отъ К. Н. Рыбакова свѣдѣнія, что Николай Хрисанфовичъ скончался *утромъ* 15 ноября — и такимъ образомъ это обстоятель-

ство служить какъ бы подтвержденіемъ правдивости части изложеннаго разсказа — я за разъясненіемъ подробностей смерти Николая Хрисанфовича обратился къ единственному, возможному въ данномъ случаѣ источнику — именно Неофициальному Отдѣлу мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1876 г. Но, къ сожалѣнію, единственный тамбовскій, по настоящее время, печатный органъ не считалъ за нужное помѣстить въ свое время подробности смерти такого актера, какъ Н. Х. Рыбаковъ. Правдоподобіе этого разсказа подтверждается еще и тѣмъ, что 14 ноября было воскресенье, затѣмъ въ этотъ день празднуется день рожденія Е. И. В. Государыни Императрицы, въ то время Цесаревны, Маріи Ѳеодоровны, почему въ этотъ день спектакль въ театрѣ безусловно былъ. Въ данномъ случаѣ весьма легко, впрочемъ, навести точныя справки, что шло въ этотъ день и принималъ ли участіе въ этомъ спектаклѣ покойный Николай Хрисанфовичъ, въ дѣлахъ Общества русскихъ драматическихъ писателей, гдѣ, по всей вѣроятности, сохраняются афиши провинціальныхъ театровъ со дня открытія Общества. Кромѣ того, фактъ этотъ могутъ разъяснить и всѣ служившіе въ труппѣ тамбовскаго театра артисты въ сезонъ 1876—1877 года, какъ, напримѣръ, занимающій теперь такое видное положеніе въ труппѣ Александринскаго театра В. Н. Давыдовъ.

Но за то, не найдя въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ никакихъ подробностей о смерти Николая Хрисанфовича, мнѣ удалось въ № 76 прочесть напечатанную тамъ рѣчь, сказанную артистомъ В. Н. Давыдовымъ при погребеніи тѣла артиста Ник. Хрис. Рыбакова 19 ноября 1876 года. Такъ какъ рѣчь эта кромѣ Тамбовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей нигдѣ, по всей вѣроятности, помѣщена не была, между тѣмъ представляетъ интересъ, какъ характеристика покойнаго Рыбакова, сдѣланная подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ его смерти, современникомъ и сослуживцемъ, то я думаю, что почтенный авторъ этой рѣчи не посѣтуетъ на меня, если я позволю себѣ помѣстить этотъ текстъ его рѣчи полностью.

Вотъ подлинный текстъ этой рѣчи:

«Грозная, неумолимая смерть похитила изъ міра драматическаго искусства одного изъ великихъ его представителей. Въ лицѣ Николая Хрисанфовича Рыбакова мы потеряли не только великаго артиста, но и великаго чловѣка. *Какъ артистъ* онъ первый ввелъ естественность и теплоту въ ходульных драмахъ, всегда шелъ вслѣдъ за вѣкомъ, строго подчиняясь его требованіямъ и доставляя *до послѣднихъ дней своихъ* истинное наслажденіе разнымъ слоямъ общества своею талантливою игрою. Имя Николай Хрисанфовича Рыбакова гремѣло, гремитъ и будетъ гремѣть въ Россіи, которую онъ обо-

шелъ чуть не изъ конца въ конецъ, всюду встрѣчаемый и сопровождаемый оваціями. Нашъ известный достоуважаемый артистъ Василій Васильевичъ Самойловъ, встрѣтясь нынѣшнимъ лѣтомъ съ Николаемъ Хрисанфовичемъ и указавъ на него, сказалъ тамошнимъ артистамъ: «вотъ актеръ, выполнившій свое назначеніе, ему иѣтъ послѣдователей!» Эти слова ярко обрисовываютъ сценическую дѣятельность и достоинства Николая Хрисанфовича. *Какъ человекъ*, онъ заслуживаетъ тоже полнаго уваженія. Прослуживъ почти 52 года на сценѣ, онъ сошелъ съ нея въ могилу честнымъ, добрымъ и всегда стоявшимъ за правду, не смотря на все превратности и искушенія, встрѣчающіеся на артистическомъ поприщѣ чаще, чѣмъ гдѣ-либо. Только такой могучій характеръ могъ выйти побѣдителемъ изъ этой тяжелой, непосильной для обыкновенныхъ людей, борьбы. Отношенія покойнаго къ людямъ были истинно христіанскія,

и слово «ближній» онъ понималъ такъ, какъ повелѣлъ намъ понимать его Христосъ. Несчастье и горе каждаго встрѣчали въ Николаѣ Хрисанфовичѣ теплое сочувствіе, и нерѣдко онъ отдавалъ послѣднее нуждающемуся, оставаясь самъ безъ всякихъ средствъ, и только его вѣра, сила и талантъ спасали его отъ крайности и бѣдствій. Нѣтъ сомнѣнія, что когда грустная вѣсть о его кончинѣ разнесется по Россіи, то въ разныхъ углахъ ея не одинъ вздохъ, не одна слеза, не одна теплая молитва вознесутся къ Богу, проси Его ниспослать усопшему вѣчный покой и даровать ему царствіе небесное. И мы, все здѣсь стоящія, обратимся съ этою же теплою молитвою и просьбою ко Всевышнему Творцу и, бросивъ послѣднюю, прощальную горсть земли, оплачемъ великую утрату».

И. Менделѣевъ-Сибирякъ.

Могилы Н. Х. Рыбакова.

Провинціальныя корреспонденціи.

Варшава (отъ нашего корреспондента). К. Залевскій авторъ пьесы „Права сердца“, поставленной въ первый разъ 19 апрѣля на сценѣ драматическаго театра, не повичекъ на литературномъ поприщѣ и извѣстенъ какъ авторъ многихъ драматическихъ произведеній и какъ талантливый театральныи критикъ. Въ послѣднемъ своемъ произведеніи онъ задается широкой задачей рѣшить вопросъ, что дѣлать женщинѣ любящей и покинутой любовникомъ, указывая ей тотъ путь, на которомъ она можетъ найти и полезную дѣятельность, и удовлетвореніе. На ряду съ этой главной идеей, выразительницей которой является героиня пьесы Людвика Вирская, онъ выдвигаетъ тезисъ: любовь только одна, и сердце человѣка, поправшаго эту любовь, жестоко мститъ за свои „права“. На фабрикѣ, директоромъ которой состоитъ Леопольдъ Вернеръ (г. Новицкій), работаетъ Генрихъ Вирскій (г. Ладновскій). Отецъ послѣдняго, бывшій владѣлецъ земель, на которыхъ выстроена фабрика, умирая, завѣщалъ сыну ненависть къ Вернерамъ и передалъ ему на попеченіе сестру Людвигу. Людвика (г-жа Марчелло) чистое, горячо любящее брата существо, дѣлается любовницей Леопольда. Ничего не подозревающій братъ работаетъ надъ открытіемъ великихъ красокъ, стремясь этимъ открытіемъ приобрести миллионы, необходимые ему для выкупа отцовскаго владѣнія. Проходитъ почти два года. Случайно Людвика узнаетъ о предстоящемъ бракѣ своего возлюбленнаго, который до послѣдней минуты трусливо скрываетъ отъ нея свои планы. Происходитъ объясненіе. Наивный въ своемъ эгоизмѣ, страстно жаждущій завиднаго и обезпеченнаго положенія владѣльца миллионной фабрики, которая принадлежит его невѣстѣ Анетѣ (г-жа Барщевская), онъ предлагаетъ Людвикѣ остаться его любовницей и послѣ его свадьбы, обѣщая окружить ее и ея брата комфортомъ и рос-

кошью. Онъ увлекается этими планами самъ, но предложеніе его отвергнуто. Какъ фаталистъ, убѣжденный въ силу первой любви, онъ не вѣритъ въ полный разрывъ, предсказывая Людвикѣ, что она вернется къ нему. Проходитъ семь лѣтъ. Людвика—докторъ въ Варшавѣ. Леопольдъ окруженъ любящей его женой и дочерью. Но счастье и покой исчезли. Образъ Людвики не вычеркнуть изъ сердца и сердце громко требуетъ своихъ правъ. Напрасно онъ молитъ Людвигу о любви. Она не любитъ его, презирая его за пошлость, которымъ онъ навсегда оттолкнулъ ее отъ себя и потерялъ ея уваженіе. Не находя исхода, не видя цѣли и смысла въ своемъ существованіи, онъ отравляется. Вотъ сущность содержанія пьесы г. Залевскаго. Вокругъ этихъ главныхъ лицъ пьесы сгруппированы еще другія лица, изъ которыхъ укажемъ на два типа. Типы идеалиста, безпочвеннаго, сходящаго съ ума, когда узнаетъ о позорѣ сестры, Генриха, и типъ человѣка честнаго, работника, съ опредѣлившимися, прямыми взглядами и требованіями отъ жизни—Петръ Трашакъ (г. Котарбинскій). Сыграла пьеса была очень хорошо, за исключеніемъ г. Ладновскаго, совершенно непонявшаго, что хотѣлъ дать авторъ въ лицѣ Генриха. Роль Людвики исполняла г-жа Марчелло—кумиръ варшавской публики. Характерной особенностью таланта г-жи Марчелло—умѣнье такъ прочувствовать страданія изображаемаго лица, что вы минутами забываете, сцена ли это или сама жизнь. Крупнымъ недостаткомъ, не позволяющимъ г-жѣ Марчелло стать звѣздой первой величины—недостаточная отдѣлка роли. Г. Новицкій былъ очень хорошъ, но сцена отравленія не по силамъ г. Новицкому и онъ провелъ ее блѣдно и неумѣло.—Послѣдней новинкой, поставленной въ Маѣ, была комедія гг. Балло и Жапвье „Супруги любовники“ (Les amants legi-

times). Любящіе супруги, оба пустые прожигатели жизни, разводятся фактивно для того, чтобы разрушить силу завѣщанія, по которому они, находясь въ бракѣ, не имѣютъ права пользоваться завѣщанными деньгами. Обманъ этотъ надо скрыть отъ матери одного изъ супруговъ. И вотъ они, разъѣхавшись, продолжаютъ видаться, воображая себя молодыми любовниками. Вотъ канва, на которой соткана глупѣйшая и бессмысленнѣйшая комедія гг. Балло и Жанвье. Мать узнаетъ объ обманѣ и супруги снова подпадаютъ подъ ея власть. Тутъ же выведены какіе-то глупцы, пустые, безнравственные люди: отецъ супруга, бывшая любовница того же супруга и т. д. Сыграная комедія была очень живо. Особенно хороши были гг. Френкль и Вольскій, г-жи Лещинская и Чаки. — Съ прїѣздомъ въ Варшаву труппы Московскаго театра, опера изъ Большаго театра перенеслась въ деревянный, незначительный по размѣрамъ, но хорошенькій снаружи лѣтній театръ, находящійся въ лучшемъ городскомъ саду—Саксонскомъ. Маленькая сцена и плохой резонансъ являются крупными недостатками этого театра. —Что касается московской труппы, съ г-жею Ермоловой во главѣ, то она не пользовалась въ Варшавѣ такимъ крупнымъ успѣхомъ, какой выпадалъ на долю другихъ русскихъ Товариществъ (съ г-жами Савиной, Федотовой и др.), гостившихъ въ Варшавѣ. Причиной нѣсколько холоднаго пріема труппы были: неудачно составленный репертуаръ и отсутствіе одушевленія въ игрѣ артистовъ. Вялая ли игра артистовъ охладила публику или, въ большинствѣ случаевъ, пустоватый театръ охладилъ артистовъ, мы рѣшить не беремся, а указываемъ лишь на фактъ. Единственнымъ исключеніемъ явилась г-жа Садовская. Только на „Маріи Стюартъ“ (первый выходъ г-жи Ермоловой) и на послѣднемъ представленіи театръ былъ полонъ. И не было помини той горячки при покупкѣ билетовъ, какая всегда была при прїѣздѣ русскихъ труппъ. —Въ оперѣ не было ничего новаго, кромѣ бывшихъ въ началѣ мая гастролей братьевъ Решке, выступившихъ въ четырехъ операхъ съ огромнымъ успѣхомъ. Изъ числа другихъ гастролеровъ продолжаютъ гостить въ Варшавѣ два тенора: гг. Нувелли и Русситано, два сопрано: Либія Дрогъ и г-жа Штрамфельдъ-Клямжинская и баритонъ—г. Астиллеро. Г. Русситано—пріятнаго тембра, съ хорошимъ верхнимъ и низкимъ регистромъ теноровъ. Владѣетъ голосомъ увѣренно и умѣло и при педурной игрѣ производитъ довольно сильное впечатлѣніе. Г-жи Либія Дрогъ и Штрамфельдъ-Клямжинская, обѣ опытные пѣвицы съ обработанными отличными голосами. Съ широкими свободно льющимися потоми всѣхъ регистровъ, съ чувствомъ, какое онѣ вкладываютъ въ свое пѣніе—обѣ онѣ представляютъ цѣнное пріобрѣтеніе нашей оперы. Есть еще одно сопрано—г-жа Квѣцинская, съ опредѣленнымъ репертуаромъ, изъ рамокъ котораго она не выходитъ, а именно оперы Моношки. Голосъ г-жи Квѣцинской слабый, мало обработанный, но молодой, симпатичный. Сравнительно съ тѣмъ, какъ пѣла въ тѣхъ же роляхъ г-жа Квѣцинская мѣсяца 2 тому назадъ, видны нѣкоторые шаги впередъ и голосъ звучитъ увѣреннѣе и игра стала лучше, хотя все же г-жа Квѣцинская еще очень неопытная и непривыкшая къ сценѣ пѣвица. Постоянный составъ оперной труппы тотъ же и такъ же плохъ. Грустно слушать и смотрѣть, какъ исполняются довольно отвѣтственные партіи такой пѣвицей, какъ г-жа д'Оріо (тетка сыновей столыпинъ въ „Таинственномъ замкѣ“ Моношки). Голосъ г-жи д'Оріо совсѣмъ лишенъ нижняго регистра, слабъ очень въ верхнихъ нотахъ, визгливаго, непріятнаго темб-

ра. И ко всему этому полное отсутствіе чувства и игры. Репертуаръ не выходитъ изъ закордоннаго круга оперъ Верди, Гуно, Доницетти и Моношки. Оперы Моношки („Галька“ и „Таинственный замокъ“) стали очень часто появляться на сценѣ, что нужно, впрочемъ, объяснить тѣмъ, что онѣ даютъ дирекціи полные сборы. Оперы Леопкавалло, Масканьи и Пуччини (Вилли) сошли на время со сцены и лишь возобновленіе оперы Бойто „Мефистофель“ нѣсколько оживило репертуаръ. Партію Мефистофеля исполнялъ г. Силликъ съ неподражаемымъ искусствомъ, какъ пѣвецъ и какъ актеръ. Особенно хорошъ онъ былъ въ прологѣ и въ 1-мъ дѣйствіи въ объясненіи съ Фаустомъ (г. Нувелли). Партію Маргариты сыѣла г-жа Дрогъ добросовѣстно и единственнымъ недостаткомъ въ ея игрѣ была слабая экспрессія въ мѣстахъ сильныхъ и отсутствіе наивности, такъ характеристичной для Маргариты. Г. Нувелли педурень. Оркестръ, какъ всегда, великолѣпенъ.

Воронежъ (отъ нашего корреспондента). 1-го іюня у насъ начались спектакли оперной труппы, собранной А. Н. Форесто. Составъ труппы слѣдующій: г-жи Пильцъ-Некрасова—драматическое сопрано, Шеръ—колоратурное и Кратоткина—лирическое, Карамзина-Жуковская и Руджіерп—меццо-сопрано, Горина и Рыбчинская—компримари. Баритоны—гг. Форесто и Кателли, тенора—Сикачинскій и Арно, компримарио—Шейнъ и Думскій. Режиссеръ—г. Дума, капельмейстеръ—г. Зеленый. Были поставлены слѣдующія оперы: „Жизнь за Царя“, „Демонъ“—2 раза, „Аида“—2 раза, „Карменъ“, „Трубадуръ“, „Сельская честь“—2 раза и „Евгеній Онегинъ“. Готовятся къ постановкѣ и обѣщаны слѣдующія оперы: „Риголетто“, „Гамлетъ“, „Джіоконда“, „Русланъ и Людмила“, „Паяцы“, „Страдella“, „Эрнанъ“ и др. Хоръ, состоящій изъ 35 человѣкъ, и оркестръ въ 25 человѣкъ очень хороши и имѣютъ большой успѣхъ; почти каждая увертюра и каждый хоръ вызываютъ дружныя аплодисменты. Изъ персонажей—г-жа Пильцъ-Некрасова, благодаря своему симпатичному и обработанному голосу и прочувствованной игрѣ, пользуется крупнымъ успѣхомъ такъ же, какъ и г-жа Шеръ, у которой предестный голосъ, хотя и съ неполными нижними нотами. Г-жа Руджіерп въ партіи Азучены („Трубадуръ“) имѣла громадный успѣхъ, вполнѣ ею заслуженный, какъ съ вокальной, такъ и съ драматической стороны. Г-жа Жуковская обладает сильнымъ, обширнымъ по діапазону и красивымъ голосомъ, но, къ сожалѣнію, часто детонируетъ, что сильно портитъ цѣльность впечатлѣній. Г. Сикачинскій, пользовавшійся у насъ прошлымъ лѣтомъ солиднымъ успѣхомъ, и теперь, болѣе всѣхъ артистовъ, привлекаетъ симпатіи публики своимъ небольшимъ, но очень симпатичнымъ, голосомъ и простою, задушевною игрою. Баритонъ г. Кателли выступилъ въ „Аидѣ“ и „Сельской чести“ и былъ хорошо принятъ, но затѣмъ болѣе уже не пѣлъ, хотя это было бы весьма желательно, такъ какъ другой баритонъ, г. Форесто, почти совсѣмъ утратилъ ноты верхняго и низкаго регистровъ. Особенно плохъ г. Форесто въ „Демонѣ“. Постановка и обстановка оперъ очень педурны.

Енисаветградъ (отъ нашего корреспондента). Нашъ пустующій почти цѣлый годъ, единственный въ городѣ театръ г. В. Т. Кузмицкаго, обыкновенно, оживляется немного весною прїѣздомъ на короткое время различныхъ столыпинъ и пѣвѣстныхъ провинціальныхъ артистовъ-гастролеровъ. Такъ, въ теченіе времени съ 13 по 21 мая у насъ гастролеровала, чуть ли не впервые со дня

основанія Елисаветграда, польская драматическая труппа, и именно труппа С.-Петербургскихъ польскихъ артистовъ. Для перваго дебюта поставлена была трехъ-актная комедія „Клубъ холостяковъ“ Балуцкаго. Съ перваго-же дебюта артисты приобрѣли самую широкія симпатіи нашего небольшого польскаго общества, которое не только само усердно посѣщало театръ въ теченіе всѣхъ спектаклей, но пригласило еще многихъ поляковъ, живущихъ въ окрестностяхъ Елисаветграда. Но не одни только поляки посѣщали театръ: посѣщали его съ удовольствіемъ и многіе неполяки, благодаря тому прекрасному ансамблю, съ которымъ труппа разыгрывала свои пьесы. Въ знакъ благодарности за доставленіе ему удовольствія и за пріѣздъ въ Елисаветградъ, мѣстное польское общество на спектакль 19 мая поднесло всѣмъ шестнадцати артистамъ по серебряному жетону. Изъ Елисаветграда польская труппа, по особому приглашенію, отправилась въ с. Каменское, Екатеринославской губ., гдѣ имѣется обширная и богатая польская колонія. — Съ 30 мая у васъ начались гастролы Товарищества оперныхъ артистовъ при участіи М. Е. Медвѣдева. Въ репертуаръ вошли оперы: „Демонъ“, „Пророкъ“, „Сельская честь“ (*Cavalleria rusticana*), „Фаустъ“, „Евгеній Онѣгинъ“, „Отелло“ и „Африкайка“. Составъ Товарищества: сопрано: г-жи Балабанова, Крапоткина, Картавина; меццо-сопрано: г-жи Борская, Плотницкая; тенора: артистъ Императ. театровъ г. Медвѣдевъ, гг. Любимовъ, Ошустовичъ, Давыдовъ; баритоны: гг. Кругловъ, Глинскій, Перелли; басы: артистъ Имп. театровъ г. Фюреръ, гг. Шакуло, Горяновъ; капельмейстеръ г. Труффи, балетмейстеръ г. Верони-Вестъ, режиссеръ г. Кравецкій, концертмейстеръ г. Берпарди. Хоръ изъ 20 человѣкъ; оркестръ — собственный. Поставленные уже двѣ первыя оперы „Демонъ“ и „Пророкъ“ дали полные сборы.

Кіевъ (отъ нашего корреспондента). Въ городскомъ театрѣ съ 11 по 14 мая гостила труппа драматическихъ артистовъ, во главѣ съ г-жей Савиной. Для перваго спектакля поставили „Раннюю осень“. Театръ былъ почти полонъ. Затѣмъ состоялось еще 3 спектакля: „Трактирица“ Гольдонн, „Фру-Фру“ и 1) „Перчатка“ 2) „Лѣтнія грезы“ (въ одинъ вечеръ). М. Г. Савина имѣла обычный большой успѣхъ. Труппа, сопровождающая М. Г. Савину, оказалась довольно малочисленной. Между артистами въ положительную сторону выдѣлялись — г-жа Свободина-Барышева и г. Недѣлинь, весьма недурно игравшій роль кавалера ди-Ринифратта въ „Трактирицѣ“. Обратили также на себя вниманіе публики г-жа Терехова (въ роли Варп — „Ранняя осень“) и г. Чипаровъ („Подъ душпестой вѣткой сирени“, „Школьная пара“). Въ Товарищество кромѣ названныхъ артистовъ входили: г-жи Лебедева, Лельская; гг. Тинскій, Гарипъ, Рюминъ, Горбачевскій. Для ком. „Лѣтнія грезы“ пришлось прибѣгнуть къ приглашенію мѣстныхъ артистовъ, г-жи и г. Чужбиновыхъ. Спектакли закончились съ хорошимъ матеріальнымъ успѣхомъ. — Въ томъ же театрѣ съ 17-го мая комедіей Гоголя „Ревизоръ“ начало свои спектакли Товарищество драматическихъ артистовъ во главѣ съ Н. В. Давыдовымъ. Роли были распределены такъ: городничій — г. Давыдовъ, Хлестаковъ — г. Аполонскій, Осипъ — П. Ленскій, Марья Антоновна — г-жа Грейберъ. Успѣхъ названныхъ артистовъ былъ весьма солидный. Особенно шумно привѣтствовала публика исполнителей мужскихъ ролей. Остальные роли исполнены были посредственно, если не сказать плохо. Второй спектакль — „Денегные тузы“ и „Завоеванное счастье“ — привлекъ

также много публики, какъ и первый. По слѣдующіе спектакли: „Свадьба Кречинскаго“, „Безъ разсудковъ“, „Вольная волюшка“, „Жертва“, „Горе отъ ума“, „Новое дѣло“ дали мизерные сборы. Только три послѣднихъ спектакля поправили дѣла Товарищества („Женитьба Бальзамина“, „Кому весело живется“, въ бенефисъ г. Давыдова и „Коварство и любовь“ въ бенефисъ г-жи Самойловой-Мичуриной). При такихъ обстоятельствахъ Товариществу за 11 спектаклей удалось заработать болѣе 7 тысячъ руб. Послѣдній спектакль — „Коварство и любовь“ оставилъ послѣ себя прекрасное впечатлѣніе. Г-жа Самойлова-Мичурина въ высшей степени правдиво сыграла Лунзу. Съ увлеченіемъ исполнила роль Фердинанда г. Аполонскій. Хороши были также гг. Давыдовъ (Миллеръ) и г. Ленскій (президентъ). Остальные добросовѣстно поддерживали ансамбль. Только г. Яковлевъ совершенно не подошелъ къ роли Вурма.

Курекъ (отъ нашего корреспондента). Земскій садъ съ лѣтнимъ театромъ арендованы на 12 лѣтъ общественнымъ клубомъ. Клубъ, оставивъ прежнія постройки, воздвигъ громадное деревянное зданіе для карточной, бильярдной и вечеровъ съ танцами. Клубу захотѣлось имѣть у себя оперетку, а такъ какъ г. Галицкій не согласился имѣть ея, то клубъ подыскалъ въ лицѣ артиста г. Бѣлаго-Аппина организатора оперетки, давъ ему театръ даромъ и 800 руб. субсидіи. Составъ опереточной труппы далеко не удовлетворительный, двѣ-три посредственныхъ артистки; столько же артистовъ, посредственный хоръ изъ 17 человѣкъ, такое же количество въ оркестрѣ, — вотъ и вся оперетка. Только костюмы изъ гардероба г. Милова, бывшаго антрепренера оперетки въ г. Харьковѣ, хороши. Составъ труппы: гг. Стрѣльниковъ — теноръ, Николенко — баритонъ, комикъ Нежановъ-Соколовъ, Томскій. Потановъ, Аппинъ и др.; г-жи Мятельская, Калмыкова, Орлова, Тавридова — комическая старуха и друг. Дѣятельность свою оперетка начала съ 6 мая. Сборы оперетка дѣлаетъ хорошіе, театръ часто бываетъ полонъ.

Нижній-Новгородъ (отъ нашего корреспондента). Единственнымъ развлеченіемъ для публики теперь служить „Садъ Смирнова“, гдѣ, подъ дирекціей г. Молоткова, въ лѣтнемъ театрѣ, даютъ спектакли малороссы подъ управленіемъ г. Мирово-Бедюхъ, но дѣлами похвалиться не могутъ, такъ какъ садъ находится очень далеко отъ центра города и потому посѣщеніе его сопряжено съ большими неудобствами, и кромѣ того онъ не пользуется хорошей репутаціей. — Въ большомъ ярмарочномъ театрѣ антрепренеръ г. Вѣльскій, какъ говорить, организуетъ хорошую оперную труппу. Въ садкѣ „Аркадія“, вмѣсто обрушившагося прошлагодняго театра, строится новый, въ которомъ будетъ даваться свои представленія Шейнкъ съ попой заграничной балетной труппой. Кромѣ этихъ двухъ театровъ строятъ еще одинъ совершенно новый лѣтній, гдѣ-то вблизи „Самоката“, содержаниемъ котораго будетъ г. Молотковъ. Туда будетъ приглашена малорусская труппа.

Новороссійскъ (отъ нашего корреспондента). Въ городскомъ театрѣ, арендуемомъ антрепренершей Ставропольскаго зимняго театра О. П. Долинской-Лавровской, съ 2-го іюня начались спектакли малорусской труппы, подъ распорядительствомъ гг. Деркача и Манько. Для открытія было поставлено „Назаръ Стодоля“. Сборы идутъ удовлетворительные, хотя главныя силы Товарищества, г-жа Болрская и гг. Деркачъ и Манько не появлялись еще предъ Новороссійскою публикой.

Труппа, какъ слышно, пробудетъ здѣсь до 20-го іюня. Послѣ отъѣзда малороссійской ожидается прибытіе 1-го іюля формируемой антрепренершей Долинской-Лавровской драматической труппы. Сезонъ обѣщается быть разнообразнымъ по унеселеніямъ, хотя и послѣдовало открытіе его позднѣе обыкновеннаго, по случаю перехода театра отъ владѣльца его г. Томскаго въ городскія руки и отдачи его городомъ г-жѣ Долинской-Лавровской въ арендное содержаніе на пять лѣтъ.

Рига (отъ нашего корреспондента). Нашъ оперный сезонъ, открывшійся 22 августа „Донъ-Жуаномъ“, закончился 20 мая „Демономъ“. Такимъ образомъ, возможно подвести итоги. Перемены въ мужскомъ составѣ оперы не оказали вліянія на общій уровень исполненія. Изъ женскаго персонала выдѣлялись, по прежнему, г-жи Мюллер (контральто) и Иольденъ (лирическое сопрано). Въ мужскомъ персоналѣ первенствовалъ баритонъ г. Марсано; въ драматическихъ партіяхъ голосъ этотъ, согрѣтый темпераментомъ ивца, звучалъ очень красиво (Демонъ, Барнаба въ „Джіоконда“). Песомѣнный прогрессъ былъ замѣтенъ въ оркестрѣ, который очень сыгрался за время четырехлѣтняго дирижерства г. Лозе; въ хорахъ освѣженъ женскій составъ, но мужской, къ сожалѣнію, оставленъ безъ переменъ. Постановка и режиссерская часть отличались добросовѣстностью; никогда не приходилось жаловаться на длинноту антрактовъ, на которую сътуютъ наши столичные органы печати. Репертуаръ солиденъ и разнообразенъ. Чаше другихъ оперъ шли: „Донъ-Жуанъ“, „Фра-Дьяволо“, „Марта“, „Царница Савская“. „Виндзорскія кумушки“, „Морякъ скиталецъ“, „Тангейзеръ“, „Лоэнгринъ“, „Риголетто“, „Фаустъ“, „Орфей“, „Пророкъ“, „Аида“, „Волшебный стрѣлокъ“ и „Фиделія“. Возобновлены и впервые поставлены: „Грегуйаръ“ Брюля, „Браконьеры“ Лорцины, „Норма“ Беллини, „Джіоконда“ Понкиелли, „Донжизмосскій почтальонъ“ Адама, „Демонъ“ г. Рубинштейна, „Іосифъ въ Египтѣ“ Мегюля. Постановка семи новыхъ оперъ, въ томъ числѣ двухъ такихъ трудныхъ въ музыкальномъ и сценическомъ отношеніяхъ, какъ „Демонъ“ и „Джіоконда“—для провинціальной сцены, несомнѣнная заслуга. Словомъ, за этотъ сезонъ мѣстная опера поднялась, и потому въ приглашеніи гастролеровъ не представилось настоятельной необходимости. Изъ послѣднихъ вполнѣ заслуженнымъ вниманіемъ публики пользовался теппоръ Гетце.—Что касается концертовъ этого сезона, то замѣчался особенный наплывъ русскихъ артистовъ. Концертировали: скрипачъ г. Ахшарумовъ, піанистка г-жа Познанская, скрипачъ г. Барцевичъ, пѣвцы гг. Фигнеръ и Майборода, пѣвицы: г-жи Сопки, Долгова и Михайлова. Изъ мѣстныхъ концертовъ заслуживаютъ упоминанія вечера камерной музыки, устраивавшіеся профессорами Пестелемъ и Портеномъ, духовный концертъ мѣстнаго Общества любителей православнаго пѣнія и юбилейный концертъ въ память Вагнера, въ мѣстномъ театрѣ.

Смоленскъ (отъ нашего корреспондента). Со 2-го мая въ Европійскомъ саду играть Товарищество драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ И. Е. Шувалова. Въ составъ труппы входятъ: г-жи Прокофьева, Смуглова, Ильинская, Карцева, Линская, Лярская, гг. Ленскій, Головинъ, Бредовъ, Лядовъ, Шуваловъ, Старковъ и др. Въ труппѣ нѣтъ ни інгеви, ни драм. резопера; это, конечно, такіе пробѣлы, которые даютъ себя чувствовать на каждомъ шагѣ и сильно стѣсняютъ артистовъ въ выборѣ пьесъ. Для открытія спектаклей была поставлена комедія „Столич-

ный воздухъ“. Спектакль прошелъ гладко, но далъ всего 124 рубля, тогда какъ полный сборъ превышаетъ 400 р. Товарищество за первый мѣсяцъ, отъ 2-го мая по 2 іюня, дало 17 спектаклей и получило валового дохода 1636 р. 84 к., т.-е. въ среднемъ нѣсколько болѣе 96 р. на спектакль. Наибольшій сборъ—205 р., наименьшій—36 р. Въ слѣдующій мѣсяцъ заработокъ, вѣроятно, будетъ меньше, такъ какъ за послѣднее время сборы сильно понизились и не превышаютъ 40—50 р. Всего по 12 іюня дано 22 спектакля. Репертуаръ смѣшанный: „Столичный воздухъ“, „Парижскіе нищіе“, „Вторая молодость“, „Безъ вины виноватые“, „Чародѣйка“, „Жидовка“, „Темный боръ“, „Семейные пороги“, „Ни минуты покоя“, „Веселая поляна“, „Торжество добродѣтели“, „Дядюшкина квартира“, „Цѣпи“, „Друзья пріятель“, „Наслѣдство золотопромышленника“ и др. Изъ исполнителей выдѣляется г. Ленскій, довольно порядочный комикъ; къ сожалѣнію, артисту иногда приходится играть роли резоперовъ, которыя ему совершенно не удаются. Товарищество положительно вредитъ себѣ, прибѣгая къ грубой и часто безграмотной рекламѣ, на которую, конечно, нельзя привлечь интеллигентную публику, составляющую главный контингентъ посѣтителей Европейскаго сада.

Ташкентъ (отъ нашего корреспондента). На сценѣ лѣтняго театра городского сада играетъ теперь драматическая труппа г. Васильева-Вятскаго, въ составъ которой вошли: г-жа Кручинина—драматическая артистка; г-жа Яблочкина—(артистка Императорскихъ театровъ) на роли комическихъ старухъ; г-жа Сильвина—вторыя роли; г-жа Гибина—водеvilная; г-жа Долинская—гражд-дамъ и г-жа Орловская—маленькія роли; г. Кручининъ—драматическій герой; г. Журинъ; г. Крамолинъ—второй любовникъ; г. Вознесенскій—резонеръ; г. Старбекъ и г. Рудинъ—выходныя роли и г. Васильевъ-Вятскій—первый комикъ. Труппа открыла сезонъ „Дармоѣдкой“, при радужномъ пріемѣ публики. Выдѣляющимися исполнителями являются гг. Кручинины и г. Журинъ, который завоевалъ симпатію публики съ перваго вечера, благодаря своей неподдѣльной игрѣ, умѣнью держать себя всегда естественно и свободно. Остальные артисты ансамбля не портятъ. Сборы удовлетворительные—отъ 250 до 350 руб. Репертуаръ состоялъ изъ слѣдующихъ пьесъ: „Свадьба Кречинскаго“, „Доходное мѣсто“, „Гроза“, „Уголокъ Москвы“, „Омутъ“, „Семейные пороги“, „Свѣтскія ширмы“, „Женитьба“, „Вѣдокурка“, „Убийство Коверлей“, „Дивъ спротки“, „Каширская старина“, „Столичный воздухъ“, „Деморальда“, „Дармоѣдка“ и т. д. Бенефисъ г. Кручинина и г-жи Кручининной прошелъ при полномъ почти сборѣ.

Харьковъ (отъ нашего корреспондента). Наибольше выдающимся и интереснымъ явленіемъ текущаго лѣтняго сезона представляются, разумѣется, гастролі Общества артистовъ Императорскаго московскаго Малаго театра, продолжавшіеся здѣсь съ 8-го по 18-е іюня включительно. Несмотря на то, что для гастролей этихъ выбрано не совсемъ удачное время, такъ какъ болѣеинишней мѣстной интеллигенціи стало раздѣзжаться на каникулы, а ярмарочная публика предпочитаетъ болѣе или менѣе серьезнымъ развлеченіямъ вполнѣ акклиматизировавшійся въ нашемъ городѣ кафе-шанталь,—тѣмъ не менѣе гастролі артистовъ Малаго театра имѣли все-таки матеріальный успѣхъ. Что касается успѣха художественнаго, то по этому поводу мы позволимъ себѣ высказать слѣдующее. Прежде всего въ труппѣ, которая къ намъ при-

ѣзжала, отсутствовало нѣсколько такихъ персонажей, съ именами которыхъ связана популярность Малаго театра. Этимъ мы, разумѣется, нисколько не желаемъ умалить значенія тѣхъ артистовъ, которые здѣсь гастролировали: такіе таланты, какъ г-жа Лешковская, гг. Горевъ, Правдинъ и Ильинскій, съ большимъ достоинствомъ, конечно, могли поддержать славную репутацію Малаго театра, но они были окружены или новичками, или мало интересными посредственностями. Разумѣется, подъ рукою такого режиссера, какъ г. Правдинъ, ансамбль достигался иногда превосходный, но въ то же время не могло быть и рѣчи о той цѣльности и художественности впечатлѣній, которыхъ мы въ правѣ желать отъ представителей образцоваго театра. Шли комедія Островскаго „Волки и овцы“, комедія Мольера „Скупой“ и одноактная драма Андерсона „Дочь короля Рене“, совсѣмъ незнакомая нашей публикѣ. Остальные же спектакли состояли изъ такого рода пьесъ, большинство которыхъ шло у насъ въ теченіе зимнихъ сезоновъ по нѣсколько разъ и, надо правду сказать, иногда съ такимъ ансамблемъ, который не уступитъ ансамблю гастролировавшей труппы. Но исключивъ такого рода сравненія, мы все-таки должны высказать большое спасибо за то истинное удовольствіе, которое доставили намъ почти всѣ спектакли Общества артистовъ Малаго театра. Для перваго спектакля поставлены были „Волки и овцы“. Пальма первенства въ этомъ спектаклѣ, безспорно, должна быть отдана г-жѣ Лешковской, которая прекрасно сыграла роль Глафиры. Замѣчательно яркій и вполне выдержанный типъ далъ г. Правдинъ, игравшій роль Чугунова. Мѣстами недуренъ былъ въ роли Мурзавецкаго г. Ильинскій, но цѣльности изображаемаго имъ типа вредило въ нѣкоторые моменты переигрываніе. Г-жа Каратыгина въ роли Мурзавецкой

была довольно типична. Г-ну Гореву пришлось выступить въ небольшой роли Беркутова, которую онъ провелъ съ присущимъ ему тактомъ. Изъ остальныхъ ролей недурно были сыграны роли Кулавиной и Лыниева: въ первой выступила г-жа Полякова, сумѣвшая изъ этой сравнительно блѣдной роли создать довольно жизненное лицо. Несомнѣнный художественный интересъ представило возобновленіе Мольеровскаго „Скупого“: роль Гарпагона игралъ г. Правдинъ, имѣвшій въ ней большой успѣхъ. Всѣ бенефисы сопровождались довольно хорошими, хотя и неполными, сборами и оваціями. Изъ исполнителей нельзя не выдѣлить молодого актера г. Яковлева: игралъ роль Зарукина въ „Шалости“, онъ выказалъ безспорное комическое дарованіе и имѣлъ въ ней вполне заслуженный успѣхъ. Вообще гастролировавшая труппа на харьковскую публику пожаловаться не можетъ, потому что, кромѣ лавровъ, Общество получило валоваго сбора около 6,000 руб. Изъ другихъ развлеченій текущаго лѣтняго сезона заслуживаютъ вниманія только начавшіеся еще съ 9-го мая въ театрѣ сада „Тиволи“ спектакли малорусской труппы подъ управленіемъ Н. К. Садовскаго. Хотя нашъ городъ часто посѣщаютъ малорусскія труппы и репертуаръ ихъ, какъ извѣстно, не отличается ни разнообразіемъ, ни новизною,—но тѣмъ не менѣе труппа г. Садовскаго пользуется прочными симпатіями, выражающимися не только въ восторженныхъ оваціяхъ, но и въ весьма недурныхъ сборахъ. Особенной любовью публики по прежнему пользуются г-жи Запьяковецкая, Затыркевичъ, Ратмирова (которая недавно оставила труппу съ цѣлью усовершенствовать свой голосъ для оперы), гг. Садовскій, Мова, Загорскій, Левницкій и др. Въ началѣ іюня сюда пріѣзжалъ со своей капеллой Д. А. Славянскій, давшій здѣсь съ большимъ успѣхомъ три концерта.

Эдвинъ Бутсъ.

(НЕКРОЛОГЪ.)

Въ Нью-Йоркѣ въ концѣ мая мѣсяца скончался знаменитый американскій трагикъ—Эдвинъ Бутсъ, особенно прославившійся исполненіемъ Шекспировскихъ ролей.

Онъ родился въ 1833 г. въ Балтиморѣ, въ штатѣ Мэрилендъ. Первымъ его воспитаніемъ занимался отецъ, тоже очень хорошій актеръ своего времени—Юній Брутъ.

Развивая сына, отецъ, въ тоже время старался вдохнуть въ него любовь къ сценѣ. Онъ изображалъ сыну закулисную жизнь въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, тѣмъ болѣе, что не допускалъ дарованія въ юпошѣ, такъ какъ послѣдній, противъ воли отца и очень неудачно, исполнилъ въ 16 лѣтъ роль Тресселя въ Ричардѣ III.

Но, не смущаясь ничѣмъ, Бутсъ продолжалъ заниматься любимымъ дѣломъ.

Его настольной книгой сталъ Шекспиръ, котораго онъ изучилъ почти всего на память.

Съ трудомъ и терпѣніемъ овладѣлъ онъ передававшейся ему въ началѣ мимикой и модуляціей голоса и вырабатывалъ свой талантъ, играя сперва небольшія роли.

Первый, кто далъ возможность молодому артисту проявить свои силы—былъ его же отецъ, уступившій непреклонному желанію сына. Это было во время представленія „Ричарда III“. Выступивъ въ заглавной роли, Юній Брутъ извинился передъ публикой, ссылаясь на внезапное, сильное недомоганіе, и просилъ позволенія передать всю роль на этотъ вечеръ сыну.

Первое недоумѣніе къ неопытному юпошѣ, рѣшившемуся выступить въ такой трудной роли, вскорѣ смѣнилось полнѣйшимъ увлеченіемъ и восторгомъ. Завоевавъ себѣ въ этотъ вечеръ завидный успѣхъ, артистъ держался на высотѣ его и до конца своей жизни.

Практичные американцы не очень заботятся о

процвѣтаніи чистаго искусства, эстетическихъ дарованій въ своей средѣ, но пользуются тѣмъ и другимъ и оплачиваютъ ихъ очень хорошо, особенно если выдающееся явленіе въ мірѣ художества и искусства—одинъ изъ ихъ согражданъ. И Эдвинъ Бутсъ испыталъ на себѣ всю силу національнаго поклоненія. Его поѣздки по Соединеннымъ Штатамъ были нескончаемымъ триумфомъ и къ мѣсту его пребыванія стремились на поклоненіе таланту трагика, какъ въ артистическую Мекку.

Послѣ многолѣтнихъ турнѣ, составивъ себѣ кромѣ славы еще очень крупное состояніе, что было не трудно, получая по 500 дол. за вечеръ,—артистъ рѣшилъ основать театръ, гдѣ бы гений Шекспира могъ явиться во всей полнотѣ и блескѣ, благодаря не только умѣлому и высоко-талантливому директору, но и цѣлому подбору развитыхъ и даровитыхъ членовъ труппы вообще.

При этомъ отмѣтимъ далеко незаурядный, почти единственный фактъ, что, будучи и матеріально и по духу хозяиномъ задуманнаго театра, Бутсъ совершенно стушевывался на

второй планъ передъ гениемъ драматурга, гдѣ то требовалось по ходу пьесы. Не личный успѣхъ и столь лестные вызовы ставилъ артистъ на первый планъ, а толкованіе и цѣльность произведеній поэта. Не было никогда у Бутсы желанія блистнуть подходящимъ эффектомъ; его руководящей мыслью было не „какъ я это скажу?“ а „что хотѣлъ этимъ сказать Шекспиръ?“

Такое высокое самоотреченіе, отсутствіе большого артистическаго самолюбія позволяло ему во время его гастролей въ Лондонѣ выступать вмѣстѣ съ Ирвингомъ въ однихъ и тѣхъ же пьесахъ поочередно въ однихъ и тѣхъ же роляхъ. Одинъ спектакль—Ирвингъ, этотъ лондонскій божекъ, игралъ Отелло, а Бутсъ—Яго, другой

спектакль—они мѣнялись ролями, и публика имѣла удовольствіе видѣть и сравнивать, какъ эти два богатыря сцены понимаютъ данныя характеры и какъ воплощаютъ ихъ.

Насколько любили Бутса въ Америкѣ, видно изъ того, что когда въ 1862 году, послѣ продолжительнаго отсутствія, Бутсъ вернулся въ Н. Йоркъ и выступилъ въ Гамлетѣ, то онъ припужденъ былъ дать сто представленій Гамлета подрядъ при всегда биткомъ набитой залѣ.

Пью Йоркцы, желая увѣковѣчить „такую минуту панвышаго художественно-артистическаго наслажденія и подъема“, рѣшили вычеканить въ честь артиста золотую медаль съ подходящей эмблемой.

Бутсъ производилъ впечатлѣніе глубиной пониманія и тонкостью чуткаго воспріизведенія малѣйшихъ оттѣнковъ творческой мысли.

Отступая отъ направленія Кипа, Кэмбля, Гаррика, Бутсъ не игралъ, а, какъ удачно выразился одинъ изъ критиковъ, — *мыслилъ въ смѣхъ*. Онъ не столько заботился о произведеніи даннаго эффекта, красивой позѣ или выразительномъ жестѣ, какъ о выясненіи всего характера извѣстнаго лица, объ яркомъ проявленіи его духовнаго настроенія.

Игра артиста послужила основаніемъ цѣлой школы не столько въ Америкѣ, не производившей достаточно талантливыхъ артистовъ, сколько въ Англіи, гдѣ память о Бутсѣ живетъ до сихъ поръ, несмотря на рядъ годовъ, прошедшихъ послѣ его посѣщенія Лондона. Устроенный Бутсомъ вышеупомянутый театръ не припесъ артисту счастья. Прямой, честный, горячо влюбленный въ искусство, онъ не былъ достаточно практиченъ, изворотливъ и податливъ, чтобы вести такое большое, почти коммерческое дѣло, какимъ является театръ и въ Новомъ Свѣтѣ, какъ и вездѣ. Потративъ много лѣтъ, здоровья и все свое состояніе, Бутсъ, разстрошенный и духомъ и тѣломъ, долженъ былъ отказаться отъ своего завѣтнаго предпріятія. Имъ овладѣла, вообще свойственная его характеру,

сильнѣйшая меланхолія. Но судьба снова ему улыбнулась. Новыя гастроли вернули ему состояніе, силы, даже здоровье,—только не разбитыя мечты и надежды, которыя для людей въ родѣ Бутса и бываютъ дороже всего. По въ это время надвинулось немало новаго горя: умеръ его горячо любимый отецъ, потомъ жена... Братъ, запутавшись въ сѣтяхъ собственнаго увлеченія, сталъ убійцей Линкольна и палъ отъ пуль настигшихъ его солдатъ.

Все это въ конецъ подорвало нервную систему артиста, и такъ расшатанную закулисной горячкой.

Напрасно онъ крѣпился и даже проектировалъ устроить новый театръ пополамъ съ польскою трагической артисткой Морджеевской, съ которой много разъ игралъ вмѣстѣ. Болѣзнь вѣка—неврозъ подкосилъ силы артиста.

Въ покойномъ — американская сцена потеряла одного, если даже не единственнаго, изъ глубочайшихъ толкователей Шекспира, артиста блестящаго ума и таланта. Лучшимъ его созданіемъ былъ и остался Гамлетъ, доведенный у Бутса до художественной обработки. Могли бы упрекнуть артиста въ нѣкоторой односторонности съ этимъ увлеченіемъ Шекспировскими типами. Но такая односторонность въ Англіи и въ Америкѣ является принадлежностью всѣхъ большихъ артистовъ, которые занимаются нѣсколькими только ролями, по за то доходятъ въ выполненіи этихъ ролей до совершенства.

Изъ Чикаго останки Бутса были перенесены для погребенія въ Бостонъ, гдѣ и погребены съ большою пышностью. Все свое огромное состояніе (600,000 доллар.) покойный оставилъ своей дочери. Изъ массы вѣнковъ, возложенныхъ на гробъ, выдѣлялся вѣнокъ, присланный Ирвингомъ. На черной лентѣ его была надпись: „Мы всѣ его любили“. И дѣйствительно, знавшіе близко артиста потеряли въ немъ не только талантъ, но и человѣка въ лучшемъ смыслѣ слова.

Л. Г.

Народный театр
въ Меранѣ.

Х р о н и к а.

МОСКВА.

Въ слѣдующихъ книжкахъ нашего журнала будутъ напечатаны имѣвшія большой успѣхъ за границей 1) комедія: Аронжа „Lolo's Fater“, исключительное право перевода которой на русскій языкъ приобрѣтено нашимъ журналомъ и 2) „Виповень“ др. Фосса.

Въ составъ профессоръ **московской консерваторіи** поступаетъ теперешній директоръ музыкальнаго училища въ Тифлисѣ, М. М. Ипполитовъ-Ивановъ, въ качествѣ профессора по классу теоріи музыки.

Профессоромъ **московской консерваторіи** С. Н. Тапѣвымъ окончена трехъактная опера „Орестеа“. Сюжетъ взятъ изъ классической драмы Эсхила.

14-го іюня скончался **К. К. Альбрехтъ**. К. К. Альбрехтъ родился 4 октября 1836 г. въ небольшомъ городѣ Эльберфельдѣ въ Германіи; въ слѣдующемъ 1837 г. его родители переселились въ Россію, которая и сдѣлалась его истиннымъ отечествомъ, интересамъ котораго онъ былъ преданъ совершенно искренно. Отецъ покойнаго долгое время былъ капельмейстеромъ русской оперы въ Петербургѣ и на его долю выпала честь поставить на сцену „Руслана и Людмилу“ Глинки, питавшаго большое уваженіе къ музыкальнымъ талантамъ и знающимъ нѣмецкаго артиста. К. К. прошелъ нѣсколько классовъ гимназій. Въ началѣ 1854 г. К. К. поступилъ на службу въ оркестръ Императорскихъ **московскихъ театровъ** и съ того времени до конца жизни посвятилъ всю свою дѣятельность Москвѣ. Музыкальное образованіе свое К. К. получилъ сначала подъ руководствомъ

отца, съ переселеніемъ же въ Москву онъ сдѣлался ученикомъ виолончелиста Шмидта, бывшаго также учителемъ К. Ю. Давыдова. Когда въ Москвѣ зародилась мысль объ учрежденіи отдѣльной музыкальнаго Общества и во главѣ дѣла сталъ Н. Г. Рубинштейнъ, для молодого виолончелиста Альбрехта открылось новое поприще дѣятельности. К. К. сдѣлался съ 1860 г. главнымъ и неустаннымъ работникомъ. За исключеніемъ финансовой стороны дѣла Общества, которой К. К. Альбрехтъ никогда не касался, во всемъ остальномъ онъ былъ той невидимой пружиной, которая приводила все въ дѣйствіе. Когда задумано было учрежденіе консерваторіи, то вся подготовительная работа устройства общаго плана, программы и пр. досталась на долю неутомимаго труженика, которому изъ за этого пришлось оставить въ 1866 г. службу въ театрѣ. Во вновь открытой консерваторіи онъ съ 1866 г. занялъ должность инспектора, а черезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался сверхъ того преподавателемъ по классу сольфеджіи, для котораго имъ былъ составленъ учебникъ, совершенно оригинальный по своей системѣ и методу. Послѣ смерти Н. Г. Рубинштейна и выходѣ въ отставку его преемника по должности директора консерваторіи Н. А. Губерта, К. К. Альбрехтъ сдѣлался съ 1883 г. исполняющимъ должность директора и оставался въ ней до 1885 г., когда былъ уволенъ, съ возложеніемъ на него обязанностей инспектора. Въ этой должности онъ и оставался до выхода въ отставку весной 1889 г. Дирекціей музыкальнаго Общества назначена была ему довольно значительная пенсія. К. К. Альбрехтъ трудился очень много на педагогическомъ поприщѣ. Въ 1863 г. музыкальнымъ Обществомъ были открыты хоровые классы по цифрному методу Шеве и преподаваніе въ этихъ классахъ было поручено К. К.; въ скоромъ времени имъ былъ составленъ и напечатанъ обширный учебникъ цифрной методы, въ которомъ заимствованія изъ французскаго руководства Шеве составляли лишь часть, а главная доля была самостоятельной работой, придавшей труду К. К. совершенно оригинальный видъ, настолько отличающій эту методу отъ французской, что ее можно считать почти совершенно самостоятельной по системѣ и приемамъ преподаванія, въ ней примѣненнымъ. Учебникъ Альбрехта заключаетъ въ себѣ большую хрестоматию хоровыхъ сочиненій, превосходно составленную, значительную долю этой хрестоматіи занимаютъ переложенія для хора русскихъ народныхъ пѣсенъ, сдѣланныя самимъ К. К. Альбрехтомъ съ большимъ талантомъ и знаніемъ дѣла. Учебникъ цифрной методы, раздѣленный на нѣсколько отдѣльныхъ выпусковъ, разошелся во многихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ и до сихъ поръ остается безъ всякаго сравненія лучшимъ руководствомъ. Покойнаго чрезвычайно интересовалъ вопросъ о постановкѣ хорového пѣнія въ народныхъ школахъ, и онъ занимался имъ до самаго конца жизни. Еще недавно онъ обратилъ вниманіе на англійское концертино, какъ на инструментъ очень удобный и практичный въ качествѣ вспомогательнаго для преподаванія пѣнія въ школахъ, и составилъ школу для концертино. По инициативѣ К. К. лѣтъ 15 тому назадъ было учреждено русское хоровое Общество, въ которомъ онъ долгое время состоялъ главнымъ руководителемъ и преподавателемъ. Отъ времени до времени онъ занимался еще учено-музыкальными работами; одна изъ нихъ,—ислѣдованіе о темпѣ въ исполненіи камерной музыки классическихъ авторовъ,—обратила на себя весьма серьезное вниманіе за границей; такое же изслѣдованіе сдѣлано имъ и о темпѣ сочиненій

Глинки. Въ самые послѣдніе годы его занималъ вопросъ объ исторіи оперы въ Россіи.

Пятничные концерты г. Арендса въ ротондѣ **Сокольниковъ** пользуются заслуженнымъ успѣхомъ. 11 іюня состоялся третій концертъ съ участіемъ двухъ солистокъ: скрипачки М. Н. Гамовецкой и пѣвицы г-жи Кассанъ.

17-го іюня на сценѣ театра Гай въ **Бусковѣ** шла комедія „Денежныя тузы“ съ участіемъ И. П. Киселевскаго и г-жи Коминой (Комисаржевской). Г. Киселевскій съ обычнымъ успѣхомъ исполнилъ роль Бородавкина. Молодая дебютанка г-жа Комина-Комисаржевская очень живо сыграла роль Раисы. Г-жа Комина показала уже себя съ самой выгодной стороны на сценѣ Общества искусства и литературы и безъ сомнѣнія сдѣлается замѣтной артисткой.

20-го іюня на сценѣ театра въ **Сокольникахъ** была поставлена съ участіемъ И. П. Киселевскаго комедія Зудермана „Честь“.

20 іюня съ успѣхомъ прошли на сценѣ театра въ **с. Богородскомъ** „Сорванецъ“ съ участіемъ талантливой Б. Э. Кошевой, и водевилъ „Прежде скончались, потомъ повѣнчались“, въ которомъ очень хорошо исполнили свои роли г-жа Мелвѣдова и г. Неволинъ.

Дебютъ летающаго балета, состоявшійся въ театрѣ сада **Эрмитажъ**, имѣлъ большой успѣхъ. Танцы и летающія группы балеринъ во главѣ съ г-жей Преціозой Григолатисъ очень эффектны и производятъ полную иллюзію. Главную роль въ балетѣ играютъ не столько балерины, сколько машины. Танцовщицы легко поднимаются вверхъ и граціозно перелетаютъ изъ одной кулисы въ другую. Механическое приспособленіе даетъ возможность составлять весьма красивыя группы. Особенно эффектна сцена, когда кордебалетъ взмахомъ газовой ткани заставляеть летѣть вверхъ главную балерину и она оттуда медленно опускается, какъ бы опираясь носкомъ ноги на также опускающуюся газовую матерію. Еще поразительнѣе, когда балерина останавливается на нѣсколько мгновеній на протянутой ладони руки танцовщицы изъ кордебалета. Всѣ воздушныя полеты танцовщицъ чрезвычайно легки, свободны и граціозны.

Дебютъ новой балерины г-жи Терезы Магліани въ **Фантазіи** сопровождался большимъ успѣхомъ.

13 іюня состоялось открытіе новаго **Кунцевскаго** театра, востроеннаго С. И. Напобкинымъ и К. А. Калустинимъ. Для открытія былъ поставленъ фарсъ И. И. Мясницкаго „Залцъ“. Особенно выдающійся успѣхъ имѣли гг. Вязовскій и Валентинновъ.

Въ Москвѣ будетъ зимой еще новый театръ, на углу Тверскаго бульвара и Малой Бронной, въ **домѣ Романова**. Театральный залъ величиной въ два яруса, длина зала 12 сажень, ширина—6 сажень.

Петербургъ.

Э. Ф. Направникъ запялъ въ настоящее время сочиненіемъ новой оперы, сюжетъ которой заимствованъ изъ повѣсти Пушкина „Дубровский“. Авторъ либретто—М. И. Чайковскій.

Въ составъ петербургской балетной труппы приняты вновь выпущенные изъ театрального училища 11 воспитанницъ и 3 воспитанника.

Въ настоящее время уже вполнѣ закончена новая обстановка предполагаемаго къ возобновленію балета „Жемчужина“ и въ скоромъ времени начнется изготовленіе обстановки новаго балета „Сандрильона“, идущаго впервые будущей зимой. Подновляются декорации и костюмы многихъ во-

возобновляемых оперъ, какъ-то: „Тангейзера“, „Рогнеды“, „Вражьей силы“, „Горюхи“—А. Г. Рубинштейна и т. д. Для „Фольстафа“ Верди обстановка будетъ изготовляться по эскизамъ, доставленнымъ изъ Милана.

Пополненіе хора новыми хористами производится выпускомъ изъ хоровой школы, учрежденной при русской оперѣ, и только если все-таки еще окажутся вакансіи, то назначаются конкурсные испытанія для хористовъ частныхъ сценъ, которыя состоятся въ концѣ лѣта.

С.-Петербургская консерваторія объявляетъ, что желающіе поступить въ число ея учениковъ подаютъ до 20-го августа прошенія на имя директора, на простой бумагѣ, и заявляютъ въ нихъ, какой именно изъ главныхъ предметовъ они избираютъ для спеціальнаго изученія. При прошеніи прилагаются свидѣтельства: 1) а) метрическое, б) медицинское, удостоверяющее, что занятія спеціальнымъ предметомъ безвредны для здоровья, и о привитіи оспы, в) о научномъ образованіи, 2) увольнительное свидѣтельство, если поступающій принадлежитъ къ податному сословію; и копін съ нихъ на простой бумагѣ, безъ марокъ. Лица отъ 17-ти лѣтняго возраста должны прилагать еще свою фотографическую карточку. Лица иудейскаго закона, кромѣ означенныхъ документовъ, обязаны представлять свидѣтельство отъ канцеляріи спб. градоначальника о дозволеніи имъ проживать въ столицѣ. Подавшіе означенныя прошенія обязаны явиться на пріемные экзамены: 25-го августа, къ 10 часамъ утра, на экзаменъ элементарной теоріи, для опредѣленія степени общаго музыкальнаго развитія и подготовки; затѣмъ 26-го августа, въ 10 часовъ утра,—на экзаменъ по спеціальной теоріи (въ теоретическіе классы лица, не владѣющія русскимъ языкомъ, не принимаются) и оркестровому отдѣлу, и въ тотъ-же день, въ часъ дня,—по пѣнію; 28-го августа, въ 10 час. утра,—по научнымъ предметамъ. Въ день пріемнаго экзамена, экзаменующіеся вносятъ три рубля вступительныхъ денегъ, которыя, въ случаѣ неудачи экзаменовъ, возврату не подлежатъ, а выдержавшимъ успешно въ плату за обученіе не числятся. Ученики консерваторіи и вольнослушатели вносятъ за ученіе по 200 рублей въ годъ къ 1-му сентября. Принимаемые бесплатно въ спеціальныя классы или поступающіе въ приготовительное отдѣленіе игры на фортепіано, въ классы, находящіеся въ завѣдываніи учащихся педагогическаго отдѣла, приплачиваютъ за право посѣщенія научныхъ классовъ 100 р. За посѣщеніе научныхъ классовъ взимается, со всѣхъ безъ исключенія, отдѣльно, 25 рублей въ годъ. На учебный 1893—94 гг. открываются нижеслѣдующія вакансіи, на условіяхъ уплаты изъ средствъ учащихся только 25 рублей въ годъ за научныя классы: 1 по классу игры на контрабасѣ, 1 по классу флейты, 1 по классу фагота, 1 по классу трубы, 1 по классу тромбона и 1 по классу волторыни. Подробныя условія пріема въ спб. консерваторію и извлеченія изъ правилъ консерваторіи изложены въ особой брошюрѣ, которую можно получить у швейцара консерваторіи (Театральная ул., зданіе министерства внутреннихъ дѣлъ, № 3), по 10 коп. за экземпляръ.

Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ утверждены уставъ **Общества любителей хорового пѣнія** при церкви св. Анны, въ С.-Петербургѣ.

Петербургскій градоначальникъ обнародовалъ слѣдующее распоряженіе: „Замѣчено, что представленія въ лѣтнихъ театрахъ въ увеселительныхъ садахъ начинаются значительно позже назначеннаго для того времени въ афишахъ, вслѣдствіе чего, при

большихъ притомъ антрактахъ между представленіями, окончаніе ихъ сильно затягивается. Въ видахъ устраненія такого неудобства для публики,—предлагаю гг. приставамъ безотлагательно обязать содержателей увеселительныхъ садовъ подписками начинать представленія въ театрахъ отнюдь не позже указаннаго для того времени въ афишахъ, не дѣлая притомъ слишкомъ большихъ антрактовъ между представленіями и не заканчивая ихъ поздно, и предупредить содержателей заведеній, что при нарушеніи этого я вынужденъ буду сократить время, разрѣшенное вообще для открытія заведенія“.

Акваріумъ. 29-го мая здѣсь выступила г-жа Декроза.

4-го іюня, состоялось открытіе лѣтняго сезона въ **Веклешовомъ саду** (въ Лѣсномъ). Труппа для открытой сцены составлена изъ г-жъ Муравьевой-Никитиной, Ивановичъ и Гарипой, гг. Антипова, Шабельскаго и др.

Открылись спектакли въ **Коломяжскомъ театрѣ**. Былъ поставленъ фарсъ „Маленькая война“. Участвовали гг. Бравичъ, Славичъ и др.

30-го мая состоялось открытіе спектаклей въ **Лѣсномъ клубѣ**. Шла драма „Семья преступника“. 9-го іюня пьеса г. Мясницкаго „Сыщикъ“ привлекла массу публики.

Въ **Озерковскомъ театрѣ** была поставлена драма кн. Сумбатова—„Цѣпи“, разыгранная съ ансамблемъ. Въ роли героини пьесы—Волинцевой выступила бывшая артистка Императорскихъ театровъ г-жа Волгина и имѣла въ ней успѣхъ. Публики было много.

13-го іюня, въ **Ораніенбаумскомъ театрѣ** труппою подъ управленіемъ С. М. Сосновскаго, представлена была комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ „Сыщикъ“ Н. И. Мясницкаго. Спектакль привлекъ многочисленную публику. Особенный успѣхъ вынудилъ на долю г-жъ Семеновой, Азаровой, Даниловой и гг. Соколова и Волкова-Семепова.

30-го мая, состоялось открытіе 1-го **Стрѣльнинскаго театра** В. А. Базарова и Л. А. Лепскаго. Давали „Горе отъ ума“. „Сыщикъ“ Н. И. Мясницкаго, съ участіемъ гг. Базарова и Левскаго, былъ разыгранъ очень дружно и весело.

Въ **Удѣльномъ общественномъ собраніи** открытіе спектаклей состоялось 1 іюня. Въ труппу входятъ: г-жи Райдина и Славичъ и гг. Аткарскій, Левскій, Лапсбергъ, Базаровъ и др.

Провинціальная хроника.

Аккерманъ. Артистическій кружокъ Одесскаго драматическаго Общества далъ одинъ спектакль въ Аккерманѣ и предполагаетъ гастролировать въ другихъ ближайшихъ городахъ: Херсонѣ, Николаевѣ, Тирасполѣ, Бендерахъ и др.

Астрахань. Драматическая труппа, сформированная г. Перовскимъ для лѣтняго театра, по сообщенію астраханскихъ газетъ, распалась; изъ ея состава вышли г-жа Летаръ, гг. Казанцевъ, Самарскій, Добровольскій. Они сняли Эрмитажный театръ-циркъ и даютъ общедоступные спектакли.

Баку. 1 іюня въ театрѣ-циркѣ Товарищество русскихъ артистовъ поставило первый народный спектакль, для котораго была дана „Паталка Полтавка“. Цѣвы мѣстамъ были значительно понижены. На будущій сезонъ театръ Тагіева снять г-жей Сапаровой-Абашидзе для опереточныхъ представленій. Главнымъ режиссеромъ будетъ г. Арбенний.

Воронежъ. Зимній городской театръ снятъ артистомъ Н. А. Медвѣдевымъ для драматическаго Товарищества, въ составъ котораго вошли: М. А. Сабина-Дольская на роли героинь; Инсарова ingenue dramatique, А. Н. Медвѣдева — ingenue

comique, Е. Д. Липовская—комическая старуха, Е. М. Медвѣдева—вторая ingenue; гг. Г. Г. Ге—первый любовникъ и герой, А. Н. Соколовскій—резонеръ, А. П. Смирновъ—комикъ, П. А. Медвѣдевъ—на характерныя роли и многіе другіе.

Начало спектаклей предполагаются въ началѣ сентября.

22 іюня состоялся бенефисъ артистки г-жи Отрадиной, которая поставила въ свой бенефисъ еще нѣдѣ неиграющую, только на-дняхъ разрѣшенную, новую пьесу Германа Зудермана (Die Heimath)—„Родина“. П. П. Киселевскій выступилъ въ роли полковника Шварце.

Екатеринбургъ. Гастроли г-жи Гореваго не имѣли успѣха. Бенефисъ гастролерши, по словамъ „Екатер. Недѣли“, далъ всего 286 руб. сбора.

Екатеринославъ. Дѣла мѣстнаго Кружка любителей драматическаго искусства пришли въ упадокъ. За 1893 г. никто, по сообщенію „Од. Нов.“, членскихъ взносовъ не сдѣлалъ и поэтому въ текущемъ году не было не только спектаклей, но даже ни одного общаго собранія членовъ. Капиталъ Кружка, до 5000 руб., и сценическій инвентаръ лежатъ у одного изъ бывшихъ старшинъ Кружка безъ всякаго употребленія.—Въ лѣтнемъ театрѣ М. М. Бородаевъ закончили гастроли артиста Императорскихъ театровъ А. Н. Южпа. Всѣхъ спектаклей дано было 11, причемъ исполнены были слѣдующія пьесы; „Отелло“ (2 раза), „Изломанные люди“, „Рюп-Блазъ“, „Эрпалъ“, „Надо разводиться“, „Макбетъ“, „Желѣзная маска“, „Горе отъ ума“, „Гамлетъ“, „Уриель Акоста“. На кругъ сборы были по 440 руб. Приемъ публики все время гастролей былъ восторженный. Затѣмъ начались гастролы артиста Императорскихъ театровъ г. М. Дальскаго; репертуаръ спектаклей классическій.

Житомиръ. 6 іюня здѣсь открылся садъ „Ренессансъ“, въ которомъ устроенъ лѣтній театръ. На сценѣ этого театра текущимъ лѣтомъ предполагаются гастроли малорусскаго Товарищества артистовъ съ участіемъ г-жи Зальковецкой.

Казань. Въ Казани, какъ намъ сообщаютъ, играетъ теперь труппа столичныхъ драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ бывшаго главнаго режиссера Александринскаго театра П. М. Медвѣдева, который принимаетъ участіе въ спектакляхъ и въ качествѣ актера. Труппа должна была давать представленія въ городскомъ театрѣ, но вслѣдствіе жаркой погоды спектакли 19 мая начались въ лѣтнемъ театрѣ. Репертуаръ состоялъ изъ пьесъ: „Послѣдняя жертва“, „Мужъ знаменитости“, „Ребенокъ“, „Нашъ другъ Неклюжевъ“, „Въ старые годы“, „Женитьба Бѣлугина“, и др.—Сборъ пожертвованій въ Казани на сооруженіе памятника Андрееву-Бурлаку продолжается. Всего въ настоящее время однимъ изъ инициаторовъ этого дѣла, г. Галлиани, собрано 221 р. 50 к.

Кіевъ. Н. Н. Соловцовъ на зимній сезонъ пригласилъ слѣдующую труппу: г-жи Глѣбова, Дѣлцова, Велизарій, Немировичъ, Шеравьева, Пинкигина, Измайлова и др. гг. Нехлѣпнѣ, Агаревъ, Чужбиновъ, Песоцкій, Чинаровъ, Долиновъ, Поповъ, Асмоловскій, Борисовъ, Кнорье и др. Открытіе сезона 8 сентября. Театръ заново реорганизованъ.

5-го іюня закончилось гострольное путешествіе артистки Императорскихъ театровъ М. Г. Савиной, результаты котораго и въ этомъ году оказались блестящими. Всѣхъ спектаклей было дано 24, валовой сборъ превысилъ 20.000 р. (Въ Харьковѣ три спектакля дали 2.316 р., Кіевѣ четыре—3.903 р., Полтавѣ три—2.122 р., Николаевѣ два—1.160 р., Херсонѣ два—1.320 р., Одессѣ

пять—5.970 р. и Екатеринославѣ пять—3.230 р.). Репертуаръ М. Г. Савиной состоялъ изъ слѣдующихъ пьесъ: „Ранняя осень“, „Трактирщица“, „Фру-Фру“, „Перчатка“, „Татьяна Рѣпина“, „Цѣпи“, „Чаройдѣйка“, „Лѣтнія грёзы“ и „Симфонія“. Въ Товариществѣ кромѣ М. Г. Савиной находились: г-жи Свободина-Барышева (гран.-dam.), Терехова (ingen.), Лебедева (старух.) и др. гг. Типскій (люб.) Нехлѣпнѣ (фатъ), Рюминъ (резон.), Чернышовъ (ком. рез.), Гаринъ (комикъ), Чинаровъ (простакъ), Петровъ, Горбачевскій, Моргуновъ (2-роли) и др. Режиссеръ М. Ф. Рюминъ. За мѣсяцъ путешествія М. Г. Савина получила 6.000 р., а Товарищество, кромѣ суточныхъ и дорожныхъ, заработало двойнымъ рублемъ.

Товарищество опереточныхъ артистовъ, въ составѣ 85 человекъ, подъ управленіемъ А. З. Бураковского, путешествуя на югъ и по **Крымъ**, дѣлаетъ полные сборы. Со 2 апрѣля, оно давало спектакли въ Одессѣ, въ русскомъ театрѣ, и за мѣсяцъ имѣло сбора 10.186 руб. Въ маѣ, оно играло въ Николаевѣ и за 12 спектаклей выручило болѣе 5 тыс. руб. Съ 19 мая, труппа подвизается въ Севастополѣ, въ городскомъ театрѣ и привлекаетъ много публики; тамъ она останется по 31 іюня, а затѣмъ отправится въ Симферополь, Феодосію и Ялту.

Ст. Лиски, Бобровскаго уѣзда. Прежде спектакли устраивались здѣсь въ помѣщеніи офицерскаго собранія. Теперь же въ Лискахъ, по словамъ „Дона“, имѣется прекрасно-приспособленное зданіе для театра, гдѣ даются спектакли и концерты. Постоянная сцена устроена въ манежѣ при 4-й артиллерійской бригадѣ и для постановки несложныхъ пьесъ вполне удовлетворительна; жалъ лишь, что недостаточно высока. Зрительный залъ (манежъ) довольно просторенъ, занятъ нѣсколькими ложами и 12 рядами креселъ и скамеекъ, при чемъ остается еще большая половинна зала незапята. Освѣщается залъ люстрами и лампами. Въ общемъ театръ въ Лискахъ—пріятная новинка для мѣстныхъ жителей. Кромѣ любительскихъ спектаклей устраиваются иногда концерты заѣзжими артистами.

М. Молодечна. Въ мѣстной начальной школѣ состоялась, въ присутствіи попечителя учебнаго округа, т. сов. Н. А. Сергіевского, музыкально-литературный вечеръ, въ программу котораго вошло 15 избранныхъ померовъ изъ оперы „Жизнь за Царя“. Хоръ составляли мальчики и дѣвочки, оркестръ—ученики мѣстныхъ еврейскихъ училищъ.

Муромъ. Пріѣхавшіе изъ Нижняго-Новгорода артисты поставили 2 іюня на сценѣ мѣстнаго клуба „Кручину“, но сборъ равнялся приблизительно 35—40 руб. при вечеровомъ расходѣ въ 70 руб. Товарищество тѣмъ не менѣе намѣревалось продолжать спектакли.

Одесса. Русскій театръ снятъ артистомъ г. Новиковымъ-Ивановымъ на 12 лѣтъ. Приступлено къ ремонту и къ устройству въ театрѣ электрическаго освѣщенія. Открытіе зимняго сезона предполагается 15 ноября.

— Съ 6 іюня въ городскомъ театрѣ начались спектакли Товарищества артистовъ Александринскаго театра съ В. Н. Давыдовымъ во главѣ.

Орелъ. Съ 30 іюня въ Орлѣ, въ лѣтнемъ городскомъ саду будетъ играть труппа драматическихъ артистовъ. На гастроли, какъ мы слышали, приглашенъ Н. П. Роцинъ-Инсаровъ; въ нѣсколькихъ спектакляхъ приметъ участіе также А. А. Черепановъ.

Рига. На дняхъ исполнится двадцать лѣтъ со дня открытія въ Ригѣ латышскаго театра; юбилей предполагается праздновать устройствомъ благотворительнаго спектакля.

— Изъ доклада театральной комиссін Рижскаго Латышскаго Общества, по сообщенію „*Balt. West*“, видно, что въ истекшем сезонѣ латышскій театръ имѣлъ слѣдующій доходъ: съ 49 обыкновенныхъ представлений 10863 р. 54 коп.; съ бенефисовъ директора и хора—780 р. 40 к., за уступленные другимъ сценамъ драматическія произведенія—111 руб. 86 к., городской субсидіи 5000 р. Но этого оказалось недостаточно и Латышское Общество ссудило театру на покрытие дефицита 2250 руб. На 51 представлении перебивало 24 тыс. человекъ или на каждомъ спектаклѣ, среднимъ числомъ, было по 488 человекъ. Поставлено было 34 произведенія, изъ нихъ въ первый разъ—11 и въ томъ числѣ 2 оригинальныхъ. Сборъ съ каждого представленія равнялся среднимъ числомъ 232 руб. 33 коп.

Ростовъ-на-Дону. Въ Товариществѣ Н. Н. Синельникова гастролируетъ извѣстный артистъ М. Т. Ивановъ-Козельскій.

Рязань. Въ саду при клубѣ Общества рязанскихъ велосипедистовъ устроенъ недавно лѣтній театръ-эстрада, въ которомъ устраиваются любительскіе спектакли. Спектакли эти, являясь единственнымъ развлеченіемъ для рязанской публики въ пылкій лѣтній сезонъ, привлекаютъ огромное количество посѣтителъ и проходятъ при полномъ сборѣ.

Саратовъ. Въ театральнѣй комитетъ представленъ гг. Горинымъ-Горяиловымъ и Закржевскимъ списокъ опернаго и драматическаго персонала. Объ оперномъ составѣ мы уже сообщали („Дневн. Артиста“, № 7). Драматическая же труппа составлена изъ слѣдующихъ персонажей: г-жи Башинская (драмат. грандъ-дамъ п героиня), Щербакова (драмат. и комич. энженю), Азарова (комич. энж. и водев.), Бурдина (старуха), Панаева и др., гг. Горинъ-Горяиновъ (характерныя роли), Вишневскій (драм. любви.), Бушманъ (резонеръ), Иконниковъ (второй резонеръ и любовникъ), Яковлевъ (ком.-резонеръ), Вадимовъ (простакъ) и др.

Симферополь. 1 іюня начались въ театрѣ городского сада спектакли малорусскаго Товарищества подъ управленіемъ г. Саксаганскаго. Сборъ труппы очень плохъ.

Славянскъ (Харьковской губ.). Здѣсь въ настоящее время даетъ спектакли Товарищество подъ управленіемъ г. Лаптева. Составъ труппы: Г-жа Андреева (драматическая графъ-дама), г-жа Ленская (инженеро-драматикъ), г-жа Славская (комическая старуха), г-жа Романовичъ и г-жа Иванова (вторыя роли); г. Соборновъ-Райскій (драматическій любовникъ), г. Калининъ (драматическій резонеръ), г. Лаптевъ (комикъ), г. Сабетскій (второй резонеръ), г. Тиминъ (второй любовникъ), гг. Ленскій и Охотинъ (вторыя роли). Поставлены были слѣдующія пьесы: „Въ старые годы“, „На порогъ къ дѣлу“, „Черезъ край“, „Гдѣ любовь тамъ и напасть“, „Степной Богатырь“, „Безъ вины виноватые“.

Сѣвскъ (Орловск. губ.). Въ лѣтнемъ общественомъ клубѣ играетъ Товарищество артистовъ подъ управленіемъ А. И. Чагина. Дано было 6 спектаклей, которые, не смотря на холода и дожди дали Товариеству за полторы недѣли, съ 1 по 13 іюня, на марку по 198 к. Шли пьесы: „Доходное мѣсто“, „Степной Богатырь“, „На лопѣ природы“, „Кто въ лѣсъ, кто по дрова“, „Счастливый день“, „Гувернеръ“ и др.

Таганрогъ. Здѣсь съ успѣхомъ гастроліровала труппа драматическихъ артистовъ съ участіемъ г. и г-жи Петина.

Тверь. Игравшее въ Твери Товарищество драматическихъ артистовъ прекратило свою дѣятельность вслѣдствіе отсутствія всякихъ сборовъ.

Тифлисъ. Бабковскій театръ въ Тифлисѣ опять снѣтъ г-жею Сапаровой на круглый годъ.

Умань. На лѣтній сезонъ сюда пріѣхала труппа драматическихъ артистовъ подъ управленіемъ г. Скуратова.

Харьковъ. По словамъ харьковскихъ газетъ, съ талантливой артисткой М. К. Заньковецкой произошелъ 3 іюня несчастный случай. Въ 6 картинѣ пьесы „Гуцулы“ падала въ пропасть, г-жа Заньковецкая настолько сильно ушибла себѣ ногу, что у нея образовалось растяженіе сухожилия. Молодежь на рукахъ донесла свою любимицу до ея квартиры.

Работы по сломкѣ стараго зданія драматическаго театра идутъ безостановочно, а кладка новыхъ наружныхъ стѣнъ уже началась, такъ что театръ будетъ готовъ къ 15 октября. Новое зданіе отдано въ аренду на одинъ годъ В. Л. Фортатти. Арендная плата за новый театръ назначена высокая—25000 р., считая за буфетъ и въшалку 9000 р., а за самый театръ 16000 р. Мѣсть въ новомъ театрѣ предположено на 120 человекъ.

Ѳеодосія. Съ 20 іюня начнутся спектакли малорусскаго Товарищества подъ управленіемъ г. Саксаганскаго, а въ августъ сюда пріѣдетъ опереточная труппа подъ управленіемъ г. Бураковского.

Заграничная хроника.

Въ Амстердамѣ съ большимъ успѣхомъ поставлена новая оригинальная опера „*Leidens Ontzet*“, текстъ К. ванъ-деръ Вена, муз. К. ванъ-деръ Линдена.

Съ успѣхомъ прошла на сценѣ Берлинской *Neue Freie Volksbühne* новая пьеса Ф. Лапге, „*Der Nächste*“ („Ближній“). Пасторъ Генрихъ Лоренцъ, живущій въ нижнесаксонской деревнѣ, сразу попадаетъ какъ въ тиски между двумя мѣстными партіями. Въ деревнѣ живетъ его предшественникъ,—миролюбивый и боязливый старикъ пасторъ и молодой, ханжа и карьеристъ,—пасторъ сосѣдняго прихода. Оба они держатъ сторону фактическаго хозяина деревни,—сосѣдняго фабриканта, противъ обожженныхъ и задавленныхъ послѣднимъ крестьянъ. Лоренцъ не знаетъ, что ему дѣлать и начинаетъ присматриваться. А тутъ еще присоединяется сердечная исторія. Въ молодого, интереснаго пастора влюблена блестящая, живущая здѣсь же барыня, а онъ самъ—любитъ молодую, хорошую дѣвушку, съ которой недавно познакомился. Рѣшеніе двойной задачи тяжело Лоренцу, но его честное сердце подсказываетъ лучший выходъ: онъ открыто становится на сторону обиженныхъ и угнетенныхъ, вызывая этимъ со всѣхъ сторонъ противъ себя бурю. Но тутъ его жизнь нарушается драматически: любимая имъ дѣвушка, думая, что онъ любитъ блестящую барыню, чтобъ не мѣшать ему, рѣшается покончить съ собой. Глубоко потрясенный Лоренцъ, лишенный личнаго счастья, всей душой отдается „ближнему“ и окончательно сливается съ своей паствой, чтобы дѣлать ея труды и горе.

Поставленная въ первый разъ 20 мая н. с. на сценѣ *Berliner-Theater* четырехъактная комедія Э. Внхерта „*Des Fürsten Freund*“ („Другъ Герцога“), очень понравилась, какъ веселымъ содержаніемъ, такъ и добродушно-комической обрисовкой всѣхъ выведенныхъ лицъ, начиная отъ добряка-герцога, до его друга и стараго, вѣрнаго спутника—камердинера. Приемъ былъ очень дружный.

27-го мая въ первый разъ поставлена на сценѣ берлинскаго *National-Theater* бытовая пьеса Э. Стеффена въ 4 д. „*Die Directrice*“.

Въ „*Theater unter den Linden*“ идетъ новая

оперетка „Der Taugenichts“ („Негодяй“), передѣланная Р. Целле изъ веселой комедіи того же имени. Оперетка имѣетъ успѣхъ.

Э. Вольцогенъ и Р. Мишъ написали новую интересную комедію въ 4 д. „Der Phönix“.

Людвигъ Фульдъ работаетъ надъ передѣлкой пьесеновской „Цезарь и Галилеянинъ“ для сцены.

„За честь и жизнь“, новая историческая пьеса въ 4 д. Ю. Беннерта, выводитъ на сцену извѣстный эпизодъ „долгаго суда“ въ 1822 году, продолжавшагося съ 22 апрѣля по 9 июня. Подозрѣваемого въ убійствѣ и приговореннаго къ смерти подсудимаго милуетъ Фридрихъ Вильгельмъ III.

Рихарта Фосса новинка „Die Arme Marie“ („Бѣдная Марія“) одновременно пойдетъ на сценѣ Лессингъ театра и въ Италіи, въ переводѣ на итальянскомъ языкѣ.

Вмѣсто Карла Клиндворта директоромъ берлинской консерваторіи назначенъ г. Генцъ изъ Майнца.

Максъ Гальбе, авторъ новой интересной пьесы „Юность“, закончилъ 3-актную комедію, написанную старинными нѣмецкими стихами, подъ заглавіемъ „Der Amerika-Fahrer“ („Американскій путешественникъ“). Въ ней выведенъ туговатый на ухо, хромоу, но хвастливый деревенскій портной, котораго мучитъ своей вѣтренностью молоденькая, хорошенькая жена—деревенская кокетка.

„За границами добра и зла“—новая драма швейцарскаго поэта Видмана, полная отголосковъ философіи Ничше, появилась въ свѣтъ въ Берлинѣ. Даже самое названіе взято у Ничше; такъ называется у него сборникъ разныхъ афоризмовъ.

Благодаря разоблаченіямъ Георга Кеберле, бывшаго главнымъ директора королевскаго театра въ Карльсруэ, прусскимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ изданъ слѣдующій циркуляръ: „Сталъ извѣстенъ цѣлый рядъ случаевъ, при которыхъ театральныя агентства, подъ видомъ предложенія услугъ, эксплуатировали трудъ и личную жизнь артистовъ, оскорбляя даже общественную нравственность совращеніемъ женщинъ. Почему и предписывается всѣмъ надлежащимъ учрежденіямъ особое наблюденіе за театральными агентствами, а въ случаѣ возникшихъ недоразумѣній строжайшее преслѣдованіе и наказаніе виновныхъ“. Относительно ростовщическихъ процентовъ, взимавшихся раньше—установлена норма: для гастрольныхъ спектаклей—10%, для сезонныхъ приглашеній—5% съ мѣсячнаго гонорара. Слѣдующимъ циркуляромъ отъ 5 марта с. г. министерство устанавливаетъ для театральныя агентства отвѣтственность за матеріальные убытки, понесенные клиентами изъ-за недобросовѣстныхъ дѣйствій агентства, заключеній сомнительныхъ условій и т. д. Редакторъ „Deutschen Warte“ предлагаетъ пойти еще дальше; вотъ его слова: „Каждое лицо, ищущее ангажемента, обязано представить о себѣ лично полныя свѣдѣнія, равно и о службѣ своей за послѣдніе три года и внести плату въ размѣрѣ 10 марокъ (около пяти рублей). За это агентство обязано въ теченіе года, безъ всякой другой доплаты, давать о немъ и ему всевозможныя необходимыя свѣдѣнія и способствовать заключенію ангажемента этого лица. Но врядъ ли чему помогутъ подобныя предложенія, пока сами актеры не проснутъ отъ своего бездѣйствія и нравственной угнетенности. У насъ еще мало пришло это явленіе, на которое указываетъ М. Кауфманъ въ своей брошюркѣ, вышедшей на дняхъ въ Берлинѣ, подъ заглавіемъ „Косметики“ (Schminke. Ein Blick hinter die Kulissen. Berlin. Alb. Lehman). „Не только агенты, старики и молодые, но ихъ служажіе,—затѣмъ—сами директора извѣстныхъ сценъ, режиссеры, администраторы—вплоть до по-

мощника и суфлера—смотрятъ на хористочку или миловидную „маленькую актрису“, какъ на свою законную добычу. Многія нѣмецкія актрисы, наприѣмъ, доведены подобнымъ отношеніемъ къ нимъ до такого нравственнаго паденія, что одна пишетъ: „Я оставила ангажементъ. Въ городѣ вовсе нѣтъ военныхъ“.

Молодые нѣмецкіе драматурги, вопреки ожесточеннымъ нападкамъ приверженцевъ старой традиціи, завоевываютъ съ каждымъ днемъ все больше и больше симпатіи публики. Съ этими симпатіями приходится уже считаться и официальнымъ театрамъ. Такъ, придворный берлинскій театръ приобрѣлъ новѣйшую пьесу Зудермана и, кромѣ того, тамъ же будутъ поставлены пьесы Макса Гальбе, автора „Юности“, и Гауптмана, автора „Ткачей“, надѣлавшихъ за послѣднее время въ Парижѣ такъ много шума.

На послѣднемъ своемъ общемъ собраніи въ Веймарѣ Нѣмецкое Шекспировское Общество рѣшило всѣми способами бороться съ текущимъ натуралистическимъ направленіемъ на сценѣ, которое, правда, очень вѣрно отражаетъ дѣйствительность,—но дѣйствительность, по ихъ словамъ, пошлую, безцѣльную, часто грязную. Готовится дешевое изданіе Шекспира на средства Общества.

Въ Вѣнѣ, въ ноябрѣ этого года, въ Raimund Theater открывается новая „Zukunftsbühne“ („Сцена будущаго“). Первымъ спектаклемъ пойдетъ („Heimat“) („Родина“) Зудермана, которая теперь не сходитъ съ репертуара въ Германіи и за границей.

Вѣнское Филармоническое Общество въ память 60-лѣтней годовщины рожденія Брамса выпустило золотую медаль съ портретомъ композитора и надписью.

33 композитора разныхъ національностей представили свои большія или меньшія симфоніи на конкурсъ имени Бетховена. О результатѣ конкурса будетъ объявлено въ ноябрѣ этого года.

Въ „Theater an der Wien“ поставлена новая одноактная опера „Маленькій Гайднъ“ („Il piccolo Haydn“), Г. Чигolini. Характеръ музыки строго выдержанъ въ стилѣ рококо, а отрывки изъ юношескихъ созданій Гайдна украшаютъ и оживляютъ эту музыкальную миниатюру.

Новая драма Р. Лотара „Rausch“ („Хмѣль“) готовится къ постановкѣ на сценѣ вѣнскаго „Volkstheater“.

На Вѣнской сценѣ готовится къ постановкѣ новая опера Ярецака „Барбара“. Здѣсь же пойдетъ послѣднее произведеніе Музиани „Cavalier d'amore“ („Рыцарь любви“).

Въ Германіи и Австріи въ каждомъ городѣ своя драматическая цензура. Въ одномъ изъ приданайскихъ городковъ — Линцѣ цензура потребовала, чтобы въ извѣстномъ гамлетовскомъ „быть или не быть“ были выпущены слова „обида сильныхъ“—изъ фразы: „иначе—кто... вынесъ бы презрѣнне свѣта... обиды сильныхъ, злобы оскорбленъ?“. Тамъ же изъ оперы „Фиделія“ были выброшены три строки: „правительство должно, коль мудрое оно—строптивыхъ убирать съ дороги“.

Подобный же фактъ былъ и въ Вѣнѣ. Въ одной, уже сошедшей съ репертуара пьесѣ, дѣйствующее, по буквально безмолвное лицо было названо г. Гельдеръ. Эту фамилію должны были въ афишѣ перемѣнить на Геллеръ, потому-де, что въ Вѣнѣ существуетъ почтенная особа, придворный книгопродавецъ Гельдеръ, который могъ бы обидѣться, видя свое имя профанируемымъ на сценѣ.

На 83 году отъ роду скончался одинъ изъ популярнѣйшихъ венгерскихъ композиторовъ, Францъ Эркемъ. Покойный родился въ 1810 году въ Іюль; въ 1837 г. былъ назначенъ капельмейстеромъ въ

пештскомъ народномъ театрѣ. Первая его опера, „Гупіяди Ласло“, поставленная въ 1844 г., создала ему имя, и съ тѣхъ поръ онъ написалъ до 9 оперъ. Его мотивы принадлежатъ къ самымъ излюбленнымъ венгерцами мотивамъ.

Будущей осенью устраивается въ Гамбургѣ международная выставка работъ фотографовъ-любителей. Въ присланномъ циркулярѣ организаціонный комитетъ этой выставки поясняетъ, что побудительнымъ поводомъ къ устройству выставки является то серьезное значеніе, которое имѣютъ для успѣховъ фотографіи работы любителей по сравненію съ работами фотографовъ профессиональных. Условная поза, усиленная ретушь, прикрашивающая оригиналъ, хотя бы до неузнаваемости, блестящій глянецъ—вотъ что требуетъ публика отъ профессиональнаго фотографа и въ чемъ онъ публикѣ отказать не можетъ, не рискуя лишиться заработка. Фотографъ-любитель не стѣсненъ этими антихудожественными требованіями. Въ его работахъ свободно сказываются его субъективныя стремленія, искренность его художественнаго чувства, независимость отъ рутинныхъ приемовъ; онъ свободно ищетъ художественное впечатлѣніе—словомъ, въ рукахъ любителя фотографіи дѣйствительно можетъ являться и является элементомъ художественнымъ. Фотографы профессиональные всегда сочувственно относятся къ выставкамъ работъ фотографовъ-любителей, именно въ расчетъ, что любители мало-по-малу исправятъ, разовьютъ вкусы, требованія толпы. Такое значеніе работъ фотографовъ-любителей признаютъ за ними и художники. Музей изящныхъ искусствъ въ Гамбургѣ (Kunsthalle) отнесся съ большимъ сочувствіемъ къ устройству международной выставки работъ фотографовъ-любителей и охотно предоставилъ для нея свое помѣщеніе. Выставка продолжится съ 1-го по 31-е октября н. с. Выставляемые работы должны быть доставлены до 1-го сентября н. с.; допущены будутъ только работы фотографовъ-любителей; каждая фотографія должна быть наклеена на отдѣльный листъ картона, съ обозначеніемъ сюжета, имени и мѣста жительства экспонента. Платы за мѣсто не взимаются, никакихъ расходовъ по устройству выставки экспоненты не несутъ, но обратная пересылка фотографій произведена будетъ только за счетъ экспонентовъ. За лучшія фотографіи будутъ присуждены почетные дипломы и разные художественные предметы—и онѣ будутъ воспроизведены въ лучшихъ нѣмецкихъ и иностранныхъ журналахъ. Конечно, вопросъ: удовлетворяетъ ли присланная фотографія художественнымъ и техническимъ условіямъ—рѣшается особымъ выставочнымъ жури. Желאותіе принять участіе въ выставкѣ могутъ обратиться по адресу: Hambourg, Schwanenwik, 33, au Comité de l'Exposition de la Société des Photographes Amateurs.

П. Гекера „Die Olimpier“—принята для постановки на сцену гамбургскаго „Thalia-Theater“.

Главный режиссеръ гамбургскаго театра, Роб. Бухгольцъ, извѣстный также своими переводами на нѣмецкій языкъ „Денизы“ и „Горпозаводчика“, и нѣкоторыми оригинальными пьесами,—скончался 11 юня.

Дрезденское Общество друзей строгой нравственности подало петицію о запрещеніи давать „Родицу“ на сценѣ; но полиція отклонила это ходатайство; такъ что дирекція театра думаетъ хлопотать о разрѣшеніи наставить „Призраки“ Ибсена, запрещенные здѣсь 4 года тому назадъ.

Къ свѣдѣнію композиторовъ. Государство Гондаль въ Индіи желаетъ имѣть національный гимнъ и назначаетъ за него премію въ 100 фунт. стерл. Композиція должна быть приспособлена для воен-

ной музыки и доставлена не позже октября, по слѣдующему адресу: „H. L. Dave, Esq., Private Secretary to H. N. Shaker Sahel of Gondal, Gondal, Kattigwar, India“.

Въ Карлсруэ учреждается цѣлый циклъ концертовъ, посвященныхъ произведеніямъ Верліоза. Будутъ исполнены: „Троянцы“, „Взятіе Трои“, „Бенвенуто Челлини“, „Ромео и Юлія“, „Беатриче и Бенедиктъ“ и др. симфоніи того же композитора.

Въ Лейпцигѣ у Брейткнофа вышелъ изъ печати „Дневникъ“ композитора Николаи. Авторъ почти всю жизнь провель въ Италіи, близко зналъ Филда, Доницетти, Листа, Бусси, былъ влюбленъ въ красавицу Фецаolini и обо всѣхъ говоритъ ярко, образно, живо и очень откровенно.

Въ „Presse“ пишутъ изъ Лондона, что нѣвица г-жа Арнольдсонъ заключила контрактъ на артистическое путешествіе, въ теченіе будущаго зимняго сезона въ Америкѣ, на блестящихъ условіяхъ. За каждый концертъ или спектакль она получаетъ 5,000 франк. (итого 300,000 за 60 представлѣній).

Аделина Патти, въ настоящее время живущая въ своемъ имѣніи въ Англіи, занята разучиваніемъ новой оперы, написанной для нея маэстро Пицци—„Габріелла“. Либретто составлено америкаскимъ писателемъ Байрномъ и взято изъ исторіи Людовика XIII. Въ этой оперѣ Патти собирается выступить въ первый разъ въ Америкѣ, куда она ангажирована на будущій зимній сезонъ.

Найдена и вскорѣ будетъ напечатана музыкальная поэма въ стихахъ знаменитаго герцога Веллингтона, непримиримаго противника Наполеона I. Поэма называется „Pandora“ и состоитъ изъ цѣлаго ряда соло, дуэтовъ, тріо и хоровъ. Никогда не думали, чтобъ Веллингтонъ, этотъ „железный герцогъ“, какъ его называютъ въ Англіи, могъ увлекаться музой.

На первомъ представленіи труппы „Comédie Française“ въ лондонскомъ „Drury-Lane“—г-жа Рэшамберъ прочла прологъ-поэму Ж. Кларесп „Salut à Londres“, которая очень понравилась публикѣ.

Гастроли „Comédie-Française“ въ лондонскомъ „Drury-Lane“ сопровождаются маленькими волненіями. Хотя гости приняты англичанами очень хорошо, но нѣкоторые изъ поставленныхъ до сихъ поръ пьесъ сдѣлали не полные сборы. Поэтомъ директоръ театра сэръ Гро предложилъ нѣкоторое измѣненіе въ заранѣ объявленномъ репертуарѣ, сообразуясь со вкусомъ хорошо ему извѣстной лондонской публики. Такъ, „Гораций“ и „Королевъ Жуана“, въ которыхъ думала выступить м-лле Дудлей, вовсе исключены изъ репертуара, какъ не обещающія сбора. Труппа въ волненіи, особенно артисты, которымъ придется не выступать въ нѣкоторыхъ эффектныхъ роляхъ.

Однѣ изъ знатоковъ англійской публки высказался, что труппѣ для привлеченія полной залы не достаеъ „женской всемірной знаменитости“, вродѣ С. Бернаръ. М-ле Бартэ хотя превосходная артистка, но мало рекламировала. Не смотря на строгія запрещенія, м-ле Рэшамберъ дала одинъ спектакль въ Булонь-сюръ-Мэръ. Шлю „Въ царствѣ скуки“.

„Вторая М-мъ Танкерэ“—сенсационная пьеса, которую смотритъ теперь весь Лондонъ. Кто знаетъ пьесу г. Боборыкина „Клеймо“—знаетъ и ея содержаніе. Бывшая камелія выходитъ замужъ за вдовца г. Танкерэ, у котораго взрослая дочь. Опъ надѣется, что свѣтъ „забудетъ, проститъ“—и хочетъ спасти любимую имъ несчастную женщину. Но на дѣлѣ оказывается совсѣмъ иначе. Прошлое врывается въ жизнь семьи. Одинъ изъ быв-

шихъ возлюбленныхъ мачихи, желая теперь жениться на падчерицѣ и угрожая скандаломъ въ случаѣ отказа, чуть не доводитъ до гибели бѣдную дѣвушку. Видя всѣ послѣдствія своей прошлой жизни, „вторая“ м-мъ Талкеръ не выдерживаетъ и отравляется.

Львовскимъ мѣстникомъ разрѣшенъ сборъ на сооруженіе русинскаго народнаго театра въ Львовѣ, но въ декабрѣ 1893 года срокъ разрѣшенія прекращается.

Разрѣшена австрійской цензурой новая драма Захаренка въ 4 д. „Скаженный коваль“ (Сумасшедшій кузнецъ).

Львовскій народный русинскій театръ перешелъ въ управленіе „Русской Бесѣды“, которая, во главѣ съ д-ромъ Д. Савчакомъ и профессоромъ К. Лучаковскимъ, задалась цѣлью поставить его на ряду съ лучшими по ансамблю театрами. Пока онъ даетъ представленія въ слѣдующихъ городахъ: въ Сяюкѣ, Добромилѣ и Хировѣ; отсюда переѣдетъ въ Перемышль.

„Гріхъ і покута“ (Преступленіе и наказаніе)—новая драма И. Карпенко-Карого. Выведенный въ ней образъ красивой горничной—Маринны, сначала пользующейся расположеніемъ стараго, умирающаго барина-помѣщика (дѣйствіе происходитъ еще во время крѣпостнаго права), а потомъ сдѣлавшейся женой управляющаго Никодима, въ котораго она давно была влюблена, и не смотря на это, отъ скуки заигрывающей съ кѣмъ попало,—описанъ очень живо.

Того же автора передѣлка изъ „Нашъ другъ Фрицъ“—комедія подъ заглавіемъ „Суженаго конемъ не обидеши“—очень понравилась публикѣ.

Новая комедія въ 3 дѣйствіяхъ „Gevagte Mittel“ (Рѣшительныя средства)—съ большимъ успѣхомъ прошла въ Любекскомъ „Wilhelm-Theater“. Сюжетъ въ томъ, что молодая жена, желая отучить мужа отъ постоянного посѣщенія трактировъ, рѣшается на крайнія средства, даже на кокетство съ другими.

Въ Мадридѣ назначена международная выставка искусствъ, промышленности, ремеслъ и проч., съ апрѣля по октябрь 1894 г.

„La Bencorosa“ („Строптивая“)—новая пьеса Хо-зе Эчегарай—съ успѣхомъ прошла на Мадридской сценѣ.

Гоферовскіе спектакли въ Мерањѣ начались 14 мая, въ 4 ч. дня. Толпы народа со всѣхъ концовъ Германіи собираются на это зрѣлище.

Въ Миланѣ возникло Общество, состоящее изъ сенаторовъ, профессоровъ и лицъ аристократическаго круга, съ цѣлью основать съ будущаго зимняго сезона „Нравственный театръ“, на представленія котораго „родители могли бы пускать своихъ дочерей, не заставляя ихъ краснѣть“. Это, говорятъ, не безосновательная реакція противъ чересчуръ вольныхъ сюжетовъ повѣйшей итальянской драматургіи.

Итальянскія газеты очень хвалятъ новую оперу Lurorini „I dispoti d'amore“.

На Мюнхенской сценѣ представлена новая пьеса Р. Фосъ „Der Zugvogel“ („Перелетная птица“) изъ русской жизни, какъ заявляетъ афиша. Графъ Сасинъ, молодой утопистъ, отдаетъ все свое имущество крестьянамъ, чѣмъ окончательно ихъ развращаетъ, а самъ, подъ видомъ мужика, пускается въ странствованія, чтобы просвѣщать простой народъ. Опъ и князь Вѣрашинъ, богатый помѣщикъ, умѣренный либераль, увлекаются княжной Ирмой. Сасинъ помѣщаетъ въ домъ Иры свою единомышленницу Марфу, и Ирма, подъ вліяніемъ послѣдней, отказывается въ своей рукѣ Вѣрашину, желая стать женой Сасина. Однако, послѣдній, какъ противникъ всѣхъ старыхъ порядковъ,—

предлагаетъ ей просто естественный бракъ. Возмущенная и огорченная дѣвушка возвращается домой. Въ это время бывшіе крестьяне Сасина, разсвирѣпѣвъ, покушаются на его жизнь и свободу. Тогда послѣдній добровольно вмѣстѣ съ Марою отдается въ руки правосудія. „Не разрушать, а созидать, не ненавидѣть, а любить, не проповѣдывать возмущеніе, а приносить утѣшеніе и сдѣлать міръ станемъ мы отнынѣ“. Вотъ послѣднія слова Сасина. Онъ же говоритъ о себѣ въ пьесѣ: „Каждому мечтателю, задумавшему взвалить на себя горе и несчастье людское, суждены: судъ, тюрьма и могила“.

Въ Мюнхенѣ хорошо принята первая опера, или, какъ озаглавилъ ее молодой авторъ, „сѣверная идиллія“—„Sonntagsmorgen“ (Воскресное утро), г. Шильдерупа, урожденнаго норвежца. Музыка, дѣйствительно, полна идиллическаго настроенія, но монотонна.

Съ большимъ успѣхомъ прошла Зудермановская др. „Родина“ (Heimat) на сценѣ Наумбургскаго театра По словамъ „Theater-Heold“ такого интереснаго спектакля давно уже не видала нѣмецкая публика.

Извѣстные импресарио, гг. Аббэй и Гро, сняли на предстоящій зимній сезонъ театръ Metropolitan Opera House въ Нью-Йоркѣ. Этотъ театръ, сгорѣвшій въ прошломъ году, теперь отстраивается и отдѣливается за-ново. Въ немъ будетъ подвизаться итальянская оперная труппа, въ которой, между прочимъ, примутъ участіе слѣдующіе артисты: г-жи Сигридь-Арнольдсонъ, Мельба, Имсъ и Скальки, братья Иванъ и Эдуардъ Рескэ, гг. Лассаль, Винъ и др. Капельмейстерами будутъ гг. Бовиньяни и Манчинелли.

Консерваторія въ Нью-Йоркѣ выдала слѣдующія награды за лучшія композиціи: г. Шеффелду—500 долларовъ за симфонію, г. Финпену—200 д. за фортепьянный концертъ, г. Балларду—300 д. за оркестровую сюиту и г. Паркеру—столько же за кантату.

Парижъ. 1-го (13-го) іюня состоялось закрытіе „Свободнаго театра“ г. Антуана. Поставленные въ этотъ день три новыхъ пьесы завершаютъ сезонъ довольно плачевно. Первая пьеса „Ahasverre“, написанная тенденціозно, поражаетъ чрезвычайно мрачнымъ колоритомъ. Еврей Петръ, сынъ стараго Каралиса, крестится ради матеріальныхъ соображеній. Отецъ проклинаетъ его и, въ силу побочныхъ обстоятельствъ, принужденъ эмигрировать. Каралисъ примиряется со своей участью. Бабушка Петра сходитъ съ ума и гаситъ на субботахъ торжествъ одну изъ семи свѣчей: символъ упадка иудаизма. Затѣмъ шло „Le Mariage d'argent“—драматическій набросокъ изъ крестьянскаго быта. Спектакль закончился новой пьеской подъ старымъ заглавіемъ „La Belle au Bois dormant“ („Спящая красавица“) г. Мазада.

Въ новомъ 3-хъ актномъ водевилѣ Бисона и Каррѣ „Le veglione“, шедшемъ на сценѣ „Palais Royal“, скуку перваго акта и погрѣшности третьяго выкупаетъ юморъ и веселье 2-го дѣйствія, происходящаго въ итальянскомъ albergo. Вломъ и Тоше написали очень забавный, даже содержательный фарсъ: „La Maison Tamponin“. Старикъ, представитель солидной фирмы Тампоненъ въ Турѣ, видя, что его конкурентъ, Андре Жераръ, выписывающій платя изъ Парижа, развѣзжающій въ кабріолеткѣ и вступившій въ связь съ мѣстной балетной звѣздочкой, переманилъ всѣхъ кліентовъ стариннаго дома къ себѣ, рѣшается самъ подражать этому вертлявому фралту-конкуренту. Послѣ цѣлаго ряда недоразумѣвій и комично-печальныхъ сценъ оба конкурента соединяются ко всеобщему благополучію и дѣло улаживается.

Смѣхотворный, хотя и совершенно пустой фарсъ

„Le voyage des Berluron“—Ордоннэ, Грене-Данкура и Керуля, заключается весь въ томъ, что г. Берлуронъ на охотѣ нечаянно вмѣсто серны попалъ въ заѣзжаго принца des Indigos. Чтобы не заплатить жизнью за царевѣйство, Берлуронъ съ женой дѣтми убѣгаетъ въ другой городъ. Сюда же попадаетъ и, слегка оцарапанный выстрѣломъ, принцъ. Берлурона почему то принимаютъ за принца, принца—за Берлурона. Публика весь вечеръ хохочетъ, потомъ все объясняется и занавѣсъ падаетъ.

Въ томъ же родѣ написанъ и фарсъ: „Corignan contre Corignan“—цѣлая цѣль курьезовъ, шутокъ, переодѣваній, которая насмѣшила и понравилась публикѣ.

Очень весело прошла и понравилась 3-актная комедія Волабрега „Единственный изъ мужей во Франціи“, поставленная въ „Variétés“. Теща, утѣренная въ непогрѣшимости своего супруга и высмѣживающая проказы зятя, въ концѣ концовъ убѣждается, что пошаливаетъ ея „единственный“, а зять чистъ и непороченъ. Въ пьесѣ нѣсколько выигрышныхъ ролей и масса смѣшныхъ положеній.

На сценѣ театра „Vaudeville“ провалилась новая пьеса М. Дюжардена, сторонника Вагнера, „La Fin d'Antonia“ (Конечъ Антоніи). Дюжарденъ уже два раза пытался ставить свои пьесы въ Парижѣ и каждый разъ терпѣлъ позорное фіаско.

Такъ называемый Cercle funambuleque, видящій будущее современнаго театра въ пантомимѣ, устроилъ свой спектакль на сценѣ „Новаго театра“. „Гость“, мимическая исторія, представляетъ положеніе нѣмецкаго шпиона въ почтенной эльзасской семьѣ. Послѣ цѣлаго ряда интересныхъ и драматически-исполненныхъ сценъ, шпиона открываютъ и изгоняютъ съ позоромъ.

На сценѣ „Odeon“ поставлена передѣлка изъ романа Золя „Une Page d'adieu“, Шарля Сапсона. Но публикѣ эта попытка не понравилась. Отсутствіе дѣйствія, незамѣтное въ романѣ, здѣсь погубило пьесу. Провалилась и другая передѣлка изъ кроваваго романа Ж. Казе—„Fille a Blanchard“, которую поставили А. Гумбю и Дармонтъ. Не лучше прошла и „Le Carrosse de Saint-Lacrement“, заимствованная изъ романа Мериме.

„L'Argent d'autrui“ Леона Генникъ, тоже заимствованная изъ романа Золя „L'Argent“—имѣла успѣхъ, если не по силѣ дарованія автора передѣлки, то по интересному содержанію; по то, что у романиста жизненно и ярко, у драматурга вышло блѣдно и заурадно.

Провалилась поставленная въ театрѣ „Chateau d'Eau“ передѣлка изъ романа „Преступленіе въ Орсивалѣ“ Габорио.

Новая музыкальная композиція, въ родѣ ораторіи „La vision de la reine“, исполнена въ Парижѣ и очень понравилась публикѣ. Авторъ новинки—женщина, Августа Гольмесь.

Женщина же, испанка Луиджіа Каземась, написала новую оперу: „Schïava e regina“ („Рабыня и царица“), которую очень хвалятъ всѣ, слышавшіе это произведеніе.

Сара Бернаръ ведетъ переговоры съ собственниками парижскаго Эдентъ-театра, такъ какъ театръ „Renaisance“ кажется ей слишкомъ тѣснымъ. Знаменитая артистка желаетъ арендовать названный театръ на 12 лѣтъ.

Конечъ, директоръ парижскаго театра „Gymnase“, въ октябрѣ открываетъ новую сцену, которая будетъ называться „Малымъ театромъ“.

Въ „Валькиріяхъ“ на сценѣ полагается представить этихъ дочерей неба летающими черезъ облака на своихъ огненныхъ лошадяхъ. При по-

становкѣ „Валькирій“ въ Парижѣ для этой цѣли чрезвычайно удачно воспользовались извѣстными въ Россіи со времени французской выставки „русскими горами“. На заднемъ фонѣ, на высотѣ приблизительно третьяго этажа, сооружается соответствующій путь изъ досокъ, устланный парой то спускающихся внизъ, то поднимающихся въ гору рельсовъ. На нихъ устанавливаются на колескахъ лошади изъ папье-маше, сдѣланныя въ натуральную величину. „Валькиріи“,—балетныя танцовщицы, сидятъ верхомъ, прикрѣпленные къ лошадямъ желѣзными поясами. Ни досчатаго сооруженія, ни колесокъ, ни рельсовъ зритель, разумѣется, не видитъ, все это скрыто отъ него внизу задними декораціями, наверху облакомъ. По знаку режиссера, лошадей пускаютъ съ мѣста—они катятся по рельсамъ вверхъ и внизъ, какъ вагонетка на горкахъ. Колѣни лошадей сгибаются, гривы ихъ развѣваются. „Валькиріи“ машутъ копытами, и все это вмѣстѣ съ облаками фантастически освѣщено при помощи электрическихъ эффектовъ. Иллюзія получается полная.

Вагнеровскія „Валькиріи“ дали въ Парижѣ за 6 представлений свыше 120,000 франковъ. Опера идетъ съ возрастающимъ успѣхомъ, такъ что сборъ съ 15,800 франк. на первомъ представленіи возросъ до 23,500 фр. на шестомъ. Судя по всему, сборы еще болѣе увеличатся. Успѣхомъ этимъ опера единственно обязана настойчивости вагнеровскаго поклонника дирижера Колонна, который, не испугавшись обвиненій въ „германофильствѣ“ и враждебныхъ демонстрацій, провелъ сперва „Лоэнгрина“, а за тѣмъ „Валькиріи“. Но настойчивость эта не обошлась ему даромъ. Вслѣдствіе недоразумѣній съ оркестромъ при постановкѣ „Валькирій“, Колоннъ оставилъ теперь свой постъ, и такимъ образомъ опера осталась безъ своего знаменитаго дирижера.

Къ числу остроумныхъ изобрѣтеній вашего вѣка прибавилось еще одно—пишущее фортепіано, записывающее мысли композитора. Система „пианографа“, устроеннаго французомъ Паризомъ, состоитъ въ соединеніи извѣстныхъ образомъ фортепіавныхъ клавишъ съ клавишами пишущей машины, причемъ аппаратъ не только записываетъ ноты, но и показываетъ детали пьесы, какъ crescendo, diminuendo, тріоли, педаль и т. п. Упомянемъ, кстати, что въ послѣднее время въ этой же области практикуются новоизобрѣтенные механическіе аппараты: для упражненія пальцевъ и для изученія нотъ.

„Въ виду гильотины“—комедія въ 1 дѣйствіи Ксавье Менгарда поставлена въ Прагѣ въ 1-й разъ въ этомъ сезонѣ. Сюжетъ комедіи напоминаетъ содержаніе „Лилии“. Только герой—маркизъ не попадаетъ на гильотину, а женится на дочери пріютившаго его гражданина.

Фредерикъ Спиро открылъ своей рѣчью рядъ лекцій объ исторіи музыки въ Римскомъ Филармоническомъ Обществѣ. Подобныя же лекціи читаетъ въ Парижѣ Катуль Мендесъ; въ его разборѣ Вагнера преобладали, понятно, вопросы музыкальные. Мекэнзи въ Лондонѣ читаетъ о „Фольстафѣ“ Верди, причѣмъ лекція сопровождается исполненіемъ цѣлыхъ отрывковъ изъ этого произведенія.

Драмы Ибсена, кромѣ „Призраковъ“, не понравились въ Римѣ, гдѣ они были поставлены на сценѣ Teatre del Balle. Римляне находятъ ихъ черезъ чуръ туманными и даже пресса, не смотря на высказываемое уваженіе къ „сѣверному философу“, врядъ ли вполне поняла, въ чемъ именно заключается его философія.

Р о д и н а.

(Heimat.)

Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ

Германа Зудермана

(автора піесъ „Честь“ и „Гибель Содомъ“).

Переводъ съ нѣмецкаго **Ө. А. Куманина.**

Къ представленію дозволено 9 іюня 1893 г. № 2933.

Разрѣшеніе постановки пьесы на сценѣ зависитъ отъ мѣстн. агента Общ. Русск. Драм. Писателей.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Шварце, подполковникъ въ отставкѣ.

Магда
Мари } его дочери отъ перваго брака.

Августа, его вторая жена, урожденная фонъ-Вендловская.

Франциска фонъ-Вендловская, ея сестра.

Максъ фонъ-Вендовскій, поручикъ, ихъ племянникъ.

Гефтердингкъ, приходскій пасторъ.

Докторъ фонъ-Келлеръ, правительственный совѣтникъ (чиновникъ).

Профессоръ Бекманъ, отставной учитель.

Фонъ-Клебсъ, генераль-маіоръ въ отставкѣ.

Г-жа фонъ-Клебсъ, его жена.

Г-жа Эльрихъ, жена предсѣдателя суда.

Г-жа Шуманъ.

Тереза, горничная у Шварце.

Дѣйствіе въ большомъ провинціальномъ нѣмецкомъ городѣ, въ наше время.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ Шварце. Бюргерски-старомодная обстановка: въ глубинѣ на льво-стеклянная, съ бѣлыми занавѣсками, дверь, въ которую видна столовая. Рядомъ—дверь въ корридоръ, въ нее видна лѣстница, ведущая наверхъ. Въ правомъ сръзанномъ углу окно, съ бѣлыми занавѣсками, обвитое плетеньемъ. Съ лѣвой стороны дверь въ комнату Шварце. По стѣнамъ—гравюры библейскаго и патріотическаго содержанія и фотографіи военныхъ группъ въ узенькихъ позолоченныхъ, потертыхъ рамахъ и коллекція бабочекъ подъ стекломъ. Надъ диваномъ направо, между другими, портретъ первой жены Шварце, молодой, красивой женщины въ костюмѣ 60 годовъ. За диваномъ—старинное бюро. У окна, на столикъ ручная швейная машина и принадлежности для шитья. Между дверьми, въ глубинѣ—старинные часы въ футлярѣ. Въ лѣвомъ углу, на тумбѣ маккартовскій букетъ; передъ нимъ—столикъ съ маленькимъ акваріумомъ. На первомъ планѣ съ лѣвой—угловой диванчикъ съ курительнымъ приборомъ сзади; затѣмъ—печка, на ней чучело птицы; за печкой—книжный шкафъ съ бюстомъ Вильгельма I. Ломберный столикъ и все для игры въ карты.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Мари и Тереза.

Тер. (*таинственно, въ дверяхъ*). Барышня!..

Мар. (*работая за машинкой*). Что вамъ?

Тер. Старые господа еще отдыхаютъ?

Мар. А что? Развѣ гости?

Тер. Да нѣтъ! Опять вѣдь... Взгляните-ка!.. (*Вноситъ роскошную корзину цвѣтовъ.*)

Мар. (*съ испугомъ*). Ахъ, Боже мой... Скорѣй ко мнѣ, какъ бы папа... Вѣдь вчера еще, когда принесли первый букетъ, я вамъ строго запретила принимать что-нибудь подобное...

Тер. Я и то хотѣла прогнать мальчишкусадовника... Да въ это время какъ разъ только вскарабкалась на лѣстницу, флагъ вѣшать, а онъ поставилъ себѣ корзину, да и былъ таковъ. Только ужъ и прелесть же... И если вы, барышня, позволите сказать, такъ я думаю, что поручикъ...

Мар. Вы не должны позволять себѣ никакихъ разсужденій...

Тер. Мнѣ что же... Я вотъ, барышня, хотѣла спросить: хорошо ли флагъ-то повѣшенъ?

Мар. (*выглянувъ въ окно, киваетъ головой*).

Тер. И вѣдь цѣлый-то городъ какъ есть весь вотъ въ такихъ флагахъ да гирляндахъ. И самые что ни на есть дорогіе ковры въ окнахъ поразвѣсили... Параднѣе, чѣмъ даже въ день рожденія короля. И все-то ради этого глупаго музыкальнаго праздника... Барышня, милая, какой же это праздникъ будетъ? Это не то, что пѣвческій былъ?

Мар. Понятно, нѣтъ.

Тер. Лучше?

Мар. Да, лучше.

Тер. (*почтительно*). Вотъ какъ.... Ну, если лучше... (*Стукъ въ дверь.*)

Мар. Войдите. (*Входитъ Максъ.*)

Тер. (*про себя*). Ну, цвѣточки-то можно и тутъ оставить. (*Уходитъ, посплываясь.*)

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Максъ и Мари, потомъ Тереза.

Мар. Хорошенькую исторію вы надѣлали, Максъ. (*Здороваются.*)

Мак. Я васъ не понимаю, Мари.

Мар. Развѣ же не вы прислали мнѣ эти цвѣты?

Мак. Чортъ возьми! Мои средства позволяютъ мнѣ изрѣдка прислать вамъ, Мари, пучекъ фіалокъ въ 50 пфениговъ. А это мнѣ не по карману.

Мар. (*подходя къ звонку*). А вчерашніе?..

Мак. Ровно столько же!

Мар. (*звонитъ. Тереза входитъ*).

Мар. Выкиньте эти цвѣты на дворъ.

Тер. Такую-то прелесть!

Мар. Вы правы. (*Максу.*) Нашъ пасторъ навѣрно бы сказалъ при этомъ: «если даръ Божій не радуется насъ самихъ, то мы должны, по крайней мѣрѣ, позаботиться, чтобы другіе порадовались ему». Развѣ не сказалъ бы онъ такъ?

Мак. Можетъ быть...

Мар. Снесите цвѣты назадъ, въ оранжерею. Вѣдь они отъ Циммермана? (*Тереза киваетъ.*) Пусть ихъ продадутъ, если возможно, и деньги отошлютъ пастору Гефтердингу на больницы.

Тер. Сейчасъ?

Мар. Если только кофе у васъ готовъ. Подамъ ужъ я сама.

Тер. (*уходитъ*).

Мар. Какая дерзость! Максъ, мнѣ не надо увѣрять васъ, что я никому не подавала ни малѣйшаго повода?

Мак. Увѣренъ, Мари..

Мар. А папа-то разсердился... затоналъ... Я думала, что это отъ васъ... потому и молчала. Попался бы ему въ руки этотъ несчастный, — досталось бы ему!

Мак. Ну и отъ меня бы ему не лучше пришло.

Мар. Вы-то по какому праву?

Мак. (*съ мольбою*). Мари! (*Беретъ ее за руку.*)

Мар. (*освобождаясь*). Максъ, прошу васъ... Ни слова объ этомъ. . Вы знаете, что каждый уголокъ моего сердца... Но мы должны быть осторожны!

Мак. (*вздыхая*). Ахъ, эта осторожность!..

Мар. Богъ мой, вы знаете, каковъ свѣтъ. Всѣ другъ друга боятся, потому что каждый зависитъ отъ того, что про него скажутъ. Если какихъ-нибудь двухъ, трехъ такихъ анонимныхъ букетовъ довольно, чтобы сдѣлать меня предметомъ сплетни, такъ тѣмъ болѣе...

Мак. (*задумчиво киваетъ головой*).

Мар. (*кладетъ ему руку на плечо*). Максъ, вы собирались еще разъ переговорить съ тетей Френцхенъ о реверсѣ?

Мак. Говорилъ...

Мар. И что же?

Мак. (*пожимая плеча ни*). Пока жива, ни гроша.

Мар. Одинъ только человѣкъ можетъ намъ помочь.

Мак. Папа?

Мар. Боже упаси! Не давайте ему ничего замѣтить. Онъ способенъ отказать вамъ отъ дома.

Мак. Да что же я дѣлаю дурного?

Мар. Вѣдь вы знаете, какой онъ сталъ послѣ нашего несчастья? Ему все кажется, что

онъ долженъ смыть какое-то пятно... И какъ разъ теперь, когда весь городъ говоритъ о музыкѣ... когда все напоминаетъ ему о Магдѣ...

Мак. А что, если она вернется?

Мар. Черезъ двѣнадцать-то лѣтъ? Нѣтъ, она не вернется. (*Плачетъ.*)

Мак. Мари!

Мар. Вы правы. Забыть надо! Забыть!

Мак. А кто же могъ бы намъ помочь?

Мар. Кто же, какъ не пасторъ?

Мак. Да, вѣрно, пасторъ.

Мар. Онъ все можетъ. Онъ владѣетъ человѣческими сердцами, какъ будто... И потому, онъ для меня все еще какъ бы родной... Вѣдь онъ долженъ былъ сдѣлаться моимъ зятемъ.

Мак. Да, по она не захотѣла.

Мар. Не браните ее, Максъ. Она, должно быть, уже раскаялась. (*Звонокъ.*) Вотъ, можетъ быть, это онъ.

Мак. Нѣтъ, нѣтъ, — я забылъ вамъ сказать: Фонъ-Келлеръ просилъ меня сегодня представить его вамъ.

Мар. Что, что? Зачѣмъ ему?

Мак. Онъ хотѣлъ бы принять участіе въ нашемъ миссіонерскомъ Обществѣ... ну, вообще — примкнуть къ нашимъ учрежденіямъ. Я не знаю... быть можетъ... но, во всякомъ случаѣ, онъ хочетъ завтра присутствовать на засѣданіи комитета.

Мар. Пойду будить стариковъ. (*Тереза вноситъ карточку.*) Просите! (*Тереза уходитъ.*) Займите его, пока я вернусь. (*Подаетъ ему руку.*) А о пасторѣ мы еще поговоримъ.

Мак. (*осматриваясь*). Несмотря на осторожность?

Мар. Боже мой — я навязчива, не правда ли?

Мак. Мари!

Мар. Нѣтъ, нѣтъ, не будемъ говорить объ этомъ... До свиданья. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Максъ и фонъ-Келлеръ.

Мак. (*идетъ ему на встрѣчу*). Вамъ придется поскучать со мной нѣсколько минутъ, любезный г. фонъ-Келлеръ. (*Рукопожатіе.*)

Кел. Съ удовольствіемъ, милѣйшій. (*Садятся.*) А наше захоlustь по случаю праздника совсѣмъ выбилось изъ колеи. Пожалуй, можно подумать, что и наше захоlustь представляетъ собою нѣчто.

Мак. (*смѣясь*). Я вамъ совѣтую не высказывать этого громко.

Кел. Что-жъ я такого сказалъ? Нѣтъ, нѣтъ, вы не понимаете этого въ такомъ смыслѣ. Подобное недоразумѣніе, если оно дальше распространится...

Мак. Ну, меня вамъ нечего опасаться!

Кел. О, я это знаю... Самое лучшее было бы, — не знать ничего другаго...

Мак. Долго вы были въ отсутствіи?

Кел. Я уѣзжалъ на 5 лѣтъ. Экзаменъ. Потомъ посылали въ командировки и т. д. Ну, а теперь я снова попалъ сюда. Пью родное пиво; даже заказываю платье у мѣстныхъ портныхъ; не страшась смерти, ѣмъ въ теченіе всего сезона сѣдло дикой козы, и называю это — пріятнымъ времяпрепровожденіемъ. Да, молодость, жепщины и путешествія — хорошія вещи, по міръ хочетъ, чтобы имъ управляли, и для этого нуждается въ серьезныхъ людяхъ. И вашъ часъ пробьетъ, мой уважаемый другъ. Приближаются годы солидности. Да, да... Особенно, если переходишь на службу въ консисторію.

Мак. А вы переходите?

Кел. Думаю. И чтобы расположить къ себѣ здѣшнее духовенство — я съ вами говорю совершенно откровенно: — это для меня очень важно... Словомъ: я интересуюсь религіозными вопросами. Я уже недавно въ моемъ рефератѣ — вы, можетъ быть, слышали? — подготовилъ почву. И какъ разъ то самое Общество, къ которому принадлежать хозяева здѣшняго дома... Позвольте же мнѣ вамъ сказать, какъ я горжусь...

Мак. (*полушутя*). Вы могли бы уже давно этимъ гордиться.

Кел. Извините, — быть можетъ, я слишкомъ чутко — я слышу упрекъ въ вашихъ словахъ?

Мак. Вовсе нѣтъ! Но позвольте мнѣ замѣтить: до сихъ поръ мнѣ казалось, — и не только мнѣ одному, — что вы, какъ будто, избѣгали бывать тамъ, гдѣ бываетъ семья моего дяди.

Кел. Ахъ, ахъ! Мое присутствіе здѣсь доказываетъ противное.

Мак. Совершенно вѣрно. И потому я тоже хочу поговорить съ вами совершенно откровенно. Вы позже всѣхъ встрѣчались съ моей, безъ вѣсти пропавшей кузиной Магдой...

Кел. (*смѣшавшись*). Что же...?

Мак. Сами же вы, какъ мнѣ передавали, рассказывали объ этомъ. Кромѣ того, мой другъ Гейдебрандъ, который тогда былъ въ военной академіи, встрѣтилъ васъ вмѣстѣ съ нею.

Кел. Да, да, дѣйствительно, да.

Мак. Конечно, это была ошибка съ моей стороны, что я васъ пикогда не спрашивалъ о ней; но вы поймете мою сдержанность. Я чувствую себя слишкомъ близкимъ къ этой семьѣ и я боялся узнать вещи, которыя могли бы компрометировать...

Кел. О, о, да нѣтъ же, нѣтъ! Дѣло было очень просто: я тогда сдавалъ въ Берлинѣ государственный экзаменъ, и какъ-то увидѣлъ на Лейпцигской улицѣ знакомое... если можно такъ выразиться, — родное лицо... Сами знаете, какъ пріятны такія встрѣчи въ чужомъ городѣ. Ну,

и мы разговорились, я узналъ, что она готовится въ оперу и для этого ушла из родительскаго дома.

Мак. Ахъ, это не совсѣмъ вѣрно... Она покинула семью, чтобы поступить компаньонкой къ одной старой дамѣ. (*Сдержанно.*) Произшелъ разладъ съ отцемъ.

Кел. Вѣроятно какая-нибудь исторія изъ-за сватовства?

Мак. Почти что такъ! Старикъ, желавшій этого брака, сказалъ ей на отрѣзъ: или выходи замужъ или совсѣмъ уходи изъ моего дома.

Кел. И она ушла?

Мак. Ну да. Но когда она годъ спустя внезапно увѣдомила, что поступаетъ на сцену, тогда наступилъ окончательный разрывъ. Ну, а еще что вы знаете о ней?

Кел. Да это, должно быть, и все.

Мак. Все?

Кел. Богъ мой! Гм.. Затѣмъ намъ не разъ приходилось встрѣчаться, напримѣръ, въ оперѣ, гдѣ у нея было даровое мѣсто.

Мак. Ну, а объ ея жизни вы рѣшительно ничего не знаете?

Кел. (*пожимая плечами*). Развѣ и вы о ней никогда ничего не слыхали?

Мак. Никогда. Во всякомъ случаѣ, я вамъ сердечно благодаренъ — и прошу васъ: ничего не говорите объ этихъ встрѣчахъ при моемъ дядѣ, пока онъ самъ васъ не спроситъ. Хотя онъ знаетъ почти все, но имя безъ вѣсти пропавшей дочери никогда не произносится въ этомъ домѣ.

Кел. О, само собой разумѣется, что я и безъ того былъ бы на столько деликатенъ...

Мак. Какъ вы думаете, что могло выйти изъ нея?

Кел. Да, знаете, въ музыкѣ -- все равно, что въ лотереѣ: на 10 т. пустыхъ билетовъ приходится одинъ выигрышъ. На цѣлую толпу погибшихъ, — одна удачная карьера. Да, если кто сдѣлается Патти или Зембрихъ... или... вотъ возьмемъ хоть нашъ музыкальный праздникъ...

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Тѣ же и Шварце, потомъ Августа.

Шв. (*пожимая Келлеру руку*). Сердечно привѣтствую васъ въ моемъ домѣ, г. фонъ-Келлеръ. (*Представляя его входящей женѣ*). Г. совѣтникъ фонъ-Келлеръ — моя жена.

Авг. Прошу покорно садиться.

Кел. Я бы не рѣшился, сударыня, беспокоить васъ моимъ посѣщеніемъ, еслибы вмѣстѣ съ тѣмъ я не испытывалъ горячаго желанія принять участіе въ томъ христіанскомъ и общепольномъ дѣлѣ, душу котораго, какъ знаетъ весь городъ, составляетъ ваша семья. Благая цѣль пусть послужитъ извиненіемъ моей смѣлости.

Шв. Боже мой... Прошу васъ... Вы ока-

зываете намъ слишкомъ много чести. Если вообще можетъ быть рѣчь о томъ, кто служить душою всему дѣлу, то это никто иной, какъ пасторъ Гефтердингъ. Имъ держится все дѣло, онъ всѣмъ управляетъ, онъ...

Авг. Вы вѣдь знаете нашего пастора, г. фонъ-Келлеръ?

Кел. Я много разъ слыхалъ его проповѣди, сударыня, и удивляюсь столько же искренности его убѣжденій, сколько и его наивной вѣрѣ въ людей. Но того вліянія, которымъ онъ пользуется, я не могу себѣ объяснить.

Авг. Ахъ, вы это поймете. Онъ такой прямой, душевный. Дѣйствительно, сразу это не понятно... Но что это за человекъ! Онъ покоряетъ всѣхъ!

Кел. (*утихо*). И я уже близокъ къ этому, сударыня.

Шв. Ну, а что касается насъ — Богъ мой!... Я тоже отдаю свои слабыя и ни на что не нужныя руки для черной работы. Вотъ и все. Наконецъ, это вполнѣ понятно, что старый солдатъ отдаетъ въ распоряженіе алтаря тѣ слабыя силы, которыя остались у него отъ службы престолу. Потому что... гм... вѣдь это такъ связано одно съ другимъ, не правда ли?

Кел. Вотъ это я называю превосходной мыслью.

Шв. О, прошу, прошу васъ! Я совсѣмъ не хочу рисоваться. Да, будь это тогда... э... да, 10 лѣтъ тому назадъ, когда мнѣ дали отставку, да, — тогда я былъ еще молодцомъ! Хе! Максъ, Максъ, я думаю, мой старый батальонъ еще и до сихъ поръ дрожитъ передо мной? Не такъ ли, Максъ, — какъ, а?

Мак. Точно такъ, милый дядя!

Шв. Да, этого не случается съ вами на гражданской службѣ, чтобы васъ раньше времени признали инвалидомъ... безвинно, (*ворчливо*) безъ малѣйшей тѣни вины. А тамъ подоспѣлъ еще легенькій ударчикъ... Посмотрите, какъ еще дрожить... (*Высоко поднимаетъ правую руку*.) А что еще осталось теперь... да... Много ли еще могло остаться? Тогда-то мой уважаемый молодой другъ Гефтердинкъ въ работѣ и молитвѣ указалъ мнѣ путь къ новой юности. Одинъ я бы не нашелъ его.

Авг. Не вѣрьте ему, г. фонъ-Келлеръ. Еслибы онъ постоянно не умалялъ своихъ достоинствъ, онъ пользовался бы совершенно инымъ значеніемъ, даже въ самыхъ высшихъ кругахъ.

Кел. О, сударыня! И въ высшихъ, и въ низшихъ кругахъ знаютъ и уважаютъ вашего супруга.

Шв. (*просіявъ*). Правда? Да? Нѣтъ, безъ лести! нѣтъ! Не надо лести! Она насъ губитъ.

Авг. Да развѣ же дѣйствительно такъ грѣшно желать хоть небольшого почета.

Кел. О!

Шв. Что значить почетъ? Для тебя это,

напримѣръ, пройтись по залу подъ руку съ оберъ-президентомъ, или, во время пребыванія здѣсь высочайшихъ особъ, получить приглашеніе на чай во дворецъ.

Авг. Ты знаешь очень хорошо, что я еще не удостоивалась этой чести.

Шв. Ну, ну, извини. Я вѣдь знаю твое большое мѣсто. Миѣне слѣдовало его касаться.

Авг. Да, подумайте только, г. фонъ-Келлеръ, Фаши Гиршфельдъ, изъ дѣтскихъ больницъ, получила приглашеніе во дворецъ, а я нѣтъ.

Кел. *(съ сожалѣніемъ)*. Ахъ!..

Шв. *(смѣясь, гладитъ ее по головѣ)*. Да, матушка, тщеславіе, тщеславіе!

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Тѣ же, Мари *(выноситъ подносъ съ чашками кофе и любезно кланяется вставшему при ея входѣ Келлеру.)*

Шв. Г. фонъ-Келлеръ, — моя дочь, моя единственная дочь!

Кел. Я имѣлъ уже счастье...

Мари. Я не могу подать вамъ руку, г. фонъ-Келлеръ, такъ возьмите вмѣсто нея чашку кофе.

Кел. *(беретъ и, обращаясь ко всѣмъ)*. Я такъ счастливъ, что вы относитесь ко миѣ какъ къ старому знакомому...

Шв. И если это зависить отъ насъ, то будьте другомъ нашего дома. И это вовсе не фраза, такъ какъ я знаю васъ, г. фонъ-Келлеръ, и въ наше время, когда всѣ узы нравственности и авторитета грозятъ разрушиться, тогда вдвойнѣ желательно, чтобы люди, которые хотятъ поддержать добрыя, старыя, такъ сказать, семейныя отношенія, находили бы необходимое сочувствіе другъ въ другѣ.

Кел. Святая истина. Этого больше не услышишь на большомъ рынкѣ, гдѣ современныя идеи размѣниваются на какую угодно мелкую монету.

Шв. Современные идеи? Хе-хе-хе! Да, да! А загляните-ка въ тихіе, мирные, родные уголки, гдѣ воспитываются вѣрные своему королю солдаты, а для нихъ благонравныя невѣсты. Тамъ вы не услышите ни о наслѣдственности, ни о борьбѣ за существованіе, ни о правахъ личности... Тамъ не бываетъ скандальныхъ исторій, тамъ шлють къ черту эти современные идеи, и все же тамъ-то именно и покоятся и сила и цвѣтъ отечества. Взгляните на этотъ домъ! Въ немъ нѣтъ ни малѣйшей роскоши, едва-ли даже онъ отвѣчаетъ такъ называемому хорошему вкусу: полинялыя ковры, березовая мебель, потускнѣвшіе портреты — и все же, когда вечернее солнце сквозь бѣлыя гардины такъ ласково сіяетъ на всю эту рухлядь, — не чувствуете ли вы, что здѣсь обитаетъ счастье?

Кел. *(склоняется какъ бы растроганный)*.

Шв. *(про себя, размышляя)*. Да, да, могло бы оно быть здѣсь!

Мар. *(бросаясь къ нему)*. Папа!

Шв. Да, да, да... Вы видите, въ этомъ домѣ, еще совсѣмъ по-старинному, царить отцовскій авторитетъ. И будетъ царить, пока я живъ! И развѣ же я похожъ на тирана? Говорите же! Вы должны это знать.

Мар. Ты самый лучший, самый добрый...

Авг. Онъ такъ легко возбуждается, г. советникъ!

Шв. Развѣ вамъ не хорошо живется? Развѣ мы не дружно живемъ, всѣ трое? И такія-то отношенія грозятъ уничтожить наше время, въ сердцахъ дѣтей поселяетъ духъ протеста, сѣетъ недоверіе между мужемъ и женой! *(Поднимаясь.)* И до тѣхъ поръ не успокоится, пока не разрушится послѣдній домашній очагъ и пока мы всѣ не станемъ бродить по улицамъ, одинокіе, испуганные, какъ бродячія собаки! *(Обезсиливъ отъ волненія, опускается на кресло.)*

Авг. Тебѣ не слѣдуетъ такъ кипятиться, другъ мой; ты знаешь, это тебѣ вредно. *(Идетъ къ нему.)*

Мак. *(дѣлаетъ знакъ Келлеру)*.

Кел. *(тихо)*. Уходитъ?

Мак. *(киваетъ)*.

Кел. Объ этомъ предметѣ можно еще сказать много интереснаго, г. подполковникъ... Я думаю, что вы смотрите на все слишкомъ мрачно... Но, къ сожалѣнію, я долженъ сѣсть...

Шв. Слишкомъ мрачно? Э? Слишкомъ мрачно? Ну, вы не пеняйте на старика, если онъ немножко погорячился.

Кел. Тотъ молодецъ, кто можетъ увлекаться, г. подполковникъ. Я считаю себя старикомъ въ сравненіи съ вами.

Шв. *(жметъ ему руку)*. Ну, ну!

Кел. Сударыня! Мадемуазель! *(Уходитъ.)*

Мак. *(также прощается)*.

Шв. И передай батальону мой поклонъ, мой милый.

Мак. Слушаю, милый дядя! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Шварце, Августа и Мари.

Авг. Какой любезный господинъ.

Мар. Пожалуй слишкомъ любезный.

Шв. Мари! Онъ былъ только-что нашимъ гостемъ.

Авг. *(дѣлаетъ Мари знаки, чтобы она была осторожна въ словахъ)*.

Мар. Не прикажешь ли трубку, папа?

Шв. Прошу, дитя мое.

Авг. Теперь скоро пріѣдутъ и партнеры на партію преферанса. Какъ кстати, что у насъ осталось съ воскресенья жаркое изъ дикой козы. Всегда слѣдуетъ приберегать. Я велѣла

также взять красного вина для генерала — на 2 марки 50. Это вѣдь не слишкомъ дорого?

Шв. Если вино хорошее. Будетъ ли сегодня и твоя сестра Франциска?

Авг. Думаю, да.

Шв. Конечно, она была приглашена вчера къ оберъ-президенту?

Авг. (со вздохомъ). Да!

Шв. А мы нѣтъ? Бѣдняжка! Ну пусть только она будетъ сегодня осторожнѣе со мной... если захочетъ чваниться. (*Бормочетъ.*) Старый драконъ... этакая...

Мар. (*стоя на колыняхъ, раскуриваетъ трубку*). Не сердись, папа. Никто тебя не тронетъ.

Шв. (*ладитъ ее*). Я добръ, мое сердечко. Я само добродушіе, но... (*Потягиваясь.*) На сердцѣ тяжело. (*Звонокъ. Мари поспѣшно уходитъ встрѣчать.*)

Авг. Вотъ, должно быть, они.

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Тѣ же, генералъ фонъ-Клебсъ, Бекманъ и Мари.

Ген. Мое всенижайшее почтеніе дамамъ. Сударыня! (*Цѣлуетъ руку Августы.*)

Авг. Милости просимъ, господа.

Ген. Ну, мой милѣйшій подполковникъ, все молодцомъ? Да? Ну-съ, милая фрейлейнъ Марихенъ, все готово къ сраженію? Подвиньте-ка еще... Такъ. Теперь можно и къ дѣлу приступить. А мы чуть-чуть не запоздали. Какъ разъ попали въ сумятицу музыкальнаго праздника. Что за безпорядокъ! Зашелъ я за профессоромъ и... и... когда мы проходили мимо гостиницы «Германія», цѣлая толпа стоитъ и глазѣетъ, какъ будто въ гостиницѣ остановился по меньшей мѣрѣ членъ королевскаго дома... А для кого и для чего... че... чего? Пѣвица какая-то... Да, это, могу сказать, дѣла! Ради пѣвицы! Какъ зовутъ эту особу?

Бек. Однако, почтеннѣйшій генералъ, вы отлучаетесь сегодня варварствомъ.

Ген. Пасъ бранять, сударыня. Намъ дѣлають выговоръ, сударыня. (*Всѣ смѣются.*)

Бек. Однако, должны же вы знать Даль-Орто, извѣстную итальянскую пѣвицу, которая поетъ большія вагнеровскія партіи? Это для насъ большое счастье, что намъ удалось пригласить ее на нашъ праздникъ. Не будь ея...

Ген. Такъ, такъ... А что бы было, не будь ея? Хе? Я полагалъ, что, по крайней мѣрѣ, наши строго-нравственные кружки избавлены отъ... отъ... подобныхъ вещей... Но съ тѣхъ поръ какъ оберъ-президентъ даетъ вечера въ честь этой госпожи! Но вотъ что лучше всего, — что вѣнецъ всему: угадайте, кто тамъ стоитъ сегодня между всѣми энтүзіастами и

вытягиваетъ себѣ шею? Хе? Нѣтъ, никогда не угадаете. Слишкомъ это дико! Г. пасторъ.

Шв. Пасторъ?

Ген. Да, да, да. Нашъ пасторъ.

Шв. Удивительно!

Ген. Ну, спрашиваю я васъ: что ему-то тамъ надо? И чего надо всѣмъ другимъ? И что вообще за цѣль подобнаго праздника?

Бек. Ну, я полагаю, развивать стремленія народа къ идеальному — это задача...

Ген. Кто хочетъ развивать стремленія народа къ идеальному, тотъ можетъ вступить въ какое-нибудь воинское общество.

Шв. Не всякому выпадаетъ на долю счастье быть солдатомъ, генералъ.

Ген. (*раскладывая карты*). Всѣ были солдатами, милѣйшій подполковникъ! Я не знаю никого, не хочу знать никого, кто не былъ солдатомъ. Вамъ сдавать. И все это такъ называемое искусство, — вы, ученый мужъ, — какая въ сущности его цѣль?

Бек. Цѣль искусства возвышать нравственный уровень въ народѣ, генералъ.

Ген. Вотъ вамъ сударыня! Мы побѣждены. Побѣдитель при Кениггрецѣ насъ побѣдилъ. А я вамъ скажу: искусство — это выдумка, которую устроили для себя буквоѣды, чтобы достигнуть въ государствѣ какого-нибудь значенія... Пасъ!

Шв. Пасъ!

Бек. (*юрячо*). Неужто вы рѣшитесь утверждать, что искусство... (*Спокойно.*) Я никакъ. (*Возмущенно удивленъ.* Звонокъ. Мари быстро уходитъ на встрѣчу. Генералъ дѣлаетъ истеричное движеніе. Шварце съ успокоиваетъ. Продолжаютъ играть.)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же, Франциска, потомъ Пасторъ.

Ген. А, наша уважаемая фрейлейнъ Франциска! (*Тихо.*) Ну, теперь конецъ!

Шв. Ни-ни-ни, мы ее спровадимъ въ садъ.

Фран. (*бросившись на стулъ*). Я такъ ажитирована, мнѣ пужно сперва передохнуть немного! Прошу васъ, генералъ, не беззаконно-ся раньше времени.

Бек. Итакъ — 9 пикъ. (*Входитъ пасторъ.*)

Ген. Батюшки! Вотъ и пасторъ!

Паст. Здравствуйте! (*Всѣ здороваются.*)

Ген. А ну ка, батенька, съ какихъ это поръ вы бѣгаете за пѣвицами?

Паст. Что такое? Ахъ, вотъ что... Да, я бѣгаю за пѣвицами; это теперь мое занятіе.

Шв. Это не помѣшаетъ вамъ однако сыграть съ нами партійку въ преферансъ, а?

Паст. Къ сожалѣнію, не могу. И даже васъ, любезный подполковникъ, я долженъ просить немедленно позволить мнѣ переговорить съ вами.

Ген. Ну-ну, можно, вѣроятно, и отложить, батенька!

Фран. О, ради Бога! Это такъ важно... Необходимо сейчасъ же...

Шв. И она здѣсь замѣшана, моя свояченица?

Фран. Она припимаетъ въ этомъ дѣлѣ живѣйшее участіе.

Ген. Ну, тогда мы спокойно можемъ уйти!

Авг. Ахъ, это было бы для насъ очень непріятно.

Шв. Ну, не будь это вы, любезный пасторъ... Разстраиваете наше общество...

Авг. Можетъ быть, господа, вы позволите Марихенъ, чтобы она васъ проводила въ садъ на время.

Ген. Идешь! Конечно! Прекрасно. Великолѣпно! Пойдемте, маленькій профессоръ. Фрейлейнъ Марихенъ, будьте любезны принять на себя роль нашего предводителя.

Бек. Но карты,—ихъ не перемѣшаютъ, не правда ли?

Ген. Да, у васъ 9 пикъ. Идемте же! (*Уходятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Шварце, Августа, Пасторъ и Франциска.

Шв. Итакъ?...

Фран. Боже мой, вы видите въ какомъ я волненіи? Дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, стаканъ воды! (*Августа подаетъ.*)

Паст. Обѣщаете ли вы мнѣ, любезный подполковникъ, что, что бы ни произошло, вы сохраните ваше спокойствіе? Потому что многое отъ этого зависитъ, вѣрьте мнѣ.

Шв. Да, да... но что такое?...

Паст. Пусть лучше расскажетъ вамъ фрейлейнъ Франциска.

Фран. (*выпивъ воды*). Вотъ такъ депекъ! Сегодня судьба отомстила за меня. Вотъ этотъ человекъ цѣлые годы оскорблялъ мои святѣйшія чувства;—опъ меня... Но сегодня я дамъ ему себя знать. (*Растроганно.*) Зять, дай мнѣ твою руку... Сестра, дай мнѣ твою руку!

Паст. Извините, любезная фрейлейпъ Френцхенъ, я думаю, ваша задача такъ серьезна, что...

Фран. (*смятаясь*). Не сердитесь... не сердитесь... Я такъ взволнована. Итакъ, я вчера была уоверъ-президента. Были приглашены только мѣстная знать и высшіе чиповники. Вы, конечно, не были приглашены?

Шв. (*инъвно*). Нѣтъ.

Фран. Ты меня не такъ понялъ. Этакое педовѣріе!... Я вѣдь такъ взволнована... (*Хочетъ заплакать, но по взгляду пастора продолжаетъ.*) Да, да, да... Итакъ, на мнѣ было мое желтое шелковое платье съ брабантскими кружевами... шлейфъ я велѣла себѣ укоротить... Итакъ, вхожу я въ залу. (*Плачетъ.*) И кого же я вижу?

Шв. Ну—кого же?

Фран. (*всхлипывая*). Ваше дитя! Магдалену. (*Шварце отшатнулся назадъ; Пасторъ ея поддерживааетъ. Августа вскрикиваетъ. Пауза.*)

Шв. (*первый прійдя въ себя*). Пасторъ?

Паст. Это правда.

Шв. (*вставая*). Магдалена больше не мое дитя.

Фран. Но выслушай же. Ты сейчасъ же перемѣнишь свое мнѣніе. Обѣ руки протянешь ты такой дочери.

Шв. Магдалена—не дочь мнѣ больше.

Паст. Но все же, я думаю, можете вы выслушать, какъ мы ее встрѣтили.

Шв. (*въ смущеніи*). Да, это я могу.

Паст. (*дѣлаетъ знакъ Францискѣ*).

Фран. Итакъ, большой парадный залъ былъ биткомъ набитъ. Почти все чужіе. Вдругъ вижу я, его превосходительство идетъ черезъ залу и подъ руку съ какой-то дамой.

Авг. Подъ руку съ его превосходительствомъ?

Фран. Брюнетка—гордая, высокаго роста! И за ней полукругомъ гости, какъ на пріемѣ у ея величества. Она болтаетъ, смѣется... И каждый, кого она удостоитъ разговоромъ, ужъ счастливъ, точь въ точь какъ у ея величества. И у нея съ полдюжины орденовъ на груди, а на шеѣ медаль на оранжевой лентѣ. Я еще думаю: какая это принцесса? Какъ вдругъ она повертывается въ полуоборотъ—ну, и я вѣдь знаю глаза Магды!...

Шв. Сказки!

Фран. Ну вотъ, не угодно ли!

Паст. Любезный подполковникъ, все это совершенная правда.

Шв. Если это она... (*Складывая руки.*) Она не погибла! Отецъ небесный, Ты не далъ ей погибнуть!

Авг. Да кто же она, что ее такъ чествуютъ?

Паст. Она сдѣлалась за границей знаменитой пѣвицей и носить итальянское имя Магдалена Даль Орто.

Авг. Слышишь, Леопольдъ, знаменитая пѣвица, о которой постоянно пишутъ газеты, это наша дочь.

Шв. Магда—не дочь мнѣ больше.

Паст. И вы это серьезно говорите?

Фран. Да, вотъ и видно, какое у тебя сердце. Бери примѣръ съ меня. Какъ только могла, злила меня эта змѣя, да—т. е. тогда она была змѣя... А теперь... Правда, она меня не видала, но еслибы она меня увидала,—О!

Авг. Леопольдъ, его превосходительство самъ велъ ее подъ руку!

Шв. А я, все-таки, скажу тебѣ,—и тебѣ... и вамъ, пасторъ,—я бы скорѣе желалъ, чтобы она лежала передо мной нищей въ лохмотьяхъ и молила меня о прощеніи! Потому что тогда я зналъ бы, что въ душѣ она осталась моимъ

ребенкомъ... Зачѣмъ пріѣхала она въ нашъ городъ, а? свѣтъ достаточно великъ для ея триумфовъ. Покорять себѣ и это захолустье ей не было надобности. Но я знаю! Показать бѣднягѣ отцу, чего можно достигнуть на свѣтѣ, поправъ ногами дочерній долгъ. Вотъ, что она хотѣла. Высокомѣріе и упрямство въ ней говорятъ—и больше ничего.

Паст. Хотѣлъ бы я васъ спросить, милѣйшій подполковникъ, что въ васъ говорить? Неужели отцовское сердце? Ну, на это, конечно, вы и сами теперь нисколько не претендуете, потому что... Или, по крайней мѣрѣ, нравственное право? Я думаю, что скорѣе вы были бы въ правѣ просто—на—просто порадоваться счастью своей дочери. Или, можетъ быть, оскорбленная нравственность?... Не знаю... Ваша дочь такъ многого достигла собственными силами, что оскорбленная нравственность могла бы наконецъ считать себя удовлетворенной... Но, мнѣ кажется, въ васъ-то и говорить высокомѣріе и упрямство—и ничего больше.

Шв. (вспыхнувъ). Г. пасторъ!

Паст. (дружелюбно). Ахъ, не кричите на меня... Это совершенно лишнее. Если мнѣ нужно, что—нибудь сказать, я долженъ это высказать, не правда ли? И я почти могу подумать, что вамъ именно не нравится, что она противъ вашей воли достигла такого высокаго положенія. Ваша гордость хотѣла бы имѣть случай простить, и васъ сердить, что здѣсь нечего прощать. И теперь я спрашиваю васъ: хотѣли бы вы серьезно, чтобы она лучше вернулась на родину падшей, брошенной, и отважиться ли вы принять на себя отвѣтъ за подобное желаніе передъ престоломъ Господа? *(Молчаніе.)* Нѣтъ, мой милый, уважаемый, старый другъ. Вы часто въ шутку говорили, что я ваша чистая совѣсть. Такъ дайте же мнѣ хоть одинъ разъ быть ею на самомъ дѣлѣ. Послушайте меня, хоть на этотъ разъ...

Фран. Видѣлъ бы ты, какъ она...

Паст. (дѣлаетъ ей знакъ, чтобы она замолчала).

Шв. Сдѣлала ли она малѣйшую попытку къ сближенію съ своими стариками родителями? Обнаружила ли она хоть въ чемъ-нибудь любовь къ отцовскому дому? Кто мнѣ ручается за то, что она съ насмѣшкой не оттолкнетъ мою протянутую руку?

Паст. Ну, за это я конечно могу поручиться.

Шв. Вы? А я думаю, вы прежде всѣхъ испытали на себѣ ея неукротимое упрямство.

Паст. (смущенный). Объ этомъ вамъ не слѣдовало бы напоминать мнѣ.

ЯВЛЕНИЕ 10-е.

Тѣ же, Мари съ корзиной цвѣтовъ и Тереза.

Мари. Папа, папа, послушай только, что Тереза... Ахъ, я, кажется, помѣшала?

Шв. (сдерживаясь). Что тамъ такое?

Мари. Я сегодня, опять неизвѣстно отъ кого, получила цвѣты, и когда я послала ихъ съ Терезой назадъ въ оранжерею, — она узнала, что они были заказаны не мужчиной, а дамой... И такъ какъ ихъ больше нельзя было снова продать, она принесла ихъ обратно. *(Всѣ обмываются взглядомъ.)*

Паст. Скажите-ка, Тереза, вамъ рассказывали, что это была за дама?

Тер. Сказали — она высокаго роста, съ большими темными глазами и говорить похоже, что богатая и знатная иностранка.

Паст. (подводитъ Мари съ букетомъ къ Шварце и кладетъ ему руку на плечо). Вы искали признака любви!..

Шв. (пристально разглядывая цвѣты). Отъ нея?..

Авг. Да за нихъ заплачено цѣлое состояніе!

Мари. Тереза узнала еще кромѣ того...

Паст. Такъ говорите же, Тереза, смѣлѣе!

Тер. Если г. пастору угодно! Вотъ какъ вернулась я назадъ, останавливаетъ меня швейцаръ и рассказываетъ, что вчера въ сумерки передъ подъѣздомъ остановился экипажъ... и въ немъ была дама. Но она не вышла, а только все заглядывала въ окна нашей квартиры, а у насъ только что зажгли огонь. И когда онъ пошелъ ее спросить: чего она, собственно, хочетъ, она что-то сказала кучеру, и тотъ быстро поѣхалъ *(Общее движеніе.)*

Паст. Хорошо, Тереза. *(Тереза уходитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Тѣ же, безъ Терезы.

Паст. Простите, милая фрейлейгъ Марихенъ, если мы еще разъ поступимъ съ вами, какъ съ маленькой дѣвочкой, и попросимъ васъ еще на минутку оставить насъ однихъ.

Мар. Г. пасторъ, все это меня пугаетъ! *(Просительно.)* Папа!

Шв. (сдержанно волнуясь). Что, дитя мое?

Мар. Папа! Папа, ты знаешь, кто была эта дама?

Шв. Я? Нѣтъ, я только подозреваю.

Мар. (вскрикивая). Магдалена... Магда... Магда здѣсь! *(Падая на колѣни.)* Ахъ, ты простишь ее!

Шв. Встань, дитя мое. Твоя сестра не нуждается въ моемъ ничтожномъ прощеніи.

Паст. Но она нуждается въ вашей любви.

Мар. Магда здѣсь! Боже мой, Магда здѣсь! *(Плачетъ, обнявъ Августи.)*

Фран. Неужели никто не принесетъ мнѣ стаканъ воды! Я вѣдь такъ разстроена!

Паст. Рѣшились ли вы? *(Шварце остается неподвиженъ.)* Значитъ ли это, что вы

предоставляете ей идти своимъ путемъ, безъ того, чтобы...?

Шв. Должно быть, что такъ.

Паст. Охъ, а что если въ предсмертную минуту вдругъ проснется въ васъ желаніе увидѣть потерянную дочь? Что если тогда вамъ придется сказать себѣ: она стояла у моего порога, и я не сказалъ ей: «войди»!

Шв. (*измученный, на половину побѣжденный*). Чего вы отъ меня хотите? Чтобы я унился передъ сбѣжавшей отъ меня дочерью?

Паст. Нѣтъ, этого отъ васъ никто не требуетъ. Я... я пойду къ ней.

Шв. Вы, пасторъ? Вы?

Паст. Сегодня днемъ я ждалъ ее передъ ея гостиницей, чтобы убѣдиться, не ошиблась ли фрейлейнъ Франциска. Въ три четверти четвертаго она вышла и сѣла въ экипажъ.

Мар. Вы ее видѣли?

Авг. Какъ она выглядѣла? Какъ она была одѣта?

Паст. Концертъ начался въ 4 часа и долженъ скоро кончиться. Итакъ, я дожусь ее въ гостиницѣ и скажу ей, что здѣсь... что здѣсь она встрѣтитъ раскрытыя объятія... Я могу, конечно, сказать ей это?

Мар. Да, да, папа, не правда ли, да?

Авг. Подумай только, кто такой твоя дочь...

Шв. Можете ли вы мнѣ поклясться, что никакая малодушная или суетная мысль не примѣшивается къ вашимъ поступкамъ?... И что все, что вы дѣлаете, вы дѣлаете только во имя нашего Творца и Искупителя?

Паст. Могу, и да поможетъ Онъ мнѣ.

Шв. Такъ да будетъ воля Божія. (*Мари радостно вскрикиваетъ.*)

Паст. (*протягиваетъ ему руку*).

Шв. (*крѣпко пожимая, тихо.*) Тяжелая это для васъ задача!.. Я знаю! Ваша загубленная молодость... ваша гордость...

Паст. Ахъ, милѣйшій подполковникъ, я такъ объ этомъ думаю: гордость—довольно жалкая вещь. Не стоитъ, право, постоянно говорить о ней. Здѣсь—старикъ-отецъ, я верну ему его дочь; а тамъ—скиталица, заблудшая душа—ну, и ей я верну родную семью, думаю, что этого совершенно достаточно. Пока—до свиданья. (*Уходитъ.*)

Мар. (*съ слезами восторга бросается на грудь отцу*).

(*Занавѣсъ.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Декорация та же.

(*Темно, только слабый свѣтъ вечерней зари мерцаетъ въ окнѣ.*)

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Мари и Тереза.

Тер. (*вноситъ зажженную лампу*). Милая барышня... Чего это она все въ окошко смотреть? Барышня!

Мари (*стоявшая у окна, вздрагивая*). Что вамъ?

Тер. Ужинъ накрывать?

Мари. Нѣтъ еще.

Тер. Да вѣдь ужъ половина восьмого.

Мари. А онъ ушелъ въ половинѣ седьмого. Концертъ долженъ былъ давно кончиться... Не захочетъ пріѣхать...

Тер. Кто? Развѣ еще будетъ къ ужину гость?

Мар. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! (*Тереза хочетъ идти.*) Тереза, не можете ли вы еще нарвать въ саду парочку букетовъ?

Тер. Могла бы то я, конечно, могла; но что я теперь пайду, не знаю... вѣдь ужъ совсѣмъ темно.

Мар. Да, да... ступайте.

Тер. Что же мнѣ, нарвать или?...

Мар. Нѣтъ, благодарю, не надо.

Тер. Да что съ ней такое? (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Мари, Августа.

Авг. Марихенъ, я все же на всякій случай надѣла другой чепчикъ, тотъ, что съ лентами. Погляди-ка, хорошо сидитъ?

Мар. Да, мамочка, хорошо.

Авг. Тети Френцхенъ еще нѣтъ наверху?

Мар. Нѣтъ.

Авг. Боже мой, ахъ, Боже мой! Я про гостей-то совсѣмъ и позабыла. А папа заперся... ничего не хочетъ ни слышать, ни видѣть. Господи, а вдругъ генераль на насъ разсердится... Вѣдь это самый знатный изъ нашихъ знакомыхъ. Вѣдь это было бы несчастіе.

Мар. Когда онъ узнаетъ, мамочка, въ чемъ дѣло...

Авг. Да, да, да. А пасторъ тоже все не идетъ. Да, Марихенъ, вотъ что еще. Если бы она тебя спросила...

Мар. Кто?

Авг. Ну, Магда.

Мар. Магда!

Авг. Какія наши съ тобой отношенія...

Вѣдь я жедля тебя не то, что называется «мачихой?»

Мар. Конечно, нѣтъ, мамочка!

Авг. Видишь ли, тогда... я не могла, правда, свыкнуться, что у меня сразу двѣ взрослых дочери. Но вѣдь это все сгладилось? (*Мари киваетъ.*) И вѣдь любимъ же мы другъ друга?

Мар. Да, мамочка, мы другъ друга очень любимъ. (*Цѣлуетъ ее.*)

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тѣ же и Франциска.

Фран. (*боязливо*). Опять тутъ помѣшаешь живою картинѣ.

Авг. А что генераль?

Фран. Генераль? Ну, и разсердился же онъ! «Заставить насъ просидѣть полтора часа! Это что такое!»... сказалъ онъ. И въ самомъ дѣлѣ, я должна сказать, это превосходить...

Авг. (*жалобно къ Мари.*) Ну, видишь, что я тебѣ...

Фран. Ну, да я все дѣло на этотъ разъ такъ опять уладила, что они по крайней мѣрѣ ушли въ хорошемъ расположеніи духа...

Авг. Да? Благодарю тебя, Френцхенъ, тысячу разъ.

Фран. Да, вотъ на это я гожусь—быть на побѣгушкахъ и Золушку разыгрывать... А когда дѣло идетъ о семейныхъ дѣлахъ, то старую, милую тетку съ ея любвеобильнымъ сердцемъ...

Мари. Кто тебя обидѣлъ, тетя Френцхенъ?

Фран. Вотъ, теперь и ты явилась! А раньше, когда я была такъ взволнована, никто обо мнѣ не побезпокоился. Да, вотъ рѣверсъ внести, чтобы милая барышня могла замужъ выйти, для этого я достаточно...

Мари. Тетя Френцхенъ!

Фран. Но пока я жива...

Авг. Да о чемъ вы толкуете?

Фран. Ужъ мы знаемъ о чемъ. А сегодня... Кто вамъ вернулъ вашу дочь?

Авг. Ея же нѣтъ еще...

Фран. Я вернула вамъ вашу дочь. А поблагодарилъ ли меня кто-нибудь за это? И то, что я ей простила, кто это оцѣнилъ? Вѣдь я же ей простила. (*Плача.*) Я ей все...

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Тѣ же, Тереза (*очень взволнована*).

Мари. Что съ вами, Тереза?

Тер. Я такъ боюсь, милая барышня.

Мари (*испуганно*). Что тамъ такое?

Тер. Карета.

Мари. Какая карета?

Тер. Вотъ, что вчера вечеромъ...

Мар. Здѣсь? Здѣсь? (*Бѣжитъ къ окну.*)

Мама, мама, гдѣ? Она здѣсь... Карета...

Авг. Дѣйствительно, тамъ карета.

Мари (*стуча въ дверь нальво*). Папа, папа! Иди скорѣй, сжался, иди скорѣй! (*Тереза по знаку Франциски ушла.*)

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Франциска, Мари, Августа, Шварце.

Шв. Что случилось?

Мари. Магда... Карета...

Шв. Ради Бога! (*Спѣшитъ къ окну.*)

Мари. Гляди, гляди, какъ она приподнимается, какъ она хочетъ заглянуть въ окно. (*Складывая руки.*) Папа! Папа!

Шв. Что ты хочешь этимъ сказать?

Мари (*оробѣвъ*). Я—ничего.

Шв. Ты, можетъ быть, хочешь этимъ сказать, ты, плутовка: «она стояла у твоихъ дверей—и ты не сказалъ ей: войди»? Хе?

Мари. Да, я это хочу сказать... Я это хочу сказать.

Шв. Послушай-ка, старуха, она стоитъ у нашей двери. Давай-ка и мы нашу гордость... тоже... какъ бы это... а? Пойдемъ за нею?

Авг. Ахъ, Леопольдъ, ее всѣ такъ высоко чтутъ, могли бы и мы... Конечно...

Мари (*вскрикиваетъ*). Она уѣзжаетъ.

Шв. Нѣтъ, нѣтъ, она не уѣзжаетъ. Пойдемъ, приведемъ ее къ ней.

Фран. Ахъ, да, приведите ее ко мнѣ.

(*Августа и Шварце уходятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 6-е.

Мари, Франциска.

Мари. Она уѣхала. Только бы не тронулась карета! Ахъ, какъ долго... какъ долго... Они вѣдь должны быть уже внизу. (*Боязливо.*) Вотъ... вотъ... (*Кричитъ вни себя.*) Не уѣзжай! Магда... Магда... не на...

Фран. Не кричи же такъ. Что тамъ такое?

Мари. Оглядывается. Она ихъ увидала! Великъ остановиться! Быстро открываетъ дверцу... Выскакиваетъ... Теперь... теперь... она кинулась отцу въ объятья. (*Всхлипывая, закрываетъ лицо.*) Тетя Френцхенъ! Тетя Френцхенъ!

Фран. Да что же больше оставалось дѣлать отцу? Ему одному... ну? Разъ ужъ я ей простила, не можетъ же онъ... не можетъ же онъ...

Мари. Она идетъ между матерью и отцомъ. Ахъ, какая она высокая!.. Идетъ, идетъ... Какая я покажусь ей глупенькая, простенькая!.. Я такъ боюсь, такъ боюсь! (*Нерешительно въстаетъ нальво. Пауза. За сценой голоса Магды и старики.*)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Тѣ же Магда, Шварце, Августа, потомъ Тереза.

Маг. (*въ роскошномъ вечернемъ туалете*).

тъ, сверху широкой плащ; на голову наброшено испанское кружевное покрывало. Съ крикомъ кидается прямо къ Мари). Моя Мица! Моя крошка. Ахъ, какъ выросла, моя крошка. Мое любимое дитячко... мое... ахъ! (*Порывисто ее цѣлуетъ.*) Но что это? Да ты дрожишь!.. Поди сюда, сядь! Нѣтъ, нѣтъ, сядь пожалуйста! Сейчасъ-же! Я такъ хочу! (*Ведетъ Мари къ креслу.*) Эти милыя ручки! Милыя ручки! (*Становится передъ ней на колѣни, цѣлуетъ и гладитъ ея руки*). И такія жесткія! И такъ исколоты. И блѣдна какъ, моя прелесть. Круги вокругъ глазъ...

Шв. (*кладетъ ей тихо руку на плечо*). Магда, вѣдь и мы тоже здѣсь.

Маг. Да, да... я вѣдь совсѣмъ. (*Встаетъ. Задумчиво.*) Мой милый старый папа, Ахъ, Боже мой, какъ ты посѣдѣлъ? Мой милый папа! (*Беретъ его за руку*). Мой милый... Но что это у тебя съ рукой? Она дрожить!

Шв. Ничего, дитя мое. Не спрашивай объ этомъ.

Маг. Г-мъ! И какой же ты красивый сталъ на старости лѣтъ! Я не могу до сыта наглядѣться на тебя! Я совсѣмъ загоржусь такимъ красивымъ отцомъ. (*Указывая на Мари.*) Но о ней вы должны лучше заботиться... Она выглядитъ, какъ восковая. Ты, ты принимаешь желѣзо? Что? Нѣтъ, ты должна принимать желѣзо... Или же... (*Нѣжно.*) Ну, мы еще поговоримъ! Подумайте только: я дома! Точно въ сказкѣ. Да, это была у тебя великолѣпная мысль безъ отговорокъ привести меня на верхъ, безъ объясненій... *senza complimenti*, *) потому что мы всѣ уже переросли наши былыя ребячества. Правда, папочка?

Шв. Гм... ребячества...

Маг. И я, въ самомъ дѣлѣ, чуть не уѣхала. Вотъ какой можно быть дурной. Но вы должны признать: я царапалась у порога, совсѣмъ тихо, совсѣмъ скромно, какъ наша Лэди, когда она, бывало, набѣгается. Да, что подѣлываетъ Лэди? Ея мѣсто пусто. Гдѣ она? (*Зоветъ.*)

Авг. Ахъ, она семь лѣтъ какъ околѣла.

Маг. Ахъ, *rovera bestia!* **) Да, да, я забыла! А мама! Да, *mamma!* На тебя я совсѣмъ еще и не взглянула... Какая ты стала славная. Тогда еще въ тебѣ оставалось немножко запоздалой молодости... Это не шло къ тебѣ. А теперь ты славная старушка. Такъ и хочется тихонько положить голову къ тебѣ на грудь. И я это сдѣлаю. Мнѣ будетъ такъ хорошо!.. Послушай, тогда мы частенько таки грызлись. Ахъ, что за строптивое маленькое животное была я тогда. Ну, да и ты стояла своего мужа. Но теперь мы закуримъ трубку мира, а?

Авг. Поди, ты шутишь со мной, Магда!

Маг. Развѣ нельзя? Я не смѣю? Ну, ну, ну... Вѣдь это все изъ любви. Будемъ только любить другъ друга. Будемъ добрыми друзьями, идеть?

Франц. (*которая давно уже пыталась обратить на себя внимание*). И мы также, не правда ли, дорогая Магда?

Маг. *Tiens, tiens!* (*Оглядывается ее испытующе въ лорнетъ.*) И мы тутъ?... По-прежнему неугомонны? По-прежнему центръ семьи?

Франц. О, это...

Маг. Ну, протянемъ дружески другъ другу руки. Такъ? Хотя я никогда не могла тебя выносить. И не научусь. Это ужъ такъ у насъ въ крови, а?

Франц. А я тебѣ ужъ все простила!

Маг. А? Такое великодушіе я бы... И все сразу ты прощаешь—гуртомъ? И то, что ты возстановляла маму противъ меня, еще раньше, чѣмъ она вступила въ нашу семью? Что ты и отца... (*Ударяя себя по губамъ кулакомъ.*) *Meglio tacere! meglio tacere!* *)

Мари (*перебивая*). Ради Бога, Магда!

Маг. Молчу, моя милая, больше ни слова!

Франц. Вотъ такъ манеры!...

Маг. А теперь дайте же мнѣ оглядѣться! Боже мой, все, какъ было. Ни одна пылинка не тронулась.

Авг. Пожалуйста, Магда, ты нигдѣ не найдешь ни пылинокъ!

Маг. Вѣрю, вѣрю, *mamma!* Я вовсе не въ томъ смыслѣ. Двѣнадцать лѣтъ! Безъ слѣда... Да неужто же все прошлое мнѣ только снилось?

Шв. У тебя найдется многое рассказать намъ, Магда.

Маг. (*вздвинувъ*). Что? Ну, мы тамъ посмотримъ... тамъ посмотримъ. Теперь бы мнѣ очень хотѣлось... да, чего бы мнѣ хотѣлось?.. Посидѣть минуту спокойно... Все это такъ внезапно нахлынуло на меня... Когда я подумаю... Отъ того вонъ окна до этой двери... отъ того вонъ стола до платяного шкафа наверху—все это когда-то было моимъ міромъ.

Шв. Тѣмъ міромъ, дитя мое, выше котораго нельзя быть и не слѣдуетъ... но ты держалась всегда противоположнаго...

Маг. Что ты хочешь этимъ сказать и что за лицо ты при этомъ дѣлаешь? Ахъ, да, такъ!.. Это своевременный вопросъ! Какая я была глупая! Ахъ, какая я была глупая! Мой добрый старый папа, къ сожалѣнію, коротка будетъ наша радость.

Авг. Почему?

Маг. Да что вы обо мнѣ думаете? Думаете вы, я такъ свободна, какъ кажусь? Я совсѣмъ усталая, затравленная раба, которая тогда только и счастлива, когда кнутъ ее погоняетъ.

Шв. Чья раба? Какой кнутъ?

Маг. Этого такъ рассказать нельзя, милый

*) Сенца комплименти.

**) Повара bestia.

*) Мѣльо тачере—лучше молчать.

папа. Вы не знаете моего образа жизни. Да вы, вѣроятно, его и не поймете. Короче сказать: каждый день, каждый часъ распредѣлены за долго впередъ... Да... и теперь я должна вернуться въ отель.

Мари. Нѣтъ, Магда, нѣтъ!

Маг. Да, Мица, да! Тамъ уже давно сидятъ 6—7 человѣкъ и ждутъ пріема. А знаешь что, Ми, я утащу тебя ко мнѣ ночевать... Не правда ли, она можетъ переночевать со мной?

Шв. Понятно. Только какъ ты думаешь—гдѣ?

Маг. Въ отелѣ.

Шв. Какъ? Ты не хочешь жить у насъ? Хочешь насъ осрамить?

Маг. Какъ можете вы такъ думать? Со мной цѣлый придворный штатъ!

Шв. И для этого, какъ ты называешь, придворнаго штата найдется мѣсто въ домѣ твоихъ родителей.

Маг. Кто знаетъ? Вѣдь онъ довольно разнообразный... Это во-первыхъ — Бобо, мой попугай, прелестное животное, это еще ничего... Потомъ моя придворная кошка Джульетта, маленькій чертенокъ,—но я положительно жить безъ нея не могу... Потомъ мой курьеръ—этотъ тиранъ и гроза для всѣхъ содержателей отелей... Ну, и не забыть еще строгую персону моего репетитора пѣнія.

Фран. Надѣюсь,—совсѣмъ старикъ?

Маг. Нѣтъ, совсѣмъ молодой человѣкъ!

Шв. (послѣ нѣкотораго молчанія). Тогда ты забыла еще одно: твою *dame d'honneur*.

Маг. Какую *dame d'honneur*?

Шв. Не можешь же ты переѣзжать изъ края въ край съ молодымъ человѣкомъ, безъ...

Маг. А, это васъ беспокоитъ... Я—могу, будьте спокойны: я могу. Въ нашемъ мірѣ на такія вещи не обращаютъ вниманія.

Шв. Въ какомъ это мірѣ?

Маг. Въ томъ мірѣ, гдѣ я царю, милый папа! И другого мнѣ не нужно. Тамъ все принято, что я дѣлаю, потому что такъ дѣлаю я.

Шв. Конечно, это завидное положеніе. Но ты еще такъ молода. Могутъ быть случаи, когда для тебя авторитетъ... словомъ чьимъ совѣтамъ слѣдуешь ты въ своихъ поступкахъ...

Маг. Никто не имѣетъ права совѣтовать мнѣ, милый папа.

Шв. Ну, дитя мое, съ сегодняшняго дня твой старый отецъ беретъ опять это право въ свое распоряженіе. (*Зоветъ.*) Тереза!

Тер. (за сценой). Здѣсь, г. подполковникъ!

Шв. Ступайте въ «Германію» и принесите вещи барышни...

Маг. (упрашивая). Прости, милый папа, ты забываешь, что для этого нужны мои приказанія.

Шв. Какъ?... Да, кажется, я это забылъ. Ну такъ—ступай съ миромъ, дитя мое!

Мар. Магда, ахъ, Магда!

Маг. (*беретъ накидку*). Потерпи, моя милая, мы еще поговоримъ съ тобою наединѣ. А завтра вы придете ко мнѣ завтракать—идеть? Тогда дружески поболтаемъ еще:

Авг. Мы къ тебѣ?

Маг. Мнѣ будетъ пріятнѣе принять васъ у себя.

Шв. Въ 4 стѣнахъ—въ гостиницѣ?

Маг. Да, милый папа, другого дома у меня нѣтъ.

Шв. А здѣсь, у насъ?

Мар. Не видишь ты, какъ онъ опечаленъ?

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Тѣ же и Пасторъ.

Паст. (*входитъ, скрывая и подавляя свое волненіе*).

Маг. (*лорнируя ея*). И онъ тоже!... Посмотримъ, посмотримъ.

Авг. Подумайте: она хочетъ опять уѣхать.

Паст. Не знаю, помнить ли меня фрейлейнъ Магдалена...

Маг. (*насмѣшливо*). Вы слишкомъ скромничаете, г. пасторъ. И такъ какъ теперь я васъ уже всѣхъ видѣла... (*Окутывается въ плащъ.*)

Шв. (*тихо, быстро*). Вы должны ее удерживать.

Паст. Я? Если вы безсильны, какъ же я могу?..

Шв. Попробуйте!

Паст. (*принудивъ себя, говоритъ*). Простите, фрейлейнъ Магдалена, это покажется, конечно, назойливымъ съ моей стороны, если я... Не подарите ли вы мнѣ нѣсколько минутъ?

Маг. О чемъ намъ съ вами говорить, мой уважаемый г. пасторъ?

Авг. Ахъ, исполни это! Онъ вѣдь все знаетъ лучше всѣхъ.

Маг. (*иронически*). А?

Мар. Я, можетъ быть, больше никогда тебя ни о чемъ не попрошу. Но это сдѣлай для меня!

Маг. (*ладитъ ее и въ раздумьи переноситъ взоръ съ одного на другого*). Ну, развѣ потому, что это дитя умѣетъ такъ хорошо просить!... Г. пасторъ, я къ вашимъ услугамъ.

Мари (*молча ее благодаритъ*).

Фран. (*тихо Августъ*). Теперь онъ поставитъ ее на путь истинный. Идемъ.

Швар. Вы были тогда поводомъ, что я удалилъ ее изъ дому, сегодня же вы отвѣчаете за то, что она останется.

Паст. (*жестомъ выражаетъ сомнѣніе*).

Швар. Мари!

Мари. Здѣсь, папа! (*Всѣ уходятъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 9-е.

Пасторъ и Магда.

Маг. (*сидя въ лорнируя ея*). И такъ, передо мной человѣкъ, который берется нѣ-

сколькими словами окончательно сломить мою волю... И что вамъ это поручаютъ—доказываетъ мнѣ, что вы король въ своемъ государствѣ. Я преклоняюсь! Ну, теперь покажите ваше искусство.

Паст. Сударыня, я не знатокъ въ искусствѣ... И я бы самъ не позволилъ себѣ... Если мнѣ оказываютъ здѣсь нѣкоторое довѣріе, такъ это потому, что всѣ знаютъ, что я никогда не ищу чего-нибудь для себя.

Маг. (*съ насмѣшкой*). Это, конечно, и всегда такъ было?

Паст. Нѣтъ, сударыня. Одинъ разъ въ моей жизни питалъ я одно горячее, задушевное желаніе... это назвать васъ своей женой. Мнѣ стоитъ только взглянуть на васъ, потомъ на себя, чтобы понять, что то было дерзкое желаніе п... Но съ тѣхъ поръ я разучился чего-нибудь желать.

Маг. Ай, ай, г. пасторъ, мнѣ кажется—вы ухаживаете за мной?

Паст. Сударыня, еслибы это не было невѣжливо...

Маг. О, пастыръ душъ можетъ быть даже невѣжливъ!

Паст. Въ такомъ случаѣ я пожалѣлъ бы о томъ обществѣ, въ которомъ вамъ пришлось вращаться...

Маг. (*съ гордой насмѣшкой*). Вотъ какъ! Что вы-то знаете о моемъ обществѣ?

Паст. Мнѣ кажется, оно отучило васъ серьезно относиться къ серьезнымъ людямъ.

Маг. А! (*Встаетъ*). Ну, тогда я отнесусь къ вамъ серьезно и скажу вамъ, что вы для меня всегда были нестерпимы,—вы, съ вашей притворной простотой, съ вашей элегической кротостью и съ вашей... Но съ тѣхъ поръ, какъ вы рѣшились спуститься до меня, бросить взглядъ на такое глупое созданіе, какъ я, выгнать изъ дому вашимъ сватовствомъ,—съ тѣхъ поръ я васъ ненавижу.

Паст. Мнѣ кажется, что скорѣй я такимъ образомъ былъ поводомъ вашего величія.

Маг. Въ этомъ, конечно, вы правы. Здѣсь бы я заплачевѣла, засохла... Нѣтъ, нѣтъ, я васъ вовсе не ненавижу... За что же бы мнѣ васъ такъ сильно ненавидѣть? Это все такъ далеко, такъ далеко отъ меня. Ахъ, еслибы вы знали какъ далеко! Вы день за днемъ просиживали въ этой спертой комнатной атмосферѣ, пропитанной лавандовымъ масломъ, табакомъ и желудочными каплями... А меня въ это время трепала буря. Еслибы вы, г. пасторъ, имѣли понятіе, что значитъ жить полной жизнью, что значитъ напрягать всѣ силы, искупать каждую вину, что значитъ добиться высокаго положенія и имъ наслаждаться,—вы сами себѣ показали бы очень смѣшнымъ въ этой пастырской бесѣдѣ... Ха, ха, ха! Ахъ, простите. Я думаю: за 12 лѣтъ такой хохотъ

не раздавался въ этомъ благочестивомъ домѣ... Вѣдь здѣсь никто не умѣетъ смѣяться! Умѣетъ здѣсь кто-нибудь смѣяться, а?

Паст. Нѣтъ, къ сожалѣнію, нѣтъ.

Маг. Къ сожалѣнію, говорите вы?... А, это звучитъ совершенно чистосердечно. Но вы сами того не хотите?

Паст. Большинство изъ насъ не можетъ смѣяться, сударыня.

Маг. А кто могъ бы, тѣмъ смѣяться грѣшно? Вотъ вы, павѣрное, могли бы. Чего вамъ не хватаетъ? Вамъ не зачѣмъ смотрѣть на міръ съ такой постной миной.... У васъ навѣрное дома есть маленькая бѣлокуренькая супруга, которая прилежно штопаетъ носки, а крутомъ нея съ полдюжины кудрявыхъ головокъ. Это ужъ такъ всегда водится въ пасторскихъ домахъ.

Паст. Я остался холостымъ, сударыня.

Маг. А! (*Молчаніе*.) Развѣ я тогда напекла вамъ такую сильную рану?

Паст. Ахъ, оставимте это лучше, сударыня. Это было такъ давно.

Маг. (*спуская накидку*). А ваше призваніе—развѣ оно не достаточно радуетъ васъ?

Паст. Благодареніе Богу—да!... Но когда относишься къ нему вполне серьезно, нельзя жить при этомъ личной жизнью; по крайней мѣрѣ,—я этого не могу... Нельзя такъ ликовать въ сознаніи своей личности,—вѣдь вы это имѣли въ виду? И затѣмъ мнѣ приходится заглядывать въ чужія сердца и находить въ нихъ слишкомъ много неизлѣчимыхъ ранъ, чтобы когда-нибудь ощущать радость вполне.

Маг. Вы замѣчательный человекъ... Ничего подобнаго я не знаю. Еслибы я только могла избавиться отъ подозрѣнія, что вы рисуетесь!...

Паст. Позвольте мнѣ, прежде чѣмъ вы уйдете, обратиться къ вамъ съ однимъ вопросомъ, сударыня?

Маг. Прошу васъ!

Паст. Можетъ быть, всего съ часъ тому назадъ вы вошли въ свой родной домъ... Нѣтъ, даже и того нѣтъ!—Я ожидалъ васъ вовсе не такъ долго.

Маг. Меня? Вы? Гдѣ?

Паст. Въ корридорѣ, у вашего номера.

Маг. Что вамъ тамъ нужно было?

Паст. Я ходилъ напрасно, потому что вы уже здѣсь.

Маг. Не хотите ли вы этимъ сказать, что вы хотѣли меня... привести?... Вы, кому я тогда такъ много?... Если кто былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы держать меня далеко отсюда, такъ вѣдь это именно вы...

Паст. Такъ неужели же вы привыкли во всемъ, что дѣлается вокругъ васъ, искать только своекорыстныхъ интересовъ?

Маг. Понятно. Я сама такая же... (*Охваченная новой мыслью*.) Или же вы?... Нѣтъ,

этого предполагать я не имѣю права... (*Съ досадой.*) Ахъ, ничего этого не бываетъ... Это все басни... дѣтскія сказки о благородствѣ человѣка!... Ну, какъ бы тамъ ни было, г. пасторъ, я должна вамъ признаться, вы нравитесь мнѣ теперь гораздо, гораздо больше, чѣмъ тогда, когда вы мнѣ, — ну, какъ это говорится, — сдѣлали честь своимъ предложеніемъ.

Паст. Гмъ!

Маг. Вы-бы хоть улыбкой отвѣтили мнѣ на это... Это окаменѣлое лицо производитъ непривѣтливое впечатлѣніе, чувствуешь себя совсѣмъ *sconcertata* *)... Какъ это говорится? *Je ne trouve pas le mot.*

Паст. Извините, сударыня. Могу ли я предложить вамъ теперь мой вопросъ?

Маг. Боже мой, какъ любопытенъ этотъ святой человѣкъ! А то, что я съ вами кокетничаю, этого, конечно, вы вовсе не замѣчаете? Имѣть роковое значеніе въ жизни мужчины — это такъ льститъ намъ, женщинамъ... за это надо быть благодарной. Вы видите, что я уже стала прибѣгать къ искусству... Итакъ, спрашивайте, спрашивайте!

Паст. Зачѣмъ... зачѣмъ вы вернулись?

Маг. Вотъ что!

Паст. Вѣдь не тоска же по родинѣ?

Маг. Нѣтъ... Или, можетъ быть, чуть-чуть... Я вамъ скажу: когда я въ Миланѣ получила приглашеніе участвовать на этомъ праздникѣ, — почему оказали мнѣ эту честь — не знаю, — тогда во мнѣ начало шевелиться удивительное чувство: не то любопытство, не то страхъ, не то тоска, не то упрямство. Оно говорило мнѣ: побѣждай на родину, неузнанная, и стань въ тѣни передъ домомъ, гдѣ родительскія розги грозили тебѣ въ теченіе 17 лѣтъ. Тамъ почувствуй гордость самой собой. Но если же они тебя узнаютъ, тогда покажи имъ, что и внѣ ихъ узкой добродѣтели можно достичь чего-нибудь хорошаго и почетнаго.

Паст. Итакъ, все-таки только упрямство?

Маг. Въ началѣ... да, пожалуй... Но еще въ дорогѣ почувствовала я странное бѣненіе сердца, точно тогда, когда, бывало, плохо приготовишь свои уроки. А я всегда плохо училась... Когда же я остановилась передъ гостиницей... передъ «Германіей», — подумайте только, ахъ!... «Германіей», гдѣ всегда останавливались инспектирующие генералы и знаменитыя пѣвицы, тогда я проникнулась прежнимъ почтеніемъ, какъ будто я не была достойна вступить въ этотъ старый сарай... Что я сама стала, такъ называемой, знаменитой пѣвицей — я совершенно забыла. Съ тѣхъ поръ я каждый вечеръ прокрадывалась къ этому дому, но совсѣмъ расстроганная... смущенная... готовая расплакаться.

Паст. И несмотря на это, вы хотите уѣхать?

Маг. Должна!

Паст. Но...

Маг. Не спрашивайте! Я должна.

Паст. Задѣли вашу гордость? Обмолвился ли кто хоть словомъ о прощеніи?

Маг. Этого еще не доставало... Впрочемъ, да... но эта старая карга не въ счетъ!

Паст. Что же черезъ часъ васъ гонить отсюда?

Маг. Я вамъ открою. Я чувствую это съ первой минуты, какъ я явилась сюда: отцовскій авторитетъ снова протягиваетъ ко мнѣ свои силки... и готово уже ярмо, въ которое я должна буду просунуть шею.

Паст. Да нѣтъ же здѣсь никакихъ силковъ, никакого ярма, перестаньте видѣть призраки... ничего здѣсь нѣтъ, кромѣ широко раскрытыхъ объятій, готовыхъ прижать къ груди заблудшую дочь.

Маг. О, прошу покорно! Увольте отъ этого... Я не хочу изображать изъ себя pendant къ блудному сыну! Вернись я какъ дочь, какъ заблудшая дочь, тогда не стояла бы я здѣсь такъ — съ гордо поднятой головой; тогда должна бы я была, въ полномъ сознаніи всѣхъ своихъ грѣховъ, валяться здѣсь въ пыли передъ вами. (*Съ возрастающимъ волненіемъ.*) А этого я не хочу... Не могу! (*Величественно.*) Потому что я — я и не должна себя ронять. (*Съ болью.*) И потому-то нѣтъ у меня больше роднаго дома... потому-то я должна снова уйти... потому-то...

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣже, Августа, (*потомъ*) Марі.

Паст. Тише! Ради Бога!

Ав. Ахъ, простите, г. пасторъ... Я хотѣла только узнать на счетъ ужина. (*Съ просьбой къ Магдѣ, которая сидитъ, отвернувшись, закрывъ лицо руками.*) У насъ какъ разъ именно сегодня горячее жаркое. Вы знаете, г. пасторъ... такъ какъ мы ждали партнеровъ для преферанса... Не правда ли, Магда, — все равно: уѣдешь ты или останешься, — все же хоть кусочекъ ты можешь же въ своемъ родномъ домѣ...

Паст. Не спрашивайте ее теперь, сударыня.

Авг. Ахъ, если я мѣшаю... Я думала только...

Паст. Послѣ.

Мар. (*показываясь въ дверяхъ*). Она остается?

Маг. (*вздраиваетъ при звукѣ сягалося, но не мѣняетъ положенія*).

Ав. Тсс... (*Августа и Марія уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 11-е

Магда, Пасторъ.

Паст. Фрейлейнъ Магдалена, у васъ нѣтъ больше роднаго дома? Слышали ли вы какъ старуха умоляетъ и угощаетъ васъ лучшимъ, что у

*) Скончертато — (обезкураженной).

нея есть, хотя это всего только кусокъ мяса? Слышали ли вы, какъ слезы дрожали въ голосъ Мари отъ страха, что мнѣ, можетъ быть, не посчастливится? Они слишкомъ вѣрятъ въ меня, они думаютъ, что мнѣ довольно двухъ словъ... Они и не подозрѣваютъ, какъ безпомощно стою я здѣсь предъ вами. Смотрите, за той дверью ждутъ три человѣка, которые дрожатъ отъ страха и любви... Если вы переступите этотъ порогъ—вы вырвете у каждаго часть жизни. И вы хотите утверждать, будто бы у васъ нѣтъ больше роднаго дома.

Маг. Если и есть онъ у меня, то не здѣсь!

Паст. (*перебивая*). Можетъ быть... И не смотря на то, вы не должны уѣзжать. Только два—три дня! Просто, чтобы не лишать ихъ иллюзій, что вы еще принадлежите къ ихъ семьѣ... Сдѣлать хоть это—вы обязаны.

Маг. (*съ болью*). Никому и ничѣмъ я здѣсь больше не обязана.

Паст. Нѣтъ? Въ самомъ дѣлѣ нѣтъ? Ну, такъ я долженъ вамъ рассказать, что произошло здѣсь однажды. Это было 11 лѣтъ тому назадъ. Меня поспѣшно позвали сюда, подполковникъ былъ при смерти. Когда я пришелъ—онъ лежалъ неподвижно, съ посинѣвшимъ, искаженнымъ лицомъ... одинъ глазъ потухъ совершенно, только въ другомъ едва теплилась еще искорка жизни. Онъ хотѣлъ говорить, но его губы только беззвучно шевелились.

Маг. Творецъ небесный! Что случилось?

Паст. Да, что случилось?... Я вамъ это скажу: онъ только что получилъ письмо, въ которомъ его старшая дочь отрекалась отъ него!

Маг. Боже мой!

Паст. Много времени прошло, пока его тѣло оправилось отъ удара. До сихъ поръ еще осталось, какъ вы, можетъ быть, замѣтили, дрожаніе въ правой рукѣ.

Маг. Такъ это я виной?...

Паст. Ахъ, еслибы это было все, фрейлейнъ Магда... Извините, я называлъ васъ, какъ называлъ прежде... просто сорвалось съ языка...

Маг. Зовите меня, какъ хотите. Но дальше?

Паст. Незбѣжныя послѣдствія не заставили себя ждать. Когда онъ получилъ отставку,—онъ до сихъ поръ не хочетъ признавать ея настоящую причину—и не говоритъ ему объ этомъ,—тогда пошатнулся онъ и душевно.

Маг. Да, да, да! Я всему виною!

Паст. Видите ли, фрейлейнъ Магда, тутъ-то и началась моя роль. Если я объ этомъ говорю, не думайте, что я хочу хвастаться передъ вами... Къ чему бы это мнѣ послужило? Медленно лѣчилъ я его и снова поднималъ... (*съ жестомъ*) его упавшій духъ. Сперва я заставилъ его собирать гусеницъ съ розовыхъ кустовъ.

Маг. (*пораженная*). Ахъ!

Паст. Да, такъ плохъ онъ былъ... Потомъ я далъ ему завѣдывать нашей кассой... Потомъ сдѣлалъ его сотрудникомъ въ учрежденіяхъ, руководство которыми ввѣрено мнѣ... Здѣсь у насъ клиника, дешевыя столовыя и богадѣльня и дѣла всегда много—такимъ образомъ сталъ онъ снова человѣкомъ... Я старался также вліять и на вашу мачиху, не потому, чтобы я жаждалъ вліянія.—Можетъ быть, въ этомъ вы мнѣ повѣрите?... Словомъ, прежнія натянутыя отношенія между ней и Маріей понемногу сгладились, и любовь и довѣріе вернулись въ домъ.

Маг. (*прислѣдываясь къ нему*). А для чего вы дѣлали все это?

Паст. Ну, во-первыхъ, въ этомъ мое призваніе, потомъ дѣлалъ я это ради нихъ самихъ, потому что я люблю старика, но... прежде всего—ради... васъ...

Маг. (*съ истинно вопросительно указываетъ на себя*).

Паст. Да, ради васъ, фрейлейнъ. Потому, что я предвидѣлъ: настанетъ день, когда вы вернетесь домой. Можетъ быть побѣдительною, а можетъ быть и побѣжденною, разбитою, опозоренною, поруганною. Простите мнѣ подобныя предположенія, но вѣдь я ничего не зналъ объ васъ... Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ должны были вы найти дома все готовымъ для себя. Это была моя задача, задача долгихъ лѣтъ... И теперь, умоляю васъ, не разрушайте ея... Не дѣлайте этого!

Маг. (*подавленная*). Знали бы вы, что я пережила, не старались бы вы удерживать меня.

Паст. Пережитое осталось позади... А здѣсь—ваша семья. Оставьте прошлое! Забудьте его!

Маг. Могу ли я забыть? Смѣю ли?

Паст. Къ чему вы еще сопротивляетесь, когда все ликуя протягиваетъ къ вамъ руки?... Въ этомъ же нѣтъ ничего дурного. Имѣйте немного смѣлости для любви, когда все вокругъ переполнено любовью къ вамъ.

Маг. (*плача*). Вы заставляете меня снова чувствовать себя ребенкомъ! (*Пауза.*)

Паст. И не правда ли, вы остаетесь?

Маг. (*вскакивая*). Только безъ разспросовъ...

Паст. Какихъ? О чемъ?

Маг. (*со страхомъ*). Что я тамъ пережила. Не поймутъ они... Никто не пойметъ... даже вы...

Паст. Хорошо—значитъ и я?...

Маг. И вы общаете мнѣ это за себя... и за нихъ?

Паст. За нихъ?... Да, я могу обѣщать.

Маг. (*упавшимъ голосомъ*). Позовите ихъ.

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Тѣ же, Мари, потомъ Августа, Франциска и Шварце.

Паст. (открывая дверь нальво). Она остается.

Мар. (кидается на шею къ Мадѣ).

Авг. (также ее обнимаетъ).

Шв. Это былъ твой долгъ, дитя мое.

Маг. Да, папа! (Осторожно, обѣими руками беретъ ея правую руку и горячо ее цѣлуетъ.)

Франц. Ну, слава Богу! Наконецъ-то можно и поужинать! (Открываетъ дверь въ столовую. Виднѣтъ накрытый столъ, ярко освѣщенный висячей лампой подѣ зеленымъ колпакомъ.)

Маг. (погружаясь въ созерцаніе). Ахъ, смотрите—все та же милая старая лампа! (Дамы медленно уходятъ въ глубину.)

Шв. (протягивая руки). Ну, пасторъ, это былъ вашъ величайшій подвигъ.

Паст. Ахъ, пожалуйста!.. Но при этомъ есть одно условіе.

Шв. Условіе?

Паст. Мы не должны разспрашивать ее о прошломъ.

Шв. (пораженъ). Что? Что? Я... не... долженъ!

Паст. Нѣтъ, нѣтъ... не нужно разспрашивать... не нужно... (озаренный внезапной мыслью) она сама расскажетъ!

Занавѣсъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Та же декорация. На столъ, нальво, кофейный приборъ и цвѣты. Утро.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Августа, Франциска, потомъ Тереза.

Авг. (входящей Францискѣ, съ волненіемъ). Слава Богу, что ты пришла. Ну и кавардакъ же у насъ сегодня!

Франц. Вотъ какъ, ага!

Авг. Представь себѣ: явились двое изъ гостиницы. Одинъ—выглядитъ словно принцъ, а дѣвушка—совсѣмъ принцесса. Это ея прислуга.

Франц. Какое мотовство!

Авг. И они говорятъ и кричатъ на весь домъ; оба ни слова по-нѣмецки, и никто ихъ не понимаетъ... а они-то все говорятъ, говорятъ, говорятъ... Мамзель скомандовала: теплую ванну—оказалась—недостаточно тепла... Холодный душъ—недостаточно холоденъ... и спирту, который она просто на просто вылила за окно, и туалетнаго уксусу... ну, да его не оказалось вовсе.

Франц. Какія причуды... А гдѣ же ваша знаменитая дочка?

Авг. Послѣ ванны опять въ постель легла.

Франц. Такой распушенности я бы никогда не потерпѣла въ своемъ домѣ.

Авг. И мнѣ тоже придется ей это сказать! Ужъ ради Леопольда. (Входитъ Тереза.) Что тебѣ надо, Тереза?

Тер. Г. совѣтникъ фонъ-Келлеръ прислалъ своего человѣка узнать: былъ ли уже здѣсь г. поручикъ и что отвѣтила барышня на его просьбу?

Авг. Которая барышня?

Тер. Этого ужъ я не знаю.

Авг. Тогда скажите только, что мы кланяемся, а что г. поручикъ еще не былъ.

Франц. До двѣнадцати часовъ онъ всегда на службѣ. Послѣ онъ павѣрно придетъ.

Тер. (уходитъ). Пока она открываетъ дверь, въ корридоръ слышенъ шумъ: два голоса, мужской и женскій спорятъ на итальянскомъ языкѣ).

Авг. Вотъ послушай. (Говоритъ въ дверь.) Ну, погодите же! Придетъ ваша синьора! Ужъ придетъ! (Затворяетъ дверь.) Ахъ! (Возвращается.) А теперь завтракъ! Какъ ты думаешь: что она пьетъ?

Франц. Ну, кофе!

Авг. Нѣтъ.

Франц. Такъ значитъ чай?

Авг. Нѣтъ.

Франц. Такъ что же, шоколадъ?

Авг. Нѣтъ кофе, смѣшанный съ шоколадомъ.

Франц. (удивленная). Вотъ что!... А должно быть вкусно...

Авг. А вчера съ полдюжины сундуковъ привезли изъ отеля... И еще столько же тамъ осталось... Ахъ, чего тамъ только въ нихъ не было! Цѣлый сундукъ съ одними шляпами! И пеньюары изъ настоящихъ кружевъ... и ажурные чулки съ золотымъ шитьемъ и... (тише) шелковыя сорочки...

Франц. Что?.. Шелковыя?..

Авг. Да!

Франц. (всплеснувъ руками.) Это даже грѣшно!

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Тѣ же и Магда.

Маг. (въ роскошномъ матинэ, говоритъ за сценой, открывая дверь). Ma che cosa

volete voi? Perchè non aspettate, finchè vi comando? *) Аа?

Авг. Ну, теперь имъ достанется!

Мар. (*разсерженная*). Но, по—è tempo! (*Захлопывая дверь, про себя.*) Va, brutto! **) Съ добрымъ утромъ, мамочка! (*Целуетъ ее.*) Что, я соня, да? Ахъ, здравствуй, тетя Фрэнц-хень. Ты въ духъ, а? Я—тоже!

Авг. Что нужно было этому итальянцу, Магда?

Мар. Ахъ, глупое животное! Захотѣлось узнать, когда я уѣзжаю. Какъ я могу это знать? (*Ласкается къ Августъ.*) Неправда ли, мамма mia?.. Ахъ, друзья мои, ну и спала же я—чуть голову на подушку—и какъ убитая! И душъ сегодня былъ такъ восхитительно холодепъ! Спѣть у меня!.. Allons, cousine—гопъ! (*Хватаетъ Франциску за талию и подбрасываетъ кверху.*)

Франц. (*внѣ себя*). Да что ты себѣ позв...

Мар. (*высокомѣрно, удивляясь*). Га?... Что?

Франц. (*лицемѣрно любезно*). Какая ты шалунья!

Мар. Какъ знать? (*Хлопая въ ладоши.*) Завтракать!

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тѣ же и Мари.

Мар. (*вноситъ кофе на поднось*). Съ добрымъ утромъ.

Франц. Доброе утро, дитя мое!

Мар. Умираю отъ голода... а-а-а! (*Хлопаетъ себя по желудку.*)

Мар. (*целуетъ руку Франциски*).

Мар. (*подымая крышку кофейника, радостно*). Великолѣпно! Ахъ!... Видно, что хозяйничала Джульетта.

Франц. По крайней мѣрѣ довольно нашумѣла!

Мар. Не бѣда! Хорошенькій скандалчикъ утромъ, такъ и весь день свѣтлѣе. А ужъ если она черезчуръ разойдется, швырните преспокойно ей въ голову тарелкой или чѣмъ-нибудь... Она ужъ къ этому привыкла. Куда дѣвался отецъ?

Авг. Онъ поѣхалъ извиниться передъ членами комитета.

Мар. Что, все еще по-прежнему половнина вашей жизни проходить въ извиненіяхъ? Что это за комитетъ?

Авг. Это Общество христiанской помощи. Сегодня утромъ назначено было въ нашемъ домѣ засѣданіе. Ну, мы подумали, что неудобно было бы собирать всѣхъ именно сегодня; какъ будто бы мы хотѣли тебя представить.

Франц. Но, Августа, а теперь выходить, что для васъ дочь важнѣе...

Мар. Ну, надѣюсь, оно такъ и есть...

*) Ма кэ коза волете вой! Перкэ' нонъ аспеттате, финкэ' ви командо? (Что вамъ нужно? Отчего вы не подождете моихъ приказаній?)

**) Но, но, э тѣмпо! Ва, бруто! (Ну, ну, еще время терпѣть! Убирайся глупецъ!)

Авг. Понятно... да... но... Боже мой... ты совсѣмъ не знаешь, что это за люди: они требуютъ величайшей предупредительности. Вотъ, напримѣръ, генеральша фонъ-Клебсъ... (*Гордо.*) Мы знакомы домами.

Мар. (*съ притворной почитительностью*). Вотъ какъ! Ахъ!

Авг. Они завтра навѣрно будутъ. Кромѣ генеральши ты увидишь еще нѣсколько другихъ знатныхъ и благочестивыхъ дамъ, знакомство съ которыми придадо намъ немало значенія. Мнѣ интересно, какъ-то ты имъ понравишься?

Мар. То-есть какъ онѣ мнѣ поправятся, хочешь ты сказать?

Авг. Да... то-есть... Однако, мы болтаемъ да болтаемъ...

Мар. (*вставая*). Ахъ, извини, мамахепъ!

Мар. Нѣтъ, ты останься здѣсь.

Авг. Да, Магда, а твои сундуки въ гостиницѣ?.. Я все боюсь, какъ бы тамъ чего не пропало.

Мар. Такъ прикажите ихъ сюда доставить, друзья мои.

Фран. (*тихо къ сестрѣ*). Ну, Августа, теперь-то я примусь за нее! Вотъ увидишь! (*Августа уходитъ.*)

Фран. (*садится, важно*). А теперь, милая Магда, ты своей старой теткѣ все толкомъ поразскажешь.

Мар. Э? Ахъ ты! Мамѣ одной не управиться... Ступай, ступай... Постарайся быть ей полезной!

Фран. (*ядовито*). Если ты приказываешь!..

Мар. Я могу только просить.

Фран. (*вставая*). Но ты просишь слишкомъ энергично.

Мар. (*улыбаясь*). Да, конечно!

Фран. (*въ шпѣть, уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Магда и Мари.

Мар. Ахъ, Магда!

Мар. Да, моя радость. Такъ я всегда поступала въ жизни. Согнуть, или сломать!.. то-есть меня никому не согнуть. Поступай и ты такъ же.

Мар. Ахъ, Господи Боже мой!

Мар. Бѣдное дитя! Да, да, въ этомъ домѣ можно отвыкнуть. Уже вчера я принуждена была постыдно согнуться... Послушай, а эта наша старая мамахень—она славная. (*Указывая на портретъ родной матери, задумчиво, серьезно.*) А вотъ эта тамъ наверху... Помнишь ты ее?

Мар. (*качаетъ головой*).

Мар. (*раздумывая*). Слишкомъ рано умерла!.. Гдѣ же это папа? Я боюсь за него. И боюсь его... А теперь, дитятко мое, давай исповѣдоваться.

Мар. Я не могу.

Мар. Покажи-ка мнѣ медальонъ.

Мар. (*рѣшительно*). На!

Маг. (*открывая*). Поручикъ. Конечно! А вотъ у насъ всегда теноръ.

Мар. Ахъ, Магда, это не шутка. Это моя судьба.

Маг. А какъ зовутъ эту судьбу?

Мар. Это двоюродный братъ Максъ.

Маг. (*свиститъ*). Почему же ты не ходишь за этого молодца?

Мар. Тетя Фрэнцхенъ хочетъ для него лучшей партіи и потому не даетъ реверса. Такая противная!

Маг. Si. C'est bête ça! А какъ давно любите вы другъ друга?

Мар. Ахъ, это даже невѣроятно...

Маг. А гдѣ же вы видитесь?

Мар. Здѣсь, у насъ.

Маг. То-есть я хочу сказать наединѣ, съ глазу на глазъ?

Мар. У насъ нѣтъ никакихъ тайнъ. Я думаю, что эта предосторожность необходима для приличія.

Маг. Поди-ка сюда... ближе... Скажи-ка мнѣ по правдѣ... Никогда не приходила тебѣ въ голову мысль стряхнуть съ себя весь этотъ хламъ предосторожностей и приличій и уйти съ любимымъ человѣкомъ—куда-нибудь,— все равно... и, прильнувъ въ тишинѣ къ его груди,—посмѣяться съ презрѣніемъ надъ всѣмъ этимъ свѣтомъ, брошеннымъ тобою?

Мар. Нѣтъ, Магда, такія мысли мнѣ не приходятъ.

Маг. А согласилась бы ты умереть за него?

Мар. (*вставая и простирая руки*). Готова тысячу разъ.

Маг. Бѣдная моя любимица! (*Про себя*). Все-то они уничтожаютъ... Отъ самой могущественной изъ всѣхъ страстей въ ихъ рукахъ ничего не остается кромѣ слабой, блѣдной, самоотверженной готовности умереть.

Мар. О комъ ты говоришь?

Маг. Такъ, ничего! Ну, а какую же сумму составляетъ этотъ такъ называемый реверсъ?

Мар. Шестьдесятъ тысячъ марокъ.

Маг. Когда же ты хочешь выйти замужъ? Сейчасъ, или еще время терпѣть до вечера?

Мар. Не смѣйся надъ моимъ горемъ.

Маг. По крайней мѣрѣ, ты должна дать мнѣ время, чтобы телеграфировать. Нельзя же всегда возить съ собой такія суммы.

Мар. (*немногоу понимаетъ, съ радостнымъ крикомъ*) Магда! (*бросается къ ея ногамъ*).

Маг. (*послѣ паузы*). Будь счастлива! Люби своего мужа! И когда ты съ гордостью покажешь міру своего первенца... (*Съ тѣвнымъ движеніемъ поднимаетъ руки*). Вотъ такъ!... вспомни тогда о той, котор... Ахъ ты, счастливое дитя! (*Испуанно*). Идутъ! Встань!

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же и Пасторъ (*съ портфелемъ*).

Маг. (*идя ему на встрѣчу*). Ахъ, это вы? Вотъ это мило. Васъ мнѣ недоставало.

Паст. Меня? Зачѣмъ?

Маг. Просто такъ... Хотѣлось поболтать съ вами, святой человѣкъ.

Паст. Слѣдовательно, фрейлейнъ Магда, васъ радуетъ все въ родной семьѣ?

Маг. О да, вплоть до старыхъ тетокъ, которыя кругомъ копошатся.

Мар. (*собирая завтракъ, съ испугомъ смѣется*). Ахъ, Боже мой, Магда!...

Паст. Съ добрымъ утромъ, фрейлейнъ Марихенъ!

Мар. Здравствуйте, г. пасторъ! (*Уноситъ подносъ*.)

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Магда и Пасторъ.

Паст. Боже мой, какая она сіяющая!

Маг. Есть на то свои причины.

Паст. А вашего батюшки нѣтъ дома?

Маг. Нѣтъ.

Паст. Что, ему не по себѣ?

Маг. Кажется. Я еще его не видала. Вчера мы долго просидѣли вмѣстѣ. Что только можно было,—я рассказала. Но, кажется, онъ очень страдаетъ. Онъ постоянно глядитъ такъ пылливо, такъ испытующе... Охъ, боюсь я, плохо сбудется ваше обѣщаніе.

Паст. Вы какъ будто упрекаете меня?... Надѣюсь, вы не раскаиваетесь, что?...

Маг. Нѣтъ, другъ мой, я не раскаиваюсь. Но со мною что-то странное творится. Я какъ будто сижу въ теплой ваннѣ, такъ мнѣ тепло и пріятно. Такъ называемое нѣмецкое благодушіе снова расплывается во мнѣ, а я ужъ, было, совсѣмъ отъ него отвыкла. Мое сердце точно рождественскій номеръ семейнаго журнала:—лунный свѣтъ, помолвка, поручики... все въ этомъ родѣ! Но самое лучшее въ этомъ: я знаю, это то, что я только играю сама съ собой... Я могу все это бросить, какъ бросаетъ дитя свою куклу—и снова стану прежнею...

Паст. Это было бы не хорошо для насъ.

Маг. Ахъ, прошу васъ, не мучайте меня. Все во мнѣ изранено, все наболѣло... И кромѣ того—я боюсь...

Паст. Чего?

Маг. Я не должна была... я не должна была пріѣзжать сюда. Я вломила... (*Тихо, боязливо*.) Стоить только прощикнуть сюда какому-нибудь призраку оттуда—и отъ всей идилліи не останется и слѣда.

Паст. (*подавляетъ въ себѣ движеніе ужаса*).

Маг. И тѣсно мнѣ, тѣсно, тѣсно... Я начинаю малодушничать! И я должна тѣмъ боль-

ше искусственно принижать себя, чѣмъ больше я даю простора этому чувству.

Паст. Стыдитесь вы своихъ родныхъ, фрейлейнъ Магда? Мнѣ кажется, въ дѣтской привязанности нѣтъ ничего постыднаго.

Маг. Въ дѣтской привязанности? Всего больше хотѣлось бы мнѣ прижать эту сѣдую какъ лунь голову къ своей груди и сказать: о, мое старое дитя!.. И несмотря на это, я должна сгибаться!.. Я—сгибаться! Къ этому я не привыкла. Потому что я чувствую въ себѣ страсть—мучить, покорять своимъ пѣніемъ... Я пою такъ, или живу такъ,—это одно и то же,—что каждый долженъ желать только то, чего я хочу. Я заставляю его, принуждаю его любить и страдать, рыдать и радоваться вмѣстѣ со мною. И горе тому, кто вздумаетъ сопротивляться. Я покорю его своей пѣсней, разобью въ пухъ и прахъ, пока онъ не станетъ рабомъ, игрушкой въ моихъ рукахъ! Я знаю, это глупо... но вы понимаете, что я хочу сказать.

Паст. О вліяніи вашей собственной личности говорите вы, не правда ли?

Маг. Si, si, si, si!.. Ахъ, вамъ бы мнѣ хотѣлось все рассказать! Вы умны,—умны, какъ ни кажется подчасъ одностороннимъ. Ваше сердце соединено сочувствующими нитями съ сердцами другихъ, онѣ опутываютъ ихъ и привлекаютъ. И вы это дѣлаете не для себя. Да, вы можете быть и не подозреваете, какая въ васъ сила. И это такъ хорошо... такъ утѣшительно... Тѣ мужчины—просто животные... все равно, любятъ или ненавидятъ. Но вы—человѣкъ! И вблизи васъ чувствуешь себя человекомъ. Знаете, когда вы вчера вошли, вы казались мнѣ такъ ничтожны... Но что-то изъ васъ исходитъ, все больше и больше разрастаясь... становитесь почти чрезмѣрными для меня.

Паст. Богъ мой! Что же бы это могло быть?

Маг. Какъ бы это назвать.... Самопожертвованіе... Самоотреченіе... Что-то въ самомъ себѣ, или, скорѣе, противоположное себѣ самому... Это импонируетъ мнѣ—и потому вы многое могли бы изъ меня сдѣлать.

Паст. Какъ это странно.

Маг. Что?

Паст. Я вамъ признаюсь... Это... Ну, просто безуміе... Но, какъ только я васъ вчера снова увидѣлъ, — во мнѣ пробудилось что-то вроде зависти какой-то... желанія походить на васъ...

Маг. Ха, ха, ха! Вы—образцовый человѣкъ—походить на меня?..

Паст. Да... мнѣ... пришлось... многое... заглушить въ себѣ... Мой покой—покой мертвеца... И когда вы вчера стояли передо мной во всей своей своеобразной прелести, во всей вашей наивной силѣ и въ своемъ... своемъ величій... сказалъ я себѣ тогда: вотъ чѣмъ,

можетъ быть, сталъ бы и ты, еслибы счастье въ свое время озарило твою жизнь!

Маг. (*шепотомъ*). И еще одно, мой другъ: грѣхъ... Мы должны быть грѣшны, если хотимъ вырасти. Стать выше своихъ грѣховъ—это выше той чистоты, которую вы проповѣдуете!

Паст. (*смущенный*). Это бы вамъ...

(*За сценой голоса.*)

Маг. (*вздраиваетъ, прислушивается*). Т-съ!

Паст. Что съ вами?

Маг. Ахъ, все этотъ глупый страхъ! Не за себя, повѣрьте мнѣ... только изъ сожалѣнія къ тѣмъ... (*Сжимая его руку.*) Но мы останемся друзьями?

Паст. Пока я могу быть вамъ... полезнымъ...

Маг. А когда вы мнѣ не будете нужны?

Паст. Для меня ничего не измѣнится, фрейлейнъ Магда. (*Хочетъ идти. Въ дверяхъ встрѣчаетъ Шварце.*)

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же, Шварце.

Шв. Здравствуйте, мой милѣйшій пасторъ. Ступайте впередъ въ бесѣдку. Я слѣдомъ за вами. (*Пасторъ уходитъ.*) Что же, ты хорошо спала, дитя мое? (*Прлутъ ее въ лобъ.*)

Маг. Великолѣпно. Въ моей старой дѣтской я нашла и свой дѣтскій сонъ.

Шв. А развѣ ты его потеряла?

Маг. Ну, а ты нѣтъ?

Шв. Говорять, чистая сов... Пойди сюда, дитя мое...

Маг. Охотно, папа... Нѣтъ, позволь мнѣ сѣсть у твоихъ ногъ. Тогда твоя чудная сѣдая борода будетъ такъ близко предо мной. Когда я ее вижу, я думаю о Рождественскихъ ночахъ и о тихихъ, снѣгомъ занесенныхъ поляхъ.

Шв. Ты научилась красно говорить, дитя мое. Когда ты говоришь, какъ будто вокругъ себя картины видишь. Мы здѣсь такъ не умѣемъ... За то здѣсь намъ и не нужно ничего скрывать.

Маг. Такъ все-таки?... Выскажись спокойно, папочка.

Шв. Да, я долженъ... Ты знаешь сама отлично, какое условіе поставилъ мнѣ пасторъ отъ твоего имени.

Маг. И ты исполнишь его?

Шв. Я привыкъ исполнять то, что обещаю. Но, видишь ли... подозрѣніе... Я могу дѣлать, что хочу... Но подозрѣніе—оно леденить...

Маг. Ну, что же ты подозреваешь?

Шв. И самъ не знаю. Ты явилась передъ нами въ сказочномъ величій... но блескъ и всесвѣтная слава... и Богъ знаетъ, что еще... не ослѣпляютъ отцовскихъ глазъ. Но кажется, ты сберегла также и твое любящее сердце...

Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется, когда слушаешь тебя... Но въ твоихъ глазахъ есть что-то, что мнѣ не нравится, и въ уголкахъ рта чувствуется насмѣшка.

Маг. Ахъ ты, мой милый, добрый, старый папа!

Шв. Вотъ видишь?... Даже ласкаешься ты не такъ, какъ дочь къ отцу. Такъ обращаются съ ребенкомъ, будь онъ малъ или старъ... И пусть я всего только простой солдатъ, отставной калѣка, но я требую, дитя мое, отъ тебя должнаго уваженія.

Маг. (вставая). Я никогда не отказывала тебѣ въ немъ.

Шв. Это хорошо. Это хорошо, дочь моя... Вѣрь мнѣ, мы здѣсь не такъ ограничены, просто, какъ тебѣ можетъ быть кажется. И у насъ есть глаза, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать, что духъ нравственнаго возмущенія охватилъ міръ. Доброе сѣмя, которое должно западать въ сердца, начинаетъ гнить. Что считалось прежде грѣхомъ, — становится закономъ... Видишь ли, дитя мое, — ты скоро уйдешь отсюда прочь... прочь... куда? Я не знаю... Вернешься ли ты снова? Но если даже и вернешься, — меня найдешь ты уже въ могилѣ.

Маг. О, нѣтъ же, нѣтъ, папа!

Шв. Ну, это все въ волѣ Божіей! Но умоляю тебя... Пойди сюда, дитя мое... ближе, ближе... такъ... (привлекаетъ ее къ себѣ и беретъ ея голову обѣими руками.) Умоляю тебя: дай мнѣ спокойно умереть.. Скажи мнѣ, что ты осталась чиста душой и тѣломъ — и съ Богомъ ступай себѣ своимъ путемъ!

Маг. Я... осталась вѣрна себѣ, папа!

Шв. Въ чемъ? Въ хорошемъ, или въ дурномъ?

Маг. Въ томъ... что для меня... хорошо.

Шв. (не понимая). Въ томъ... что... для тебя?... что...?

Маг. (вставая). А теперь не мучай себя больше. Дай намъ мирно насладиться этими короткими днями. Они пройдутъ и такъ довольно быстро!..

Шв. (наступившись). Я былъ, да... я былъ очень... радъ тебѣ... и я люблю тебя со всей мукой, которую перенесъ за тебя... въ эти долгіе годы... (Съ угрозою, подымаясь.) Но долженъ же я знать: кто ты?

Маг. (отвернувшись). Дорогой папа!
(Звонокъ.)

ЯВЛЕНИЕ 8.

Тѣ-же, Августа.

Авг. Подумайте только: пріѣхали комитетскія дамы. Онѣ хотятъ насъ лично поздравить. Какъ думаешь, Леопольдъ, не надо ли ихъ чѣмъ нибудь угостить?

Шв. Я иду въ садъ, Августа.

Авг. Ради Бога!.. Онѣ сейчасъ войдутъ... долженъ же ты принять ихъ поздравленія?

Шв. Я не могу... Нѣтъ, этого я не могу... (уходитъ нальво.)

Авг. Что это съ отцомъ?

ЯВЛЕНИЕ 9.

Магда, Августа, генеральша фонъ-Клебсъ, г-жа Эльрихъ, г-жа Шуманъ, Франциска.

Франц. (открывая двери). Прошу васъ, пожалуйста!..

Фон.-Кл. (протягивая руку Августѣ). Какой счастливый день для васъ, моя милая. Весь городъ принимаетъ участіе въ этомъ радостномъ событіи.

Авг. Позвольте представить: моя дочь... генеральша фонъ-Клебсъ... супруга предсѣдателя суда, г-жа Эльрихъ, г-жа Шуманъ.

Шум. Правда, я всего только жена купца, но...

Фон.-Кл. Мой мужъ тоже будетъ имѣть честь... немного позднѣе...

Авг. Не угодно ли садиться?! (Садятся.)

Франц. (съ достоинствомъ). Ахъ, это, дѣйствительно, такое радостное событіе для всей нашей семьи...

Фон.-Кл. (чопорно, но не безъ любезности). Къ сожалѣнію, мы стоимъ въ сторонѣ отъ музыкальнаго праздника. Потому я должна отказать себѣ и въ удовольствіи выразить вамъ свое восхищеніе, которое вы, безъ сомнѣнія, слышите со всѣхъ сторонъ.

Шум. Если-бы мы могли предвидѣть что-нибудь подобное, — мы, конечно, запаслись бы билетами!

Фон.-Кл. Намѣрены вы долго здѣсь остаться?

Маг. Я, право, и сама не знаю, сударыня, или... pardon... ваше превосходительство!

Фон.-Кл. Ахъ, прошу васъ... нѣтъ...

Маг. Ахъ, простите!

Фон.-Кл. О, пожалуйста!..

Маг. Мы такія перелетныя птицы, сударыня, что не можемъ никогда предвидѣть навѣрное, что предстоитъ намъ въ будущемъ.

Эльр. Однако, нужно же имѣть свой собственный уютный уголокъ?

Маг. Къ чему? Нужно имѣть призваніе. Помоему, этого достаточно.

Франц. Ну, положимъ, это зависитъ отъ взгляда, милая Магда.

Фон.-Кл. Богъ мой, мы здѣсь довольно далеки отъ подобныхъ идей, милая фрейлейнъ. Отъ времени до времени пріѣзжаютъ дамы давать представленія... Но семейства хорошаго круга ничего общаго съ этимъ не имѣютъ.

Маг. (утиво). О, мнѣ это вполне понятно. Люди хорошаго круга слишкомъ сыты. (Молчаніе.)

Эльр. Но, вѣдь есть же у васъ, по крайней мѣрѣ, своя квартира?

Маг. Что называется—ночлежное мѣсто? Какъ же: у меня вилла на озерѣ Комо и имѣніе близъ Неаполя (*Общее удивленіе.*)

Авг. Ты намъ объ этомъ ничего и не сказала.

Маг. Я очень рѣдко могу пользоваться этимъ, мамочка.

Эльр. Искусство, вѣроятно, очень утомительное занятіе?

Маг. (*любезно*). Зависитъ отъ того, какъ имъ заниматься, сударыня.

Эльр. Мои дочери тоже берутъ уроки пѣнія и это ихъ всегда очень утомляетъ.

Маг. (*въжливово*). Ахъ, какъ жаль...

Эльр. Понятно, онѣ занимаются этимъ только для своего удовольствія!

Маг. Чего имъ и желаю. (*Тихо Августъ, которая сидитъ съ ней рядомъ.*) Избавь меня отъ этихъ бабъ, не то я наговорю имъ дерзостей.

Фон.-Кл. Что же, служите вы при какомъ-нибудь театрѣ, моя милая фрейлейпъ?

Маг. (*очень любезно*). Иногда, сударыня.

Фон.-Кл. Значитъ, теперь вы безъ ангажемента?

Маг. (*бормочетъ*). Господи!.. (*Громко.*) Да, въ настоящее время я бродяжничаю. (*Дамы перемильются.*)

Фон.-Кл. Вѣроятно, немного дѣвушекъ изъ хорошихъ семействъ идутъ на сцену?

Маг. (*любезно*). Нѣтъ, сударыня, онѣ по большей части для этого слишкомъ глупы.

Авг. Но, Магда!

ЯВЛЕНИЕ 10.

Тѣ-же, Мансъ.

Маг. А, да это Мансъ! (*Идетъ въ глубину и протягиваетъ ему руку.*) Представьте себѣ, Мансъ, вѣдь я совсѣмъ забыла ваше лицо... Впрочемъ, скажите-ка, развѣ мы съ вами не были прежде на ты?

Мансъ (*смутясь*). Кажется, едва-ли...

Маг. Ну, такъ можемъ теперь быть на ты.

Эльр. (*тихо*). Вы понимаете подобный тонъ?

Фон.-Кл. (*пожимаетъ плечами*).

(*Гости встаютъ и прощаются: Августъ и Францискъ подаютъ руки, Магда просто кланяются.*)

Авг. (*смущаясь*). Ахъ, вы уже собираетесь уходить... Мужъ будетъ такъ сожалѣть...

Маг. (*непринужденно*). До свиданья, mesdames! (*Дамы уходятъ по старшинству.*)

ЯВЛЕНИЕ 11-е.

Авг. (*возвращаясь отъ дверей*). Генеральша вѣрно обидѣлась, а то бы она осталась. Ты, Магда, должно быть обидѣла генеральшу.

Фран. Да и остальные были, какъ будто ихъ хватили по головѣ.

Маг. Махень, ты, кажется, хотѣла позаботиться о моихъ сундукахъ?

Авг. Да, да, я сама пойду въ гостиницу. Господи, Господи, Господи! (*Уходитъ.*)

Фран. Погоди, и я съ тобой. (*Ядовито.*) Должна же я быть полезной.

Маг. Ахъ, тетя Францхенъ, на одно слово.

Фран. Ну?

Маг. Сегодня будутъ праздновать помолвку.

Фран. Какую еще помолвку?

Маг. А вотъ между нимъ вотъ и Маріей.

Мансъ (*съ радостнымъ крикомъ*). Магда!

Фран. Я думаю, что... такъ какъ я замѣнила для него мать... такъ это я имѣю право... на этотъ счетъ.

Маг. Нѣтъ, право принадлежить всегда тому, кто даетъ, милая тетя. А теперь торопись.

Фран. (*крайне разсерженная*). Ну, этого я тебѣ!.. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 12-е.

Магда, Мансъ, потомъ Тереза.

Мансъ. Какъ мнѣ благодарить васъ, дорогая кузина?!

Маг. «Тебя», мой ненаглядный кузень... «тебя, тебя, тебя!»

Мансъ. Винавать, но это изъ глубокаго уваженія, которое...

Маг. Пожалуйста поменьше уваженія, мой милый, это мнѣ не нравится. Больше самолюбія, самостоятельности—понимаешь?

Мансъ. Ахъ, милая кузина, ничтожный поручикъ съ прибавкой 25 марокъ къ жалованью и безъ долговъ... и ты требуешь отъ него самостоятельности? Она была бы мнѣ только помѣхой.

Маг. Да?

Мансъ. Если я въ точности исполняю свои обязанности, на полковыхъ балахъ прилично танцую кадрили, да къ тому же еще бравый малый, такъ и этого совершенно достаточно...

Маг. Чтобы сдѣлать счастливой свою жену, конечно... Ступай отыщи ее... Ступай, ступай!

Мансъ (*хочетъ идти и возвращается*).

Извини, съ большой радости я совершенно забылъ порученіе, которое я... еще сегодня утромъ... Право, ты даже не подозрѣваешь сколько шуму въ цѣломъ городѣ—пвсе изъ-за тебя... Итакъ, сегодня утромъ... я еще лежалъ въ постели... врывается ко мнѣ одинъ знакомый, также и твой старый знакомый... блѣдный отъ сильнаго волненія... и спрашиваетъ: правда ли все это и можетъ ли онъ явиться къ тебѣ.

Маг. Что же, пусть явится.

Мансъ. Онъ, все-таки, именно просилъ, чтобы я сперва спросилъ тебя... тогда онъ утромъ пришлетъ тебѣ свою карточку.

Маг. И что у васъ тутъ за церемоніи заведены. Да кто такой?

Макс. Совѣтникъ фонъ-Келлеръ.

Маг. (*съ усиліемъ*). Онъ... ахъ, вотъ что... Онъ!..

Макс. (*смѣясь*). Извини, но ты поблѣднѣла совершенно такъ же, какъ и онъ... Мнѣ кажется!.. мнѣ кажется...

Маг. (*спокойно*). Я? поблѣднѣла?

Тер. (*вноситъ визитную карточку*).

Макс. Вотъ и онъ. Г. фонъ-Келлеръ.

Маг. Просите. (*Тереза уходитъ*.)

Макс. (*улыбаясь*). Скажу тебѣ только, милая кузина, это замѣчательный человѣкъ, съ блестящимъ будущимъ, и общается съ людьми надеждой и свѣточемъ нашей церкви.

Маг. Благодарю тебя.

ЯВЛЕНИЕ 13-е.

Магда, Максъ, и Келлеръ съ небольшимъ букетомъ цвѣтовъ.

Макс. (*идетъ ему на встрѣчу*). Милѣйшій фонъ-Келлеръ, вотъ моя кузина, которая очень рада васъ видѣть... Меня же вы извините. (*Сдѣлавъ два поклона, уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ 14-е.

Магда и Келлеръ.

(*Келлеръ остается у дверей; Магда въ волненіи ходитъ. Пауза.*)

Маг. (*про себя*). Вотъ онъ—мой призракъ. (*Указываетъ на стулъ у стола нальво и садится напротивъ*.)

Кел. Прежде всего, позвольте мнѣ принести вамъ моимъ горячія и искреннѣйшія поздравленія... Это такая неожиданность, лучше которой себѣ и представить невозможно... А какъ знакъ моего сочувствія, мой дорогой другъ, позвольте вручить вамъ эти скромные цвѣты.

Маг. О, какое вниманіе... (*Смѣясь, беретъ цвѣты и бросаетъ ихъ на столъ*.)

Кел. Къ сожалѣнію, я замѣчаю, что вы ложно истолковали попытку сближенія съ моей стороны. Развѣ я это сдѣлалъ безъ достаточной деликатности? И кромѣ того... при такомъ ограниченномъ, какъ здѣсь, кругѣ знакомства, наша встрѣча была бы неизбежна. Я думаю, что гораздо лучше, дорогой мой другъ, высказаться... условиться впередъ относительно другихъ... какъ...

Маг. (*вставая*). Вы правы, мой любезнѣйшій... Я не стояла на высотѣ... на высотѣ самой себя. Еслибы это такъ и продолжалось дальше, я еще, чего добраго,—могла бы разыграть передъ вами роль обманутой и покинутой Гретхенъ... Видно, родная мораль навкладывается печать... Но я опять пришла въ

себя.—Смѣло подадимъ другъ другу руки. Не бойтесь, я вамъ ничего не сдѣлаю. Такъ... крѣпче... такъ!

Кел. Вы осчастливили меня.

Маг. Тысячу разъ рисовала я себѣ эту встрѣчу и была къ ней давно приготовлена. Я почувствовала это и тогда, когда отправлялась сюда. Правда, то, что именно здѣсь, буду я имѣть это удовольствіе... Да, но какъ это случилось, что вы послѣ всего того, что произошло между нами, могли переступить порогъ этого дома? Это мнѣ кажется немного...

Кел. О, я избѣгалъ этого до послѣдняго времени... Но вращаясь въ одномъ и томъ же кругу и раздѣляя взгляды этого дома... (*какъ бы оправдываясь*) по крайней мѣрѣ, въ принципѣ...

Маг. Гмъ... Вотъ какъ! Дай же мнѣ взглянуть на тебя, мой бѣдный другъ. Такъ вотъ что изъ тебя вышло!

Кел. (*смущенно смѣясь*). Мнѣ кажется, что въ вашихъ глазахъ я имѣю счастье изображать что-то въ родѣ комической фигуры?

Маг. Нѣтъ, нѣтъ, — вовсе нѣтъ! Это все такъ... само собой... желаніе сохранить служебное достоинство въ такомъ недостойномъ положеніи... затѣмъ чувство неловкости отъ нечистой совѣсти... Ты, конечно, съ высоты своего очищенного образа жизни поглядываешь свысока на свою грѣшную молодость?.. Вѣдь тебя вонъ зовутъ свѣточемъ, пріятель.

Кел. (*омыдываясь на дверь*). Виновать... Я никакъ не могу привыкнуть снова къ этому питимному «ты»... И если насъ услышать... Не лучше ли было бы?..

Маг. (*съ болью*). Такъ насъ слышать?

Кел. (*дѣлаетъ движеніе къ дверямъ*). Ради Бога... ахъ! (*Опять садится*.) Да, такъ что я хотѣлъ сказать... Еслибы вы могли себѣ только представить, съ какой неподдѣльной тоской вспоминалъ я въ этомъ захламленномъ такъ гениально прожитую молодость!

Маг. (*на половину про себя*). Очень гениально... да, очень гениально.

Кел. Ахъ, и я чувствовалъ въ себѣ призваніе къ чему-то высшему... и я мечталъ... Положимъ, я не хочу умалять и своего теперешняго положенія... Какъ бы то ни было—совѣтникъ, и сравнительно въ молодые годы... Обыкновенное честолюбіе могло бы, конечно, этимъ удовольствоваться... Но тутъ сидишь и сидишь... а тотъ—попалъ въ министерство... другой попалъ въ мѣпистерство... И жизнь здѣсь!.. Условность и ограниченность понятій... все сѣренькое, сѣренькое. А здѣшнія женщины... Въ комъ есть хоть капля чувства изящнаго... Нѣтъ, увѣряю васъ, все такъ и заливало во мнѣ, когда я сегодня утромъ прочелъ сообщеніе, что эта знаменитая пріѣз-

жая пѣвица—вы, вы, съ кѣмъ связано у меня столько дорогихъ воспоминаній, и...

Маг. И вы подумали: нельзя ли при помощи этихъ дорогихъ воспоминаній немножко скрасить свое сѣренькое существованіе?

Кел. (*улыбаясь*). Ахъ, но прошу васъ!

Маг. Мой Богъ!.. между старыми друзьями...

Кел. Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, вы это серьезно?

Маг. Серьезно! Sans rancune! Да, захоти я стать на другую точку зрѣнія, мнѣ бы пришлось исчерпать такіе слова, какъ лгунъ, трусъ, предатель! Но съ моей точки зрѣнія я могу быть тебѣ только благодарна, мой другъ.

Кел. (*обрадованный и смущенный*). Это такое отношеніе...

Маг. Которое тебѣ весьма удобно. Да почему бы мнѣ и не позаботиться о твоихъ удобствахъ? При тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ мы встрѣтились тогда, ты не былъ мнѣ ничѣмъ обязанъ. Съ семьей я порвала,—была молодымъ, невиннымъ созданіемъ, пылкимъ и безразсуднымъ... и жила тою же жизнью, какую видѣла кругомъ себя. Я отдалась тебѣ, потому что любила тебя... Можетъ быть, полюбила бы и всякаго другого, кто подвернулся бы мнѣ тогда... Должно быть, это неизбѣжно. И вѣдь намъ обоимъ было такъ весело, не правда ли?

Кел. Когда я только вспомню объ этомъ—сердце прыгаетъ въ груди.

Маг. (*прищелкнувъ языкомъ*). Да... Въ старомъ сараѣ... Пятый этажъ... На Штейн-мецкой улицѣ... Тамъ ютились мы, три дѣвушки, счастливыя даже въ своей бѣдности. Два разбитыхъ пьянню... а къ ужину хлѣбъ и лукъ съ саломъ... Это намъ собственноручно готовила Эмма на своей керосинкѣ.

Кел. И Кэте съ ея пѣсенками... Боже мой! Что съ ними обѣими сталося?

Маг. Chi lo sa *)? Можетъ быть, даютъ уроки пѣнія, можетъ быть, на сценѣ... Да, да, славная была у насъ компанія. И послѣ того, какъ шутка тянулась съ полгода, въ одинъ прекрасный день мой миленькій исчезъ.

Кел. Несчастный случай—клянусь вамъ! Отецъ заболѣлъ. Я долженъ былъ уѣхать. Я же писалъ тебѣ обо всемъ этомъ...

Маг. Гм... Я и не упрекаю тебя... А теперь я хочу сказать тебѣ, за что я тебѣ благодарна. Я была—глупое, ничего не сознававшее существо, наслаждавшееся свободой, какъ выпущенная на волю обезьяна... Ты сдѣлалъ меня женщиной. Всѣмъ, чего я достигла въ моемъ искусствѣ и въ самой себѣ—всѣмъ я обязана тебѣ... Моя душа была, какъ... Да вотъ, здѣсь, въ подвалѣ, прежде постоянно валялась старая эолова арфа, которую забросили туда, потому что отецъ не могъ ее выносить. Такой эоловой арфой въ подвалѣ—вотъ чѣмъ была и

моя душа... Изъ за тебя она сдѣлалась добычей бурь... И онѣ играли на ней, пока не порвали ее. И всей гаммой ощущеній, которыя только и дѣлаютъ изъ насъ, женщинъ, людей: любовью и ненавистью, жаждой мести и славы... (*вскакивая*) и нищетой, нищетой, нищетой... трижды нищетой... и самымъ высокимъ, самымъ пламеннымъ, самымъ свитымъ чувствомъ материнской любви—всѣмъ этимъ я обязана тебѣ.

Кел. Что... что... вы говорите?

Маг. Да, мой другъ, объ Эмми и Кэте ты справлялся, а о своемъ ребенкѣ—нѣтъ.

Кел. (*встаетъ, нуливно озираясь*). О моемъ ребенкѣ?

Маг. Твоемъ ребенкѣ? Кто это сказалъ? Твоемъ?! Ха-ха-ха! Посмѣлъ бы ты только предъ-явить свои права... Я задушила бы тебя вотъ этими руками. Кто ты такой? Ты, чужой человекъ, который далъ волю своимъ прихотямъ и съ улыбкой пошелъ себѣ дальше... А это—мое дитя, мое солнце, мое божество, мое все, для котораго я жила, и голодала, и мерзла, и блуждала по улицамъ, и пѣла и плясала въ кафе-шантанахъ,—вѣдь мое дитя кричало отъ голода. (*Разражается судорожнымъ смѣхомъ, который переходитъ въ рыданія, и падаетъ на кресло справа.*)

Кел. (*послѣ паузы*). Вы видите меня гла-боко потрясеннымъ... Еслибы я могъ подозрѣ-вать... да, еслибы только я могъ подозрѣ-вать... Я готовъ все сдѣлать, я не отступлюсь ни передъ какимъ удовольствіемъ... Но теперь—умоляю васъ—успокойтесь. Знаютъ, что я здѣсь... Если насъ такъ застанутъ, вѣдь я... (*поправляясь*) вѣдь вы погибли!

Маг. Не беспокойтесь, я васъ не скомпро-меттирую!

Кел. Ахъ, обо мнѣ нѣтъ рѣчи. Вовсе нѣтъ! Но подумайте только, если это станетъ извѣст-нымъ... что тогда весь городъ и вашъ отецъ...

Маг. Бѣдный старикъ! Такъ или иначе, а его покой уничтоженъ.

Кел. Подумайте только: чѣмъ блестяще ваше положеніе теперь—тѣмъ глубже будетъ паденіе.

Маг. (*внѣ себя*). А если я хочу гибели... если я?...

Кел. Ради Бога... опомнитесь.... Идутъ!

Маг. (*вскочивъ*). Пусть идутъ... пусть все идутъ! Мнѣ все равно. Рѣшительно все равно! Я при всѣхъ скажу, что я думаю о тебѣ, и о васъ, и о всей вашей мѣщанской мо-рали... Почему я должна быть хуже васъ, что только ложью я могу отстоять право жить въ вашей средѣ? Почему эти раззолочен-ныя тряпки на моемъ тѣлѣ и слава моего имени должны еще увеличивать мой позоръ? Не работа-ла я развѣ для этого цѣлые 10 лѣтъ и днемъ и ночью? (*Глядя свою талию.*) Развѣ не соткала я это платье изъ моихъ бессонныхъ ночей? Развѣ не создала я свое положеніе—звукъ

*) Ки ло са? (Кто знаетъ?).

за звукомъ, какъ тысячи другихъ моего пола—шовъ за швомъ?... За что должна я кра-
снѣть передъ кѣмъ бы то ни было? Я—это я,
и, благодаря только себѣ одной, я стала тѣмъ,
что я есть!

Кел. Прекрасно... Вы въ правѣ гордиться...
Но тогда, по крайней мѣрѣ, будьте осторожны...

Маг. Для кого? (*Келлеръ молчитъ.*) Для
кого? Свѣточъ!.. Ха, ха, ха... Свѣточъ боит-
ся, чтобы его не задули... Успокойся, мой ми-
лый, я не думаю мстить... Но когда я вижу
тебя во всей красѣ твоего малодушія, неспо-
собнаго отвѣчать за малѣйшія послѣдствія сво-
ихъ поступковъ... И тутъ же рядомъ — себя,
доведшую твоей любовью до положенія отвер-
женной женщины, паріи, изгнанной изъ всякаго
честнаго, порядочнаго круга... Эхъ! Мнѣ стыд-
но за тебя... фуй!

Кел. Ахъ!.. Ради Бога... Вашъ отецъ...
Если онъ увидитъ васъ въ такомъ состояніи...

Маг. (*съ душевной мукой*). Мой отецъ!
(*Закрывъ лицо платкомъ, убываетъ въ сто-
ловую.*)

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Шварце.

Шв. (*въ радостномъ оживленіи входитъ
въ входную дверь, какъ разъ въ то время,
когда Магда скрывается*). Ахъ, милѣйшій
г. сов... Это кто сейчасъ скрылся? Моя дочь?

Кел. (*въ сильнѣйшемъ смущеніи*). Да...
э... это... была...

Шв. Съ чего же это ей бѣжать отъ меня!
(*Зоветъ ей вслѣдъ*) Магда!

Кел. (*пытаясь преградить ему дорогу*).
Ахъ, не лучше ли будетъ... Фрейлейнъ очень
желала бы немного остаться одна...

Шв. Вотъ тебѣ разъ. Почему это?.. Когда
въ домѣ гости, тогда нельзя-же... Да что это
такое за...

Кел. Ахъ, она немного... взволнована.

Шв. Взволнована?

Кел. Да, именно! Ничего больше.

Шв. Да кто былъ здѣсь еще?

Кел. Никого... По крайней мѣрѣ, при мнѣ...

Шв. Ну, такъ чего же ей было волновать-
ся, что могло произойти между вами?

Кел. Ахъ, ничего особеннаго, рѣшительно
ничего!.. Увѣряю васъ...

Шв. Но какой у васъ видъ? Вы едва дер-
житесь на ногахъ...

Кел. Я? Ахъ!.. Вы ошибаетесь... право...
вы ошибаетесь...

Шв. Да, г. совѣтникъ, одинъ вопросъ...
Вѣдь вы съ моей дочерью... Прошу васъ, са-
дитесь...

Кел. Къ сожалѣнію, мое время...

Шв. (*почти съ угрозою*). Прошу васъ,
садитесь!

Кел. (*не рѣшаясь возражать*). Благода-
рю васъ! (*Сидится.*)

Шв. Вы встрѣчались нѣсколько лѣтъ тому
назадъ съ моей дочерью въ Берлинѣ?..

Кел. Да.

Шв. Г. совѣтникъ, я знаю васъ за чело-
вѣка столько же серьезнаго, сколько и скром-
наго. Но бываютъ случаи, когда молчаніе рав-
носильно преступленію. Я спрашиваю васъ...
и ваше отношеніе ко мнѣ въ теченіе многихъ
лѣтъ заставляетъ меня сдѣлать этотъ воп-
росъ... равнымъ образомъ и это загадочное...
что я только — что... Словомъ, я спрашиваю
васъ, знаете ли вы что-нибудь неблаговидное
въ тогдашнемъ прошломъ моей дочери?

Кел. О, Бога ради... какъ можете вы?..

Шв. Какъ и чѣмъ она жила, вы не знаете?

Кел. Нѣтъ, мнѣ положительно...

Шв. Вы никогда не бывали у ней?

Кел. (*все болѣе смущаясь*). Никогда, ни-
когда, нѣтъ, никогда...

Шв. Никогда?

Кел. Т. е. однажды и заѣзжалъ за ней,
но...

Шв. Значитъ, ваши отношенія были дру-
жескія?..

Кел. (*убѣдительно*). О, совершенно дру-
жескія... конечно, только дружескія... (*Па-
уза.*)

Шв. (*берется за голову, пристально
смотритъ на Келлера, потомъ, какъ бы
про себя*). Га?.. Тогда... конечно... Если,
можетъ быть... Если вы... если... если...
(*Встаетъ, подходитъ къ Келлеру, садит-
ся и старается успокоиться.*) Г. фонъ-
Келлеръ, оба мы живемъ въ томъ мірѣ, гдѣ
чудесъ не бываетъ... Но я сталъ старъ...
очень старъ... и влѣдствіе этого, я не могу
своими мыслями... такъ управлять, какъ
бы мнѣ хотѣлось... И вотъ я... не могу из...
избавиться отъ подозрѣнія, которое вдругъ...
которое вотъ здѣсь шевелится... Я только
что испыталъ большую радость!.. И не хочу
я такъ скоро отравлять ее чѣмъ-нибудь по-
добнымъ... И для того, чтобы успокоить ста-
рика, прошу васъ сердечно: дайте мнѣ ваше
честное слово, что...

Кел. (*вставая*). Извините, это уже почти
похоже на допросъ...

Шв. Развѣ вы уже знаете о чемъ... что
я васъ?..

Кел. Внновать, я ничего не знаю. Я не хо-
чу ничего знать... Я пришелъ сюда совер-
шенно спокойно, чтобы сдѣлать вамъ друже-
скій визитъ... А вы насилуете меня... Я дол-
женъ вамъ замѣтить, что я насиловать себя
не позволю (*Беретъ шляпу.*)

Шв. Г. фонъ-Келлеръ, ясно ли вы пони-
маете, что значитъ такая уклончивость?..

Кел. Pardon! Если вы хотите что-нибудь

узнать, покоривъшше прошу васъ обратиться къ вашей дочери. Она ужъ вамъ скажетъ, что... что... это... А теперь—позвольте раскланяться... Гдѣ я живу, вамъ, конечно, извѣстно... т.-е. я имѣю въ виду... на тотъ случай, если... э... э... Очень сожалею, что это такъ вышло, но... э... г. подполковникъ, имѣю честь... (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 16-е.

Шварце одинъ, потомъ Мари.

Шв. (*сидитъ нѣкоторое время въ мрачномъ раздумьи, уйдя въ себя, затѣмъ вдругъ вскрикиваетъ*). Магда!

Мари (*истуанно вбѣгая*). Боже мой, что такое?

Шв. (*задыхаясь*). Магда! Позовите Магду!

Мари (*идетъ къ двери, заглядываетъ въ нее и оборачивается*). Она... идетъ уже, спускается съ лѣстницы.

Шв. Хорошо! (*Съ трудомъ поднимается.*)
Мари (*умоляя*). Не обижай ее!
(*Пауза. Черезъ открытую дверь видно, какъ Магда спускается по лѣстницѣ.*)

ЯВЛЕНИЕ 17-е.

Тѣ же, Магда.

Маг. (*въ дорожномъ платьѣ, со шляпкой въ рукѣ; очень блѣдна, но съ полнымъ самообладаніемъ*). Я слышала, ты звалъ меня, отецъ?

Шв. Мнѣ нужно... поговорить... съ тобой...

Маг. И мнѣ тоже!

Шв. Ступай впередъ, въ мою комнату.

Маг. Иду, отецъ! (*Идетъ въ дверь направо. Шварце—за ней; Мари, которая притаилась въ дверяхъ столовой, дѣлаетъ ему умоляющій жестъ, которая онъ не замѣчаетъ.*)

(Занавѣсъ.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Та же обстановка.

ЯВЛЕНИЕ 1-е.

Августа, Мари.

Авг. (*въ шляпкѣ и пальтѣ. Стучитъ въ дверь направо*). Леопольдъ... Господи Иисусе!... Я не рѣшаюсь войти туда.

Мари. Нѣтъ, нѣтъ... Не надо! Еслибы ты только его видѣла!

Авг. И уже съ полчаса, какъ они тамъ, говоришь ты?

Мари. Да, не меньше.

Авг. Вотъ ея голосъ. (*Прислушивается. Истуанно.*) Боже мой, какъ онъ на нее кричитъ!... Марихенъ, послушай! Бѣги въ садъ. Тамъ въ бесѣдкѣ пасторъ... расскажи ему все... И о г. фонъ-Келлеръ, что снѣ былъ здѣсь недавно... И попроси его поскорѣй придти сюда.

Мари. Хорошо, мамочка! (*Спѣшитъ къ выходу.*)

Авг. (*вслѣдъ ей*). Вотъ что еще, Марихенъ! Тереза ничего не замѣтила? Какъ бы потомъ не вышло сплетенъ?

Мари. Я ее сейчасъ же усала, мамочка.

Авг. Ну, тогда отлично! Тогда—отлично! (*Мари уходитъ.*)

Авг. (*стучитъ снова*). Леопольдъ... Послушай же, Леопольдъ... (*Отскакивая.*) Боже, онъ идетъ!

ЯВЛЕНИЕ 2-е.

Августа, Шварце, потомъ Магда.

Шв. (*вбѣгаетъ, шатаясь, съ искаженнымъ лицомъ*).

Авг. Леопольдъ, на что ты похожъ!

Шв. (*падая на стулъ*). Да, да... Это то же, что бываетъ съ розами... Движеніе ножа... и отхватитъ однимъ махомъ... и рану не перевяжутъ даже... Что это... я говорю? Что?...

Авг. Онъ теряетъ разсудокъ!

Шв. Нѣтъ, нѣтъ, я не теряю разсудка... Нѣтъ... я отлично знаю, что... я отлично знаю...

Маг. (*показывается въ дверяхъ направо*).

Авг. (*ей на встрѣчу*). Что ты съ нимъ сдѣлала?

Шв. Да... что ты... что ты?... И это моя дочь! Что мнѣ теперь дѣлать съ моей дочерью?

Маг. (*скромно, почти просительно*). Да, отецъ, не лучше ли будетъ, если послѣ всего, что произошло, ты укажешь мнѣ дверь и выгонишь меня на улицу. Такъ или иначе, тебѣ нужно же отвязаться отъ меня, если хочешь, чтобы на твоёмъ домѣ не было пятна.

Шв. Такъ, такъ, такъ... Такъ ты думаешь, что стоитъ тебѣ только уйти—уйти вонъ изъ дома—и все останется по старому? А это здѣсь...? А мы всѣ здѣсь?... Что съ нами будетъ? Я... О, Боже мой... Я... я лягу въ могилу... вотъ

и все... а здѣсь... мать... сестра... твоя сестра...

Маг. У Мари будетъ мужъ, какой ей нуженъ.

Шв. Не женятся на дѣвушкѣ, у которой такая сестра. (*Съ отвращеніемъ.*) Ни-ни-ни... Нельзя касаться до такихъ вещей.

Маг. (*про себя.*) Боже! Боже!

Шв. (*къ Августъ.*) Видишь ты: теперь она начинаетъ понимать свои преступленія.

Авг. Да что же?..

Маг. (*съ нѣжнымъ состраданіемъ, но все таки съ твердостью.*) Бѣдный мой, старый мой папочка, выслушай меня... Вѣдь не могу же я измѣнить того, что случилось... Я отдамъ Мари половину своего состоянія... Я готова въ тысячу разъ вознаградить васъ всѣхъ за тѣ страданія, которыя причинила вамъ сегодня... А теперь, прошу васъ, пустите меня идти своей дорогою.

Шв. Ого!

Маг. Да чего же вы отъ меня хотите? Что я вамъ сдѣлала? Вчера въ это время вы и не знали даже: существую ли я вообще на свѣтѣ,—а сегодня... Вѣдь это безуміе требовать отъ меня, чтобы я снова думала и чувствовала по-вашему... Но я боюсь тебя, отецъ... мнѣ страшно въ этомъ домѣ... Я ужъ больше не та, что была прежде... Я не вѣрю самой себѣ. (*Съ воплемъ.*) Ахъ, не могу я этого выносить.

Шв. Ха-ха-ха!

Маг. Видишь, милый папа, я охотно готова смириться передъ тобой... Я отъ всей души жалѣю обо всемъ, потому что это васъ сегодня такъ сильно огорчило... разъ я уже плотью и кровью ваша... Но вѣдь должна же я продолжать ту жизнь, которую я создала себѣ. Это мой долгъ передъ самой собой—передъ самой собой и передъ моимъ... Прощайте! Будьте счастливы!

Шв. (*преиражая ей дорогу.*) Куда ты?

Маг. Пусти меня, отецъ!

Шв. Раньше я задушу тебя своими... (*Хватитъ ее.*)

Авг. Леопольдъ!

ЯВЛЕНИЕ 3-е.

Тѣ же и Пасторъ.

Паст. (*съ крикомъ ужаса бросается между ними.*)

Маг. (*освободясь отъ отца, отходитъ медленно, пристально смотря въ глаза пастора, назадъ и опускается на кресло нальво, идъ и остается почти безъ движенія во время всей послѣдующей сцены.*)

Паст. (*послѣ нѣкотораго молчанія.*) Помилуй Боже!

Шв. Да, да, да, батенька... Хорошенькая была сейчасъ семейная картина, а? Взгляните-

ка вы на эту вотъ!.. Опозорила она мое имя... Каждый негодяй въ правѣ сломать мою шпату... И это моя дочь. Это... моя...

Паст. Дорогой мой другъ, здѣсь происходятъ вещи, которыхъ я не знаю и знать не хочу... Но я полагаю, что можно что-нибудь сдѣлать вмѣсто того, чтобы... чтобы...

Шв. Да... сдѣлать... да... да... много надо сдѣлать... Мнѣ тоже многое нужно сдѣлать... Не понимаю даже, почему я еще здѣсь?.. Правда, оно скверно... да, скверно... онъ можетъ еще мнѣ сказать, этотъ господинъ... Ты... ты, молъ, вѣдь калѣка—съ своей дрожащей рукой... Съ такими не дерутся... еслибы дочь твоя была даже тысячу разъ... Но я ему докажу... я докажу ему... Гдѣ моя шляпа?

Авг. Куда ты, Леопольдъ? (*Магда приподымается.*)

Шв. Мою шляпу!

Авг. (*даетъ ему шляпу и палку.*) Вотъ, вотъ!

Шв. Такъ. (*Къ Магдѣ.*) Учись благодарить Бога, въ Котораго ты не вѣришь, что Онъ сохранилъ тебѣ отца до сегодняшняго дня. Сегодня онъ вернетъ тебѣ твою честь!

Маг. (*спускаясь съ кресла на колѣни и цѣлуя его руку.*) Отецъ, не дѣлай этого... Я этого отъ тебя не заслужила!..

Шв. (*со слезами склоняется къ головѣ Магды.*) Мое бѣдное, бѣдное дитя! (*Идетъ къ дверямъ.*)

Маг. (*ему въ слезы.*) Отецъ!

Шв. (*быстро уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 4-е.

Августа, Пасторъ и Магда.

Авг. Дитяtko мое, что бы тамъ ни случилось, мы, женщины, должны стоять одна за другую...

Маг. Благодарю, мамочка! Шуткѣ будетъ скоро конецъ. (*Садится.*)

Паст. Сударыня, Марихенъ тамъ, вся въ страхѣ. Подите, скажите ей ласковое слово.

Авг. Что мнѣ сказать этому ребенку, г. пасторъ, если счастье всей жизни потеряно для нея?

Маг. (*болѣзненно содрогается.*)

Авг. Ахъ, г. пасторъ, г. пасторъ! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ 5-е.

Магда и Пасторъ.

Маг. (*послѣ паузы.*) Ахъ, какъ я устала!

Паст. Фрейлейнъ Магда!

Маг. Я увѣрена, что эти горящіе, эти налившіеся кровью глаза, я буду постоянно видѣть передъ собой, гдѣ бъ я ни была... гдѣ бъ я ни была.

Паст. Фрейлейнъ Магда!

Маг. Вы меня, конечно, глубоко презираете, да?

Паст. Ахъ, фрейлейнъ Магда, я давно ужъ отучился презирать... Всѣ мы—жалкіе грѣшники...

Маг. *(съ горькой усмѣшкой)*. Да, правда, всѣ мы... Ахъ, ахъ, какъ я устала!.. Моя голова какъ въ тискахъ... Жизнь моя гнететъ меня. Вонъ старикъ пошелъ и хочетъ чтобы его изъ-за меня убили! А! Еслибы онъ захотѣлъ всѣ мои грѣхи искупить своей кровью!.. Ахъ, я устала!

Паст. Фрейлейнъ Магда... Я могу только догадываться, что здѣсь происходитъ... Но вы сами дали мнѣ право говорить съ вами по-дружески... Но я чувствую, что я больше чѣмъ другъ, я какъ бы вашъ соучастникъ, фрейлейнъ Магда.

Маг. Боже мой! И онъ еще мучаетъ себя.

Паст. Сознаете ли вы свой долгъ, фрейлейнъ Магда, возвратить честь и миръ вашей семьѣ?

Маг. *(съ прорвавшейся мукой)*. Вы сами пережили съ нами это горе, и вы еще спрашиваете: сознаю ли я?..

Паст. Какъ я предполагаю, этотъ господинъ отвѣтитъ вашему отцу, что онъ готовъ на всякаго рода мирное удовлетвореніе.

Маг. Ха-ха-ха!... Благородная душа! Да мнѣ-то что до этого?

Паст. Вы не должны отказываться отъ предложенія, которое онъ вамъ сдѣлаетъ.

Маг. Что? Да не можетъ же... Этотъ человекъ, этотъ совершенно чужой мнѣ человекъ, на котораго я смотрю какъ... какъ на... И я должна?..

Паст. Дорогая фрейлейнъ Магда, почти у каждаго человека бываютъ минуты, когда ему приходится собирать осколки своей жизни, чтобы изъ нихъ склеить себѣ новую. И я это испыталь... Теперь вашъ чередъ.

Маг. Я не хочу! Я не хочу!

Паст. Вы должны.

Маг. Скорѣе я возьму на руки мое дитя и кинусь въ море!

Паст. *(подавляетъ ужасъ; послѣ паузы, упавшимъ голосомъ)*. Да, это дѣйствительно... самая простая развязка... и вашъ отецъ можетъ послѣдовать за вами.

Маг. Сжальтесь!... Я должна исполнить вашу волю. Не знаю, откуда у васъ эта власть надо мною... Другъ мой, если живо въ васъ еще малѣйшее воспоминаніе о томъ, что когда-то вы чувствовали ко мнѣ... если есть въ васъ хоть капля жалости къ вашей собственной юности—тогда не можете же вы желать принести меня въ жертву?

Паст. Не васъ одну приношу я въ жертву, фрейлейнъ Магда.

Маг. *(съ пробудившейся догадкой)*. Боже...

Паст. Другого исхода нѣтъ! Я не вижу другого. Что старикъ этого не переживетъ — само собой понятно. А что тогда будетъ съ вашей матерью?... Что выйдетъ изъ вашей несчастной сестры?... Фрейлейнъ Магда... это равносильно, какъ еслибы вы собственными руками подожгли этотъ домъ и дали бы сгорѣть всему, что въ немъ есть! А вѣдь этотъ домъ—вашъ родной...

Маг. *(съ возрастающимъ ужасомъ)*. Я не хочу... Я не хочу... Этотъ домъ мнѣ не родной... Моя родина тамъ, гдѣ мое дитя, гдѣ мое дитя!

Паст. Да, этотъ ребенокъ... Онъ вырастетъ... безъ отца... и потомъ его спросятъ: гдѣ твой отецъ? И онъ станетъ спрашивать васъ: гдѣ мой отецъ? Что вы ему отвѣтите тогда? И, фрейлейнъ Магда, жизнь, начатая виѣ естественныхъ условій, такая жизнь не общается хорошаго.

Маг. Вѣдь все это неправда... И еслибы это была и правда... Развѣ и у меня нѣтъ тоже сердца? Развѣ я не живой человекъ... И развѣ я существую на свѣтѣ не для самой себя?

Паст. *(твердо)*. Нѣтъ, никто не живетъ только для себя... Впрочемъ, дѣлайте, что вамъ угодно. Губите свой родной очагъ, губите отца, сестру, ребенка... и тогда попытайтесь, хватить ли у васъ мужества жить для самой себя.

Маг. *(рыдая, закрываетъ лицо)*.

Паст. *(подойдя къ ней и черезъ столъ съ состраданіемъ глядя ее по плечу)*. Бѣднѣйка моя...

Маг. *(хватая его руку)*. Отвѣчайте на одинъ вопросъ... Ради меня вы пожертвовали счастьемъ всей своей жизни. — Считаете ли вы меня и до сихъ поръ — несмотря на то, что вы обо мнѣ знаете, и чего вы еще не знаете — достойной этой жертвы?

Паст. *(глухо, какъ бы дѣлая признаніе)*. Я уже сказалъ... Я -- какъ бы вашъ соучастникъ, фрейлейнъ Магда!

Маг. *(послѣ паузы)*. Я сдѣлаю, что вы требуете.

Паст. Благодарю васъ.

Маг. Прощайте!

Паст. Прощайте! *(Уходитъ въ открытую дверь; видно какъ онъ говоритъ съ Маріей и посылаетъ ее къ Магдѣ)*.

Маг. *(остается неподвижна, закрывъ лицо руками, пока онъ не скрывается)*.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Магда и Мари.

Мари. Что тебѣ, Магда?

Маг. Куда пошелъ пасторъ?

Мари. Въ садъ. Съ шмъ мама.

Маг. Слушай, если отецъ будетъ спрашивать меня (*указываетъ головой нальво*) я буду тамъ. (*Хочетъ уйти.*)

Мари. А для меня—у тебя не осталось ни одного слова, Магда?

Маг. Ахъ, да! Будь спокойна. (*Цѣлуетъ ее въ лобъ.*) Теперь все будетъ хорошо... Совсѣмъ хорошо... нѣтъ, пѣтъ, пѣтъ... (*Устало, съ юречью.*) Теперь будетъ все... очень... хорошо!.. (*Уходитъ нальво, Мари — въ столовую.*)

ЯВЛЕНИЕ 7-е.

Шварцъ, потомъ Максъ, затѣмъ Тереза.

Шв. (*одинъ. Насвистывая, достаетъ ящикъ съ пистолетами, открываетъ его, разсматривая, достаетъ одинъ пистолетъ, съ трудомъ взводитъ курокъ, осматриваетъ стволъ, прицѣливается въ одну точку на стѣнѣ, причемъ сильно замѣтно дрожаніе его руки, съ интвомъ ударяетъ себя по руцѣ и, нахмурившись, опускаетъ руку съ пистолетомъ. Входитъ Максъ.*)

Шв. (*не оборачиваясь*). Кто тамъ?

Мак. Я, дядя.

Шв. Ага, Максъ... можешь войти...

Мак. Дядя, Мари сказала мнѣ... Дядя, что значать эти пистолеты?

Шв. Да, когда-то это были превосходные пистолеты... Это были великолѣпные пистолеты... Ими, мой милый, я безъ промаха попадалъ въ червоннаго туза на 20... ну, скажемъ, на 15 шаговъ... И на 15 достаточно... Послушай, давай-ка сейчасъ въ саду... на... (*Безпомощно тычетъ въ дрожащую руку, готовый заплакать.*) Но... вотъ... она не слушается больше...

Мак. (*подбѣгая къ нему*). Дядя! (*Минувшее остаются въ объятіяхъ.*)

Шв. Ну, ну, хорошо ужъ... хорошо...

Мак. Дядя, что я замѣню тебя, что я каждаго, на кого ты мнѣ укажешь пальцемъ, поставлю подъ дуло своего пистолета,—это само собой понятно,—вѣдь это мое право?

Швар. Ты? Вотъ какъ? Но какому праву? Ужъ не хочешь ли ты, женившись, вступить въ опозоренную семью?... А... а?

Мак. Дядя!..

Шв. Значить ты этого хочешь?... Значить, ты хочешь повѣсить мундиръ нашего полка на гвоздь и слоняться въ штатскомъ платьѣ?... Ну, тогда мы можемъ вмѣстѣ открыть игорный домъ, или кинемся на спекуляцію имѣніями, а вмѣстѣ съ тѣмъ немножко и по части страхованія жизни... агентство, коммиссіонерство, или я не знаю что... Ты, съ твоимъ честнымъ дворянскимъ именемъ, станешь загонять жертвы, а я ихъ опшываю... Хе,

хе, хе... Нѣтъ, мой мальчикъ, еслибы даже ты самъ захотѣлъ — я не хочу. Этотъ домъ со всѣмъ, что въ немъ,—осужденъ на гибель. А потому—ступай своей дорогой. Съ Шварцевскимъ отродьемъ нечего тебѣ якшаться!

Мак. Дядя, теперь я требую отъ тебя.

Шв. Смирно!.. Не то!.. (*Указываетъ на дверь.*) Впрочемъ, я могу воспользоваться тобой, какъ пользуются друзьями... когда предстоитъ такое дѣло. Но не теперь... не теперь... Сперва я самъ объяснюсь съ этимъ господиномъ... Дома не было... Его не было дома, этого господина... Но пусть онъ не воображаетъ, что онъ ускользнетъ отъ меня. Если его и вторично не будетъ дома, тогда, другъ мой, наступитъ твоя обязанность... А до тѣхъ поръ имѣй терпѣніе... имѣй терпѣніе.

Тер. (*докладываетъ*). Г. совѣтникъ фонъ-Келлеръ.

Шв. (*отшатнулся*).

Мак. Такъ вотъ кто... Ну, теперь...

Шв. Просите. (*Тереза ушла.*)

Мак. Дядя! (*Въ сильномъ волненіи указываетъ на себя.*)

Шв. (*отрицательно покачавъ головой, жестомъ приказываетъ ему удалиться.*)

ЯВЛЕНИЕ 8-е.

Шварцъ и Келлеръ.

Кел. (*въ дверяхъ встрѣчается съ уходящимъ Максомъ, заискивающе кланяется ему, тотъ вызывающе мѣрять его глазами и уходитъ*).

Кел. Я въ отчаяніи, г. подполковникъ, что вы не застали меня. Когда я вернулся изъ казино, гдѣ меня можно всегда найти въ обѣденное время... повторяю, можно всегда найти—я увидалъ у себя на столѣ вашу карточку... И такъ какъ я полагалъ, что вы желали переговорить со мною по важному дѣлу, то я и поспѣшилъ... какъ говорится,—я поспѣшилъ...

Шв. Г. совѣтникъ, не знаю еще, найдется ли въ этомъ домѣ для васъ мѣсто... Но вы такъ спѣшили сюда, что должно быть устали... Прошу васъ, садитесь.

Кел. Благодарю. (*Садится возлѣ открытаго пистолетнаго ящика, заглядываетъ въ него, пораженъ, неуверенно смотритъ на Шварца. Обдумавъ.*) Г-мъ!

Шв. Что же, вы ничего не имѣете мнѣ сказать?

Кел. Позвольте мнѣ сначала только одинъ вопросъ: сообщила ли вамъ ваша дочь послѣ нашего разговора что-либо обо мнѣ?

Шв. Г. совѣтникъ, вы не имѣете мнѣ ничего сказать?

Кел. О, конечно, я имѣю вамъ кое-что ска-

зять... Я, напримѣръ, считалъ бы себя счастливымъ, еслибы выразить вамъ одно желаніе... одну просьбу... но я право не знаю... Не будете ли вы такъ добры сказать мнѣ только одно: благосклонно ли, хотя до нѣкоторой степени, отзывалась обо мнѣ ваша дочь?

Шв. *(вскикивая)*. Я хочу знать, милостивый государь, въ какихъ отношеніяхъ мы теперь находимся съ вами, какъ долженъ я смотрѣть на васъ?

Кел. Ахъ, вотъ что... Pardon... теперь мнѣ ясно... *(Высокопарно.)* Г. подполковникъ, вы видите передъ собой человѣка, серьезно относящагося къ жизни. Дни легкомысленной юности... *(Шварценштейнъ взлядываетъ на него.)* Pardon... Я хотѣлъ сказать, что сегодня утромъ созрѣло во мнѣ святое и... если можно такъ выразиться, радостное рѣшеніе. Г. подполковникъ, я не изъ тѣхъ кто любитъ много говорить... Я иду всегда прямо къ своей цѣли: какъ честный человѣкъ — къ честному человѣку... или... словомъ, г. подполковникъ, я имѣю честь просить у васъ руки вашей дочери.

Шв. *(сидитъ неподвижно и тяжело дышетъ, удерживаясь отъ рыданій)*.

Кел. Pardon. Вы не отвѣчаете мнѣ... Можетъ быть, я недостойнъ?..

Шв. *(ловя его руку)*. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... нѣтъ же, нѣтъ! Я... я старикъ... Слишкомъ много пришлось мнѣ пережить за послѣдніе часы... Не обращайтесь на меня вниманія.

Кел. Кхм... Кхм...

Шв. *(встаетъ и при этомъ захлопываетъ крышку пистолетнаго ящика)*. Дайте мнѣ вашу руку, мой молодой другъ! Вы причинили мнѣ тяжелое горе... причинили тяжелое горе... Но вы все быстро и мужественно исправили... Дайте мнѣ и другую руку... такъ, такъ! Ну, а теперь вы, конечно, и съ ней хотите переговорить?.. У васъ много найдется о чемъ надо переговорить... а?

Кел. Прошу позволенія...

Шв. *(открываетъ входную дверь и зоветъ; потомъ открываетъ дверь на лѣво)*. Магда!

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ-же и Магда.

Маг. Что прикажешь, папа?

Шв. Вотъ этотъ господинъ, Магда, желаетъ имѣть честь... *(Привидѣніе обволакиваетъ, его переполняетъ горькое чувство. Онъ бросаетъ инвентаръ взляды то на одного, то на другого.)*

Маг. *(съ тревогой)*. Отецъ!

Шв. Ну, да теперь все въ порядкѣ... Только не тяните долго... *(Болше къ Магдѣ.)* Теперь все въ порядкѣ! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Келлеръ и Магда.

Кел. Да, дорогая моя Магда.. Ну, кто бы могъ это предвидѣть!

Маг. Итакъ, мы обвиняемся?

Кел. Прежде всего, я бы хотѣлъ недопустить въ васъ подозрѣнія, что это вызвано преднамѣренностью или неосторожностью съ моей стороны. Я счастливъ, однако же...

Маг. Вѣдь я не упрекаю васъ?

Кел. Для этого и нѣтъ никакого повода.

Маг. Рѣшительно пикакого.

Кел. Прежде всего позвольте мнѣ вамъ сказать, что моимъ самымъ горячимъ желаніемъ все время было, чтобы Провидѣніе снова соединило насъ.

Маг. Вы, конечно, никогда и не переставали меня любить?

Кел. Ну, этого, какъ человѣкъ честный, и безъ преувеличенія, я прямо бы утверждать не могъ... Но уже сегодня утромъ созрѣло во мнѣ святое... и радостное рѣшеніе...

Маг. Простите, оди́нь вопросъ: созрѣло ли бы въ васъ это святое и радостное рѣшеніе, также и тогда, если бы я вернулась на родину нищей и опозоренной?

Кел. Позвольте, дорогая Магда... не гоняюсь я ни за карьерой, ни за приданымъ... Но я не долженъ забывать и о себѣ и о занимаемомъ мною положеніи... При другихъ обстоятельствахъ, конечно, не было бы никакой социальной возможности узаконить наши прежнія отношенія.

Маг. Значить, я должна считать себя счастливой, что десять лѣтъ, сама о томъ не подозревая, трудилась для этой высокой цѣли?

Кел. Не знаю, можетъ быть, я слишкомъ чутко, но это звучитъ почти ироніей, и я не думаю, чтобы...

Маг. Чтобы это было мнѣ прилично?

Кел. *(отклоняясь)*. Ахъ...

Маг. Я должна просить у васъ снисхожденія... Роль терпящей и терпимой жены еще слишкомъ пова для меня! Итакъ, поговоримъ о будущемъ... *(Садится и предлагаетъ сѣсть ему.)* О нашемъ будущемъ... Какъ вы его представляете?

Кел. Ну, вы же знаете, моя дорогая, у меня болѣе обширные планы. Въ этомъ захластѣ мнѣ не мѣсто... Къ тому же теперь моя обязанность создать и для васъ положеніе, достойное вашихъ свѣтскихъ талантовъ... Что вамъ придется проститься съ сценической и концертной дѣятельностью—это само собой разумѣется.

Маг. Да? Это само собой разумѣется?

Кел. Но прошу васъ... Вы не знаете условій... Это было бы для меня такимъ торма-

зомъ... Ахъ!.. Это было бы для меня равно- сильно немедленному выходу въ отставку.

Маг. Ну, а еслибы вы это сдѣлали?

Кел. Не можетъ быть, чтобъ вы серьезно? Человѣкъ, работающій и полный стремлений, который видитъ предъ собой блестящую дорогу, долженъ бросить мѣсто и положеніе и въ качествѣ мужа своей жены бродяж... жить, какъ мужъ при женѣ? Что же мнѣ: переворачивать вамъ ноты, или, можетъ быть, завѣдывать вашей кассой?... Нѣтъ, дорогой мой другъ, вы плохо цѣните и меня, и то положеніе, которое я занимаю. Но будьте совершенно спокойны... Вамъ не въ чемъ будетъ раскаиваться... Я отношусь съ полнымъ уваженіемъ ко всѣмъ вашимъ прежнимъ успѣхамъ, но... (*изысканно*) высшія награды, къ которымъ только можетъ стремиться женское тщеславіе — раздаются только въ салонахъ.

Маг. (*про себя*). Боже! что же это я дѣлаю? Вѣдь это безуміе!

Кел. Что вы сказали?

Маг. (*качаетъ головой*).

Кел. И наконецъ, видите ли, жена, идеальная жена, какъ ее представляютъ себѣ въ настоящее время, должна вѣдь быть другой, вѣрной, преданной помощницей своему мужу... Я представляю себѣ, на примѣръ, что вы, своими личными качествами, очарованіемъ вашего пѣпія побѣдите моихъ недруговъ, а друзей... ну, тѣхъ вы еще тѣснѣе привяжете ко мнѣ. И тогда, я думаю, мы откроемъ пріемъ на широкую ногу... Нашъ домъ долженъ быть центромъ избраннаго общества, тѣхъ только, кто намѣренъ поддерживать строго-изящные нравы нашихъ предковъ. Изящно и строго — въ этомъ какъ будто есть извѣстное противорѣчіе... но въ сущности — нѣтъ!

Маг. Вы забываете, мой другъ, что ребенокъ, ради котораго и заключается этотъ союзъ, невольно будетъ отдалять отъ насъ всѣхъ строго-нравственныхъ людей...

Кел. Да... это... Я готовъ признать, дорогая Магда, что это будетъ для васъ тяжело... Но этотъ ребенокъ долженъ, само собою разумѣется, остаться глубочайшей пашей тайной. Никто и подозрѣвать не долженъ...

Маг. (*съ удивленіемъ, не вѣря*). Что? Что вы говорите?

Кел. Мы бы погибли во всѣхъ отношеніяхъ. Нѣтъ, нѣтъ, это абсурдъ даже думать объ этомъ. Но... э... мы можемъ ежегодно совершать маленькое путешествіе туда, гдѣ оставимъ его на воспитаніе... Можно записаться въ книгѣ для проѣзжающихъ подъ какими угодно именами... за границей это не кажется страннымъ, и даже... (*соображая*) врядъ ли и наказуемо... А когда намъ будетъ лѣтъ 50 и всѣ другія законныя условія будутъ соблюдены... (*Улыбаясь*) Это можно устроить,

неправда ли?... Тогда мы можемъ его подъ какимъ-нибудь предлогомъ усыновить, неправда ли?

Маг. (*разражается громкимъ хохотомъ, потомъ сложивъ руки и глядя передъ собой*). Мой дорогой, мой малютка... Mio bambino!... Mio ро...ve...го...bam... Тебя, тебя должна я?!... Ха-ха-ха! Вонъ! Вонъ! (*Хочетъ открыть входную дверь*.) Вонъ!

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ же и Шварце.

Шв. Что?!..

Маг. Отлично, что ты пришелъ! Освободи меня отъ этого человѣка! Избавь меня отъ него!

Шв. Что?

Маг. Я сдѣлала все, что вы требовали. Я сломала себя, обезличила... Я позволила тащить себя на убой, какъ жертвенное животное... Но ребенка своего я не брошу... Изъ-за того, чтобы не испортить карьеры этого господина, не могу же я бросить своего ребенка. (*Бросается въ кресло*.)

Шв. Г. фонъ-Келлеръ, не можете ли вы мнѣ?..

Кел. Вы видите меня въ отчаяніи, г. подполковникъ! Но, кажется, тѣ условія, которыя я долженъ былъ поставить для обоюдной пользы, не принимаются.

Шв. Моя дочь не въ такомъ положеніи, чтобы выбирать условія, на которыхъ она... Г. фонъ-Келлеръ, прошу у васъ прощенія за неприятность, которой вы сейчасъ подверглись... Ждите меня у себя дома. Я лично доставлю вамъ согласіе моей дочери. Ручаюсь вамъ въ томъ моимъ честнымъ словомъ. (*Движеніе. Магда порывисто встаетъ*.)

Кел. Обдумали ли вы, что... э... э... ?...

Шв. (*подавая ему руку*). Благодарю васъ, г. фонъ-Келлеръ.

Кел. О, за что же? Я только исполнилъ свой долгъ. (*Съ поклономъ уходитъ*.)

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Магда и Шварце.

Маг. (*выпрямляясь*). Ну, теперь я снова прежняя...

Шв. (*окинувъ севзоромъ, молча запираетъ всѣ три двери*).

Маг. Ты думаешь, отецъ, я стану податливѣй, если ты меня запрешь?

Шв. Вотъ такъ! Теперь мы одни. Никто насъ не видитъ, кромѣ Бога! И пусть Онъ насъ видитъ... Перестань ходить... Намъ надо по-толковать съ тобой, дитя мое.

Маг. (*сядаясь*). Хорошо. Теперь, конечно, выяснятся всѣ отношенія между мною и моей родней.

Шв. Ты должна признать, что я теперь виноватъ спокоенъ?

Маг. Конечно.

Шв. Совершенно спокоенъ, не правда ли? Даже рука не дрожитъ. Что случилось, то случилось. Но я только что далъ твоему жениху...

Маг. Моему жениху?.. Милый папа!

Шв. Да, я далъ твоему жениху свое честное слово. А слово всегда надо держать. Съ этимъ ты согласна?

Маг. Да, пу, а если это не въ твоей власти, милый папа?

Шв. Тогда я долженъ жизнью заплатить за это... Тогда я долженъ сейчасъ же жизнью заплатить... Нельзя же жить, послѣ того, какъ... Вѣдь ты дочь офицера... Ты это понимаешь?

Маг. (съ состраданіемъ). Великій Боже!

Шв. Но передъ смертью долженъ же я сдѣлать свои распоряженія, не правда ли? Скажи мнѣ, дочка—что-нибудь святое есть же у каждого—что для тебя дѣйствительно, въ глубинѣ твоей души, святое на свѣтѣ?

Маг. Мое искусство.

Шв. Нѣтъ, этого мало. Должно быть что-нибудь болѣе святое...

Маг. Мой ребенокъ.

Шв. Хорошо... Твой ребенокъ... Твой ребенокъ... Ты его, конечно, любишь? (*Магда киваетъ головой.*) И очень хотѣла бы его опять увидѣть? (*Магда киваетъ.*) И... да... еслибы ты поклялась его головой... (*Дѣлаетъ жестъ, какъ бы кладя руку на голову ребенка*) — ты бы не поклялась ложно?

Маг. (съ улыбкой отрицательно качаетъ головой).

Шв. Вотъ и прекрасно. (*Вставая.*) Или ты поклянешься мнѣ головой твоего ребенка, что станешь честной женой его отца, или никто изъ насъ не выйдетъ живымъ изъ этой комнаты. (*Опускается снова на стулъ.*)

Маг. (послѣ небольшого молчанія). Мой бѣдный, старый папа! Зачѣмъ ты мучишь себя? И ты думаешь, что я добровольно допущу убить себя при закрытыхъ дверяхъ? Этого ты требовать не можешь.

Шв. Вотъ увидишь.

Маг. (съ возрастающимъ волненіемъ). Да чего вы, собственно, отъ меня хотите? Чего пристааете ко мнѣ? Я чуть не сказала: что вамъ до меня за дѣло?

Шв. Ты это увидишь.

Маг. Вы упрекаете меня, что я по-своему отдалась, не спросивъ позволенія у васъ и всей родни! Но почему бы нѣтъ? Развѣ я не была безродной? Не ты ли выгналъ меня на чужбину зарабатывать мой кусокъ хлѣба и вдобавокъ еще оттолкнулъ, потому что тебѣ былъ не по вкусу способъ, какимъ я добываю его? Кого я обманула? Передъ кѣмъ согрѣшила?... Да, останься

я въ семьѣ, вотъ какъ Мари, та сама по себѣ ничто, безпомощна внѣ родного крова, она изъ рукъ отца прямо перейдетъ въ руки мужа, и все получаетъ отъ своей семьи: хлѣбъ, идеи, характеръ и я не знаю что... да, тогда бы ты былъ правъ. Для такой дѣвушки—малѣйшій ложный шагъ погубить все: и совѣсть, и чувство чести, и самоуваженіе... Но я?... Взгляни на меня! Я была свободная птица... Я давно уже принадлежала къ разряду тѣхъ созданий, которые безъ посторонней помощи, какъ мужчина, завися только отъ труда рукъ своихъ,—толкуются на свѣтѣ... Такъ если вы предоставляете намъ право голодать,—а я голодала,—почему-же отказываете вы намъ въ правѣ любить, какъ мы умѣемъ,—и въ правѣ на счастье, какъ мы его понимаемъ?

Шв. Ты, можетъ, думаешь, дитя мое, что если ты независима и стала большой артисткой, то можешь ставить себя выше?..

Маг. Артистку ты оставь въ сторонѣ! Я не хочу быть больше какой-нибудь швеи или горничной, которая съ трудомъ отыскиваетъ себѣ у чужихъ людей свой кусочекъ хлѣба и свою капельку любви. А вѣдь извѣстно, чего требуетъ отъ насъ семья съ ея моралью... Она насъ бросила, защиты и радостей не даетъ никакихъ и, несмотря на то, мы—въ своемъ одиночествѣ—должны жить по тѣмъ законамъ, которые имѣютъ смыслъ только для нея... Мы должны тихонько скорчиться въ уголкѣ и тамъ скромненько ждать, пока какой-нибудь благородный рыцарь явится къ намъ туда. Да, пока! А въ это время борьба за существованіе пожретъ душу и тѣло... Впереди ничего, кромѣ увяданья и горя... И мы даже не смѣемъ подумать отдать тому человѣку, къ которому стремимся всѣмъ своимъ существомъ,—все, что еще осталось отъ нашей молодости и избытка силъ? Если хотите, вяжите насъ, дѣлайте изъ насъ дурь, запирайте въ гаремы и монастыри. Это будетъ, пожалуй, самое лучшее! Но развѣ вы намъ даете свободу, не удивляйтесь, что мы пользуемся ею.

Шв. А, вотъ оно!... Вотъ онъ духъ протеста, охватившій теперь весь міръ! Дитя мое... дорогое дитя мое, скажи мнѣ, что ты это не серьезно... Что ты... что ты... Сжался... Если... (*Косаясь на пистолетный ящикъ.*) Я не знаю, что можетъ случиться... Дитя, сжался надо мной...

Маг. Отецъ, отецъ! Перестань! Я этого не вынесу...

Шв. И я тоже... И я тоже не... (*Указывая глазами на пистолетный ящикъ.*) Убери!.. Убери!..

Маг. Что, отецъ?!

Шв. Ничего... ничего... ничего... Я спрашиваю тебя въ послѣдній разъ...

Маг. Такъ ты все-таки настаиваешь?

Шв. Дитя мое, я предостерегаю тебя. Ты знаешь, я не могу иначе...

Маг. Да, отецъ, ты не оставляешь мнѣ никакого выбора... Хорошо же... А увѣренъ ли ты, что ты въ правѣ навязать меня на шею этому человѣку?.. (*Шварце насторожился.*) Что вообще, по вашимъ понятіямъ, достойна ли я еще его? (*Нервнито.*) Я хочу сказать... былъ ли онъ... единственнымъ въ моей жизни?..

Шв. (*бросается къ ящику и выхватываетъ пистолетъ*). Распутница!.. (*Дѣлаетъ къ ней нѣсколько шаговъ, пытаясь навестить на нее пистолетъ, но въ это же мгновеніе вдругъ падаетъ въ кресло и остается безъ движенія, съ застывшими глазами, держа пистолетъ въ свѣсившейся рукѣ.*)

Маг. (*громко вскрикиваетъ*). Отецъ!... (*Бѣжитъ къ пещкѣ, прячась отъ выстрѣла, затѣмъ, закрывъ лицо руками, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ туда и назадъ.*) Отецъ!.. (*Опускается коленями въ кресло, пряча лицо въ спинку кресла. За сценой крики и стукъ. Дверь выламываютъ.*)

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ же, Пасторъ, Максъ, Августа и Мари.

Авг. Леопольдъ, что съ тобой? Леопольдъ?! (*Къ пастору.*) Господи! Точь-въ-точь, какъ тогда...

Мар. Папа, милый папа... скажи хоть словечко. (*Бросается передъ нимъ на колѣни справа.*)

Паст. Бѣгите за докторомъ, Максъ.

Мак. Это ударъ?

Паст. Кажется. (*Максъ уходитъ.*)

Паст. (*въ полголоса Маріѣ*). Подойдите къ нему. (*Та медлитъ.*) Подойдите. Кажется,

конецъ... (*Подводитъ ее, болѣзненно вздрагивающую, къ креслу Шварце.*)

Авг. (*пытающаяся освободить пистолетъ*). Пусти, Леопольдъ... На что онъ тебѣ?.. Ну посмотрите, онъ держитъ пистолетъ и не выпускаетъ его.

Паст. (*тихо*). Должно быть, судорога. Онъ не можетъ... Мой дорогой старый другъ, вы понимаете, что я вамъ говорю?

Шв. (*чуть киваетъ головой*).

Маг. (*склоняется къ нему съ мѣлой стороны*).

Паст. Милосердный Господь свыше указалъ намъ «не судите»... Неужели вы не простите ее?

Шв. (*медленно качаетъ головой*).

Мар. (*склоняясь близъ Маріи*). Папа, дай ей свое благословеніе... дорогой папа!..

Шв. (*съ просвѣтленной улыбкой на лицѣ*). Пистолетъ вываливается изъ пальцевъ. Съ трудомъ поднимаетъ руку, чтобы возложить ее на голову Маріи. Во время этого движенія его тѣло вздрагиваетъ. Рука падаетъ обратно. Голова свѣшивается впередъ).

Авг. (*вскрикиваетъ*). Леопольдъ!

Паст. (*хватая ее за руки*). Онъ отошелъ въ вѣчность. (*Складываетъ его руки. Тихая молитва, нарушаемая рыданіями женщинъ.*)

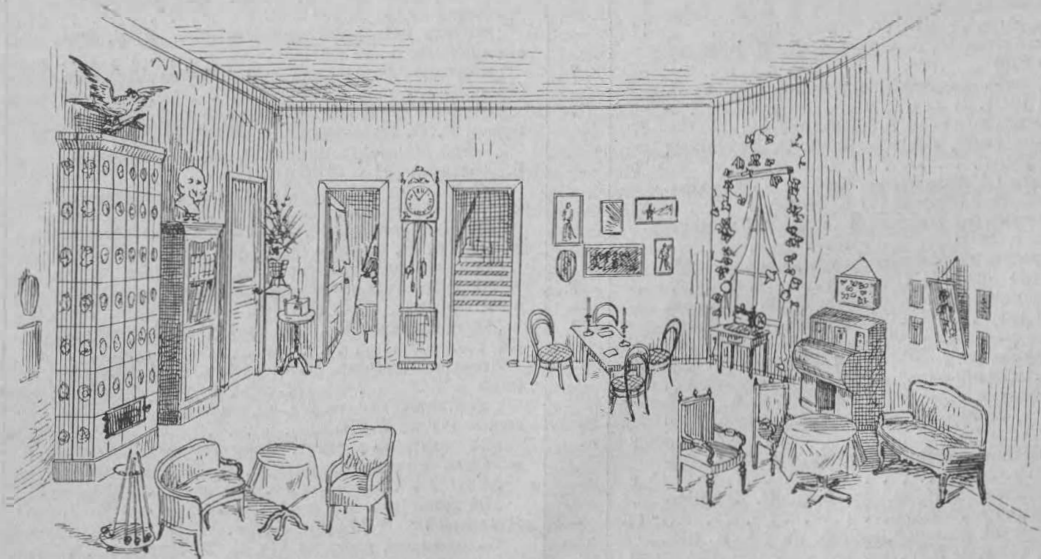
Маг. (*вскакиваетъ и въ отчаяніи ломаетъ руки*). О, лучше бы мнѣ никогда не возвращаться!

Паст. (*дѣлаетъ останавливающее движеніе рукой, прося не нарушать тишины*).

Маг. (*плохо понявъ это движеніе*). Вы уже гоните меня? Я довела его до смерти, должна же я и похоронить его?..

Паст. (*просто и мирно*). Никто не запретитъ вамъ молиться у его гроба.

Зававъсь тихо опускается.

Взамѣнъ переписыванія ролей этой пьесы, можно пріобрѣтать въ конторѣ нашего журнала отдѣльные оттиски пьесъ. Цѣна полного комплекта—10 экз. (по числу ролей)—2 р. 50 к.

Гг. подписчики за пересылку не платятъ.

КАТАЛОГЪ

203 ДРАМАТИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ,

напечатанныхъ въ №№ 1—29 журнала „Артистъ“, №№ 1—7 „Дневника Артиста“
и №№ 1—27 журнала „Театральная Библиотека“.

	№№ кн. „Артиста“	№№ кн. „Т. Биол.“		№№ кн. „Артиста“	№№ кн. „Т. Биол.“
„Автора въ театрѣ нѣтъ“, ш. въ 1 д. И. Л. Щеглова, (Къ представлению разрѣшено безусловно, см. „Правит. Вѣстн.“ 91 г. № 176)	—	3	„Вѣчность въ мгновеніи“. Драматическій этюдъ въ 1 д. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ (93 г. № 33)	25	—
„Ангель, фарсъ въ 1 д. передъ изъ ком. Ломейера „Der Stammhalter“ Н. О. Арбенина	—	27	„Гамлетъ“, траг. В. Шекспира, переводъ П. П. Гнѣдича	19—21	—
„Арсеній Гуровъ“, др. въ 5 д. В. М. Михеева („Пр. Вѣстн.“ 92 г. № 48)	19	—	„Гастролерша“, шутка въ 1 д. Ивана Щеглова (90 г. № 238)	9	—
„Ахъ мужчины, мужчины!“ ком.-фарсъ въ 4 д. передъ изъ ком. Залевского—Н. А. Тихановымъ (91 г. № 144)	—	2	„Геніальная женщина“, шутка въ 1 д. А. Р. Г. (91 г. № 144)	—	1
„Бабье дѣло“, ш. въ 2 д. А. Н. Канаева (90 г. № 202)	7	—	„Герой“, ком.-шутка въ 1 д. Г. Н. Грессеръ	—	27
„Безъ Исхода“, пьеса въ 1 д. Ен. Лытковой	7	—	„Гибель Содомы“, др. въ 5 д. Г. Зудермана, пер. П. К. (92 г. № 242)	23	—
„Безъ руля“, др. въ 3 д., въ стихахъ. О. Н. Чюминой (93 г. № 11 и 33)	26	—	„Гость“, др. въ 2 д. Эдуарда Брандеса, перев. П. Ганзена (92 г. №№ 48 и 79)	19	—
„Безъ кинжала“, ш. въ 1 д. В. Р. Щиглева (90 г. № 202)	7	—	„Грамотѣй“, анекд. шут. въ 1 д. И. Н. Ге (92 г. № 142)	—	13
„Биржевики“, ком. въ 1 д. Станислава Добрянскаго („Zlaty cieles“). Передѣлана для русской сцены Н. А. Тихановымъ (92 г. № 142)	—	13	„Графъ де Ризооръ“ („Patrie“), др. въ 5 д. и 7 к. Винторьена Сарду. Пер. Н. О. Арбенина	24	—
„Богатѣй“ („Кротость—что бѣлая зорька“) ком. въ 4 д. Е. П. Гославскаго (92 г. № 7)	18	—	„Гусь лапчатый“, др. въ 5 д. И. А. Салова (90 г. № 283)	11	—
„Божья коровка“, ком. въ 4 д. П. Д. Боборыкина (90 г. № 12)	4	—	„Дармоѣдна“, ком. въ 5 д. И. А. Салова (90 г. № 202)	8	—
„Борьба за существованіе“, пьеса въ 5 д. А. Додз, перев. Э. Э. Матерна (90 г. № 12)	4	—	„Дачный мужъ“, ком.-шутка въ 3 д. Ивана Щеглова (92 г. № 142)	—	14
„Братъ и сестра“, пьеса въ 1 д. В. Гете, перев. Э. Э. Матерна (92 г. № 7)	18	—	„Два семьи“, ком. въ 5 д. Эмиля Ожье, перев. И. Л. Щеглова (92 г. № 216)	22	—
„Букетъ“, ком. въ 1 д. И. Н. Потапенко (92 г. № 242)	—	18	„День въ Петербургѣ“, сцены въ 3 картинахъ М. И. Чайковскаго (93 г. № 88)	28	—
„Бываетъ“, ком. въ 1 д. Н. В. Казанцева (92 г. № 271)	—	19	„Джэнъ“, др. въ 5 д. Альфонса Додз, верев. И. Н. Ге (92 г. № 79)	—	11
„Быть или не быть?“ ком.-шут. въ 1 д. Скриба, передъ для русской сцены Э. Матернъ (92 г. № 216)	—	15	„Докторъ Штонманъ“, др. въ 5 д. Г. Ибсена, перев. Н. Мировичъ (91 г. №№ 120 и 233)	15	—
„Бэби“, ком. въ 3 д. Н. И. Северина (92 г. №№ 43 и 97)	—	11	„Долгъ чести“, др. въ 1 д. П. Гейзе, перев. Э. Э. Матернъ (91 г. № 176)	—	3
„Вамъ такія сцены не знакомы?“ сценка въ 1 д. Дрейфуса, перев. Н. А. Тиханова (91 г. №№ 144 и 176)	—	4	„Донъ Карлосъ, инфантъ испанскій“, тр. въ 5 д. Шиллера. Приспособленный для сцены переводъ И. Н. Гренкова. Съ рисунками костюмовъ гр. О. Л. Сологуба	1—4	—
„Василекъ“, ком. въ 4 д. В. А. Крылова (90 г. № 283)	11	—	„Донъ Фернандо, стойкій принцъ“, тр. въ 5 д. Кальдерона, перев. Н. О. Арбенина (91 г. № 94)	12—14	—
„Вильгельмъ Тэль“, др. въ 5 д. Шиллера, переводъ А. А. Крыль (93 г. № 123)	22—25	—	„Дочь невѣста“, ком.-шутка въ 4 д. В. М. Михеева (91 г. № 276)	—	7
„Viola tricolor“ („Трехцвѣтная фіалка“), ком. въ 1 д. П. П. Гнѣдича (93 г. № 88)	—	23	„Другъ Фрицъ“, ком. въ 2 д. Эрмана Шатриана, пер. Э. Э. Матерна (93 г. № 33)	—	20
„Внизъ по матушкѣ по Волгѣ“, карт. для оконч. спек. В. Щигрова (92 г. № 242)	—	18	„Душа-потемки“, сцены въ 3 д. М. П. Садовскаго (91 г. № 233)	—	5
„Водоворотъ“, др. въ 5 д. И. В. Шпагинскаго (90 г. № 12)	3	—	„Дуэль“, шутка въ 1 д. Вл. А. Александрова (93 г. № 88)	—	23
„Волшебный вальсъ“ („Zauberwalzer“), шутка въ 1 д. съ пѣніемъ А. М. Шмидтгофа (съ приложеніемъ клавиатурнаго). (93 г. № 123)	—	24	„Дядюшкина кукла“, шутка въ 3 д. И. И. Мясническаго (93 г. № 123)	—	25
„Вольная волюшка“, др. въ 5 д. И. В. Шпагинскаго (91 г. № 31)	12	—	„Елка“, ком. въ 1 д. Влад. И. Немировича-Дамченко (92 г. № 216 и 242)	23	—
„Вольная пташка“, ком. въ 3 д. Е. П. Карпова (91 г. № 276)	—	7	„Женихъ пріятный“, сценка-монологъ И. И. Мясническаго (93 г. № 88)	—	23
„Вотъ танъ водевилъ“, шутка въ 1 д. Г. Н. Грессера (91 г. № 276)	—	7	„Женская чепуха“, шут. въ 1 д. Ивана Щеглова (93 г. № 88)	—	23
„Встрѣча“, карт. въ 1 д. П. П. Гнѣдича (91 г. № 276)	17	—	„Женскій вопросъ“, фарсъ въ 2 д. Л. Фульда, перев. Н. О. Арбенина (92 г. № 48)	20	—
„Всякому свое“, ком. въ 4 д. Н. В. Казанцева (90 г. № 202)	5	—	„Жизнь Илимова“, будничная др. въ 5 карт. В. С. Лихачева (91 г. № 233)	15	—
„Втируша“ („L'Intruse“), др. въ 1 д. М. Метерлинка, пер. Е. Н. Клетновой (93 г. № 88)	28	—	„Жить надо ло“, ш. въ 1 д. В. В. Билибина (91 г. № 176)	—	3
„Въ глуши“, др. этюдъ въ 4 д. В. В. Туношенскаго (92 г. № 216)	—	17	„Житіе привольное“, др. изъ народной жизни въ 5 д. Е. П. Карпова (92 г. №№ 79 и 98)	—	12
„Въ лунную лѣтнюю ночь“, этюдъ въ 1 д. А. Степановой (92 г. № 7)	—	8	„Жоржинька“, ком.-фарсъ въ 2 д. Чека (91 г. № 94). (Въ отдѣльномъ изданіи нашего журнала—91 г. № 120)	14	—
„Въ мутной водѣ“, ш. въ 1 д. Н. С. Семенова (91 г. № 144)	—	1	„Жрица искусства“, ком. въ 4 д. Е. П. Карпова (91 г. № 59)	14	—
„Въ неравной борьбѣ“, др. въ 4 д. Влад. А. Александрова (91 г. №№ 233 и 120)	16	—	Завидный женихъ, сцены въ 3 д. С. Н. Иконникова	—	27
„Въ слѣдующій разъ“, сценка-монологъ въ 1 д. Греке-Даннура, перев. съ французск. О. А. Куманина (90 г. № 202). (Въ отдѣльн. изд. нашего журнала—91 г. № 31)	8	—	„Загадка“, ком. въ 2 д. въ стихахъ, О. Н. Чюминой (92 г. № 271)	—	19
„Въ сонномъ царствѣ“, ком. въ 4 д. И. Я. Гурлинда (90 г. № 202)	8	—	„За золотымъ руномъ“, сцены изъ похода современнѣхъ аргонавтовъ въ 4 д., А. Лугового (93 г. № 33)	25	—
„Въ старые годы“, др. въ 5 д. И. В. Шпагинскаго (89 г. № 258)	1	—	„За рюмочку“, картинка будничной жизни В. Р. Щиглева (92 г. № 216)	—	15
„Въ царствѣ поэтовъ“, ком.-ф. въ 2 д. В. Корнеліевой (92 г. № 271)	24	—	„За прошлое“, сцены въ 1 д. Э. Э. Матернъ	—	27
„Вытуриль“, ш. въ 1 д. п 2 карт. Г. Н. Грессера и С. В. Чирикова (92 г. № 242)	—	18	„Затмѣлись“, разск. для сцены И. И. Мясническаго	—	26
			„Заяцъ“, комедія-фарсъ въ 3 д. И. И. Мясническаго (92 г. № 7)	—	8

	№ № кн. „Артиста“
„Зеленый яръ“, ком. въ 4 д. П. П. Гнѣдича (93 г. № 33)	—
„Золотая рыба“, ком. въ 3 д. И. А. Салова и И. Н. Ге (90 г. № 12)	3
„Зубъ“, рассказъ для сцены И. И. Мясничаго. (93 г. № 123)	—
„Иванъ да Марья“, шутка въ 1 д. Г. Н. Грессера (92 г. № 216)	—
„Изломанные люди“, пьеса въ 4 д. Вл. А. Александрова. (93 г. № 123)	29
„Избытокъ счастья“, комедіа-шутка въ 4 д. И. Н. Ге и Г. Смоленскаго (93 г. № 88)	—
„И ночь... и луна... и любовь!...“ („Notturmo“), шутка въ 1 д. съ пѣніемъ (оригинал.) Г. Н. Грессера, (съ приложениемъ <i>клавирасуиза</i>) (92 г. № 98)	—
„Интересная больная“, шутка въ 1 д. В. Холостова (91 г. № 233)	—
„Ирэнъ“, ком. въ 1 д. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ. (93 г. № 123)	6
„Исторна“, ком. въ 1 д. Пальерона, пер. для русск. сцены А. Н. Плещеевымъ (91 г. № 233)	—
„Назусъ въ... театръ“, шутка въ 1 д. Ф. Ралнера, пер. съ пѣмецкаго Э. Матернъ (93 г. № 33)	—
„Камень при распутии“, ком. въ 3 д. кн. Н. П. Урусова (91 г. № 176)	—
„Найсаровъ“, пьеса въ 4 д. Влад. А. Александрова (92 г. № 48)	—
„Клубъ велосипедистовъ“, оригинал. фарсъ въ 3 д. Н. В. Корцинь-Жуковскаго	—
„Клубъ холостяковъ“, ком. въ 3 д. Балуцкаго, перев. съ польскаго Б. Ю. Островскаго	—
„Комикъ по натурѣ“, шутка въ 1 д. Ив. Щеглова (92 г. № 48)	—
„Компаньоны“, ком. въ 4 д. П. М. Невѣжина (91 г. № 276 и 92 г. № 7)	18
„Кража“, др. этюдъ въ 1 д. кн. Д. П. Голицына (Муравлина) (90 г. № 228)	9
„Крокодиловы слезы“, ком. въ 5 д. Е. П. Карпова (93 г. № 88)	—
„Лебединая пѣсня“, („Наххасъ“), др. этюдъ въ 1 д. А. П. Чехова (89 г. № 274)	2
„Лѣтняя картинка“, въ 1 д. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ (92 г. № 242)	23
„Мамаево нашествіе“, ком.-шут. въ 3 д. Ив. Щеглова (90 г. № 283)	10
„Матап“, ком. въ 2 д. С. Н. Терпигорева (Сергѣя Атавы) (90 г. № 12)	3
„Медвѣдь“, ш. въ 1 д. А. П. Чехова (90 г. № 202)	6
„Мельхиоръ“, ком. въ 1 д. С. Меллера, перев. Н. Г. (91 г. № 223)	—
„Молодость Людовина XIV“, ком. въ 4 д. А. Дюма (отца), перев. А. О. Крюковскаго (93 г. № 88)	27
„Молчаніе“, шутка въ 1 д. В. В. Билибина (91 г. № 31)	12
„Мужъ и жена“, ком. въ 5 д. О. Н. Стѣпина. (93 г. № 123)	29
„Муравейникъ“, к. въ 2 д. Н. Криничнаго (92 г. № 97 и 216)	4
„Мухоловка“, („Цветокъ лютоѣды“), ком. въ 5 д. Л. Г. Г. (93 г. № 123)	—
„Мышеловна“, ш. въ 1 д. И. Л. Щеглова (89 г. № 258)	1
— Та же пьеса въ новой редакціи. (93 г. № 123)	—
„Мюзота“, др. въ 3 д. Гюи де-Мопассана и Ж. Нормана, перев. Н. И. Северина (92 г. № 142)	13
„Навожденіе“, ком. въ 3 д. Н. Криничнаго и А. Воронезскаго (92 г. № 79)	21
„Наканунъ золотой свадьбы“, к.-ш. въ 1 д. Г. Н. Грессера	—
„На своихъ мѣстахъ“, ком. въ 4 д. Ник. В. Назанцева (92 г. № 7)	8
„На станціи“, карт. въ 1 д. Т. Л. Щепкиной-Куперникъ (93 г. № 33)	—
„Не всякому, накъ Якову“, картина сельской жизни въ 1 д., Е. П. Гославскаго (91 г. № 59)	13
„Не въ добрый часъ“, ш. въ 1 д. И. Л. Щеглова (91 г. № 233)	—
„Нежданный гость“, („Накъ Дамуръ“), др. въ 1 д. Эннина (перевѣдено изъ романа Эмиля Золя), перев. съ франц. И. Л. Щеглова (90 г. № 202)	5
„Незадачный денекъ“, ш. въ 1 д. Н. Каменскаго (91 г. № 233)	—
„Незванный гость“, пѣбывалій анекдотъ въ 1 д. Н. Г. Леонтьева (91 г. № 233)	—
„Не лги!“ фарсъ въ 3 д. И. И. Мясничаго, перед. изъ ком. Шамберта <i>Iedénacte pricázani</i> (92 г. № 48)	—
„Ненастье“, ком. въ 1 д. П. П. Гнѣдича (91 г. № 59)	11
„Неудачный день“, ком. въ 1 д. Т. Барриера, перев. Э. Э. Матерна (92 г. № 189)	—
„Нижний въ ярмарку“, ф. въ 1 д. Н. А. Тиханова. (Сюжетъ заимствованъ изъ ком. Добрянскаго <i>Wujesek Aljoza</i>)	16
„Ни минуты покоя“, оригинал. ком.-фарсъ въ 3 д. И. И. Мясничаго (93 г. № 88)	—
„Новое дѣло“, ком. въ 4 д. Влад. Ив. Немировича-Данченко (90 г. № 283). (Изъ отдѣльномъ изданіи нашего журнала—91 г. № 31)	10

№ № кн.
Т. Библ.

„Ночь“, драм. этюдъ въ 1 д. Валеріана Свѣтлова	27
„Обухъ“, („Ни съ того, ни съ сего“) („Nowy dzielnik“), ком. въ 3 д. Балуцкаго, перев. для русской сцены Е. М. Б.—аго (91 г. № 176)	4
„Одурчили!...“ („Мужъ на прокатъ“), („Le mari à Babette“), ком. въ 3 д. Г. Мельяка и Ф. Жилье, перев. съ франц. П. И. Кичеева (92 г. № 216)	15
„Озимъ“, др. въ 4 д. А. А. Лугового (90 г. № 202)	7
„Она одна“, сцена-монологъ И. И. Мясничаго (93 г. № 33)	—
„Опасные люди“, („Два полюса“), др. въ 4 д. Н. В. Назарьевой (91 г. № 176)	3
„Осень“, ком. въ 3 д. В. М. Михеева (91 г. № 144)	2
„Осенняя роза“, ком. въ одномъ актѣ Огюста Доршена, переводъ съ франц. А. Н. Михеевой (92 г. № 98)	1
„Осколки минувшаго“, ком. въ 5 д. и 6 картин., перевѣдена изъ повѣсти Вс. Крестовскаго (псевдонимъ) „Въ ожиданіи лучшаго“ И. Н. Ге. (91 г. № 233)	16
„Отставка“, шутка въ 1 д. (91 г. № № 144 и 176)	—
„Отрѣзанный ломоть“, фарсъ-вод. въ 1 д. С. А. Аляпинскаго (92 г. № 216)	15
„Перекати поле“, ком. въ 4 д. П. П. Гнѣдича (90 г. № 12). (Въ отд. изд. нашего журнала—90 г. № 228)	4
„Петербургскій кузнецъ“, ком. въ 2 д. В. Кигна и В. Тиханова (92 г. № 142)	14
„Плагіать“, ком. въ 1 д. К. С. Баранцевича (90 г. № 202)	6
„Подвижной лагерный сборъ“, карт. въ 1 д. Н. П. Неймана (91 г. № 144)	—
„Подъ властью сердца“, др. въ 5 д. И. Н. Ладженскаго (89 г. № 274)	2
„Подъ душистой вѣткой сирени“, ком. въ 1 д. В. Корнеліевой (92 г. № 189) „Дневн. Арт.“ №	5
„По красному звѣрю“, ком. шутка въ 2 д. И. Н. Захарина. (93 г. № 123)	25
„По кровавымъ слѣдамъ“, фарсъ въ 1 д. Г. Н. Грессера (90 г. № 283)	10
„По памятной книжкѣ“, ком.-шутка въ 1 д. Перевѣдена Э. Э. Матерномъ изъ пьесы Г. Мюрже <i>Le serment d'Horace</i> (92 г. № 142)	14
„По разстѣяности“, ком. въ 3 д. Н. В. Назанцева (92 г. № 242)	—
„По ревизіи“, этюдъ въ 1 д. М. Л. Кропивницкаго (91 г. № 94)	14
„Порывъ“, др. въ 4 д. Н. О. Ракшанина (91 г. № 31)	12
„Послѣднее сокровище“, др. эт. въ 2 д. В. М. Михеева (91 г. № 144)	1
„Послѣдняя воля“, ком. въ 4 д. Вл. Ив. Немировича-Данченко (92 г. № 48)	9
„Похищеніе Сильфиды“, ком. въ 1 д. В. В. Билибина (91 г. № 233)	5
„Праздникъ въ Сольгаугѣ“, др. въ 3 д. Ибсена (93 г. № 33)	26
„Предложеніе“, ш. въ 1 д. А. П. Чехова. (90 г. № 12)	3
„Привѣтствіе искусствъ“, лирическая сцена Шиллера, перев. Н. О. Арбеннииа	2
„Приданое принимаютъ“, ком. въ 1 д. М. В. Ларионова (92 г. № 189)	16
„Приступомъ“, сцены въ 2 д. И. В. Шпажинскаго (90 г. № 202)	5
„Пуганая ворона“, сценки В. Щигрова (92 г. № 142)	—
„Рабочая слободка“, др. въ 4 д. Е. П. Карпова (91 г. № 276)	17
„Разладъ“, др. въ 4 д. В. А. Крылова (89 г. № 274)	2
„Ранняя осень“, др. въ 4 дѣйств. Е. П. Карпова (91 г. № 59). (Въ отдѣл. изд. нашего журнала—91 г. № 31)	13
„Ревнивый антеръ“, монологъ въ стих. гр. О. Л. Соллогуба (89 г. № 258)	1
„Револьверъ“, ком. въ 1 д. В. В. Билибина (90 г. № 283)	10
„Роковая скамейка“, вод. въ 1 д. В. Холостоза. „Самъ у себя подъ стражей“, ком. въ 3 дѣйств. Донъ Педро Кальдерона дель Барка, приспособленный къ сценѣ перев. С. А. Юрьева (91 г. № 276)	15—17
„Сафо“, трагедія въ 5 д. Ф. Грильпарцера, переводъ Н. О. Арбеннииа. (93 г. № 123)	26—29
„Сарданпаль“, тр. Байрона, перев. О. Н. Чюминой (90 г. № 283)	9—11
„Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ“, ш. въ 1 д. Хеля, перев. Н. О. Арбеннииа (90 г. № 202)	6
„Симфонія“, ком. въ 5 д. Модеста И. Чайковскаго (90 г. № 228)	9
„Снитальцы“, сцены въ 5 д. Н. С. Геккина (90 г. № 202)	6
„Случайно случившійся случай“, фарсъ въ 1 д. Г. Н. Грессера (92 г. № 142)	13
„Старая погудка на новый ладъ“, ком. въ 1 д. въ стихахъ О. Н. Чюминой (90 г. № 202)	6
„Старообрядецъ“, сцены въ 4 д. Чужаго (92 г. № 189)	16

№ № кн.
„Артиста“

№ № кн.
Т. Библ.

№№ кн. „Артиста“	№№ кн. „Т. Библ.“	№№ кн. „Артиста“	№№ кн. „Т. Библ.“
„Степной богатырь“, др. въ 5 д. И. А. Салова (92 г. № 216)	22	—	—
„Стоячія воды“, карт. совр. жизни въ 3 д. П. П. Гнѣдича (90 г. № 228)	9	—	—
„Счастливец“, пьеса въ 4 д. Влад. И. Немировича-Данченко (92 г. № 48)	—	10	—
„Сынъ измѣнника“ („Мачиха“), драма въ 5 д. и 7 карт. Бальзана, перев. Ив. Щеглова (93 г. № 123)	—	24	—
„Сыщикъ“, ком.-фарсъ въ 3 д. И. И. Мясническаго (93 г. № 33)	—	20	—
„Сѣверные богатыри“, др. въ 4 д. Г. Ибсена, перев. Н. Мирovich (92 г. № 48)	20	—	—
„Сюжетъ заимствованъ“, фарсъ въ 1 д. Н. В. Каменскаго и В. С. Пичинскаго (91 г. № 176)	—	3	—
„Съ бою“, ком. въ 4 д. П. Д. Боборыкина (91 г. № 59)	13	—	—
„Танцующій кавалеръ“, фарсъ въ 1 д. В. Холостова (92 г. № 142)	—	13	—
„Такъ ужъ на роду написано“, ш. въ 1 д. Н. Ломанина (92 г. № 242)	—	18	—
„Театральный воробей“, ком.-ш. въ 2 д. Ивана Щеглова (92 г. № 48)	—	10	—
„Товарищество канительнаго производства“, шутка въ 1 д. Г. Н. Грессеръ (92 г. № 189)	—	16	—
„Трагичъ поневоле“, ш. въ 1 д. А. П. Чехова (90 г. № 202)	7	—	—
„Три встрѣчи“, мопол. въ стихахъ М. И. Лаврова (91 г. № 144)	—	1	—
„Турусы на колесахъ“, ш. въ 1 д. И. Л. Щеглова (90 г. № 202)	—	7	—
„Угасшая искра“, др. сцены въ 3 д., въ стих., О. Н. Чюминой (92 г. № 79)	—	21	—
„Уголокъ Москвы“, ком. въ 4 д. Вл. А. Алесандрова (91 г. № 276)	—	17	—
„Устроилъ“, шутка въ 1 дѣйст. А. С. Кушнерева (92 г. № 271)	—	—	19
„Убѣдн. Шекспиръ“, ком. въ 1 д. И. Я. Гурлянда (90 г. № 202)	—	6	—
„Федра“, тр. Ж. Расина, перев. М. П. С—го (90 г. № 202)	—	5—7	—
„Фотографъ любитель“, ш. въ 1 д. З. З. Матэрна (90 г. № 202)	—	6	—
„Цѣпи“, др. въ 4 д. ин. А. И. Сумбатова (89 г. № 258)	—	1	—
„Честь“, ком. въ 4 д. Зудермана, перев. съ нѣмцк. Н. К. (91 г. № 233)	—	16	—
„Чудакъ“, ком. въ 4 д. И. Л. Щеглова (91 г. № 233)	—	—	6
„Шато-Икемъ“, ком. въ 1 д. В. Гуснахъ, пер. съ франц. Н. А. Тихансва (92 г. № 271)	—	—	19
„Шашки“, шутка въ 1 д. Н. Криницкаго. (92 г. № 142)	—	2	—
„Школа гостепріимства“, ш. въ 2 д. А. Н. Наева. Сюжетъ заим. изъ повѣсти Д. В. Григоровича (91 г. № 233)	—	—	6
„Школьная пара“, картинка съ натуры въ 1 д. Е. М. Бабецкаго. (93 г. № 123)	—	—	24
„Эллида“, др. въ 5 д. Г. Ибсена, перев. В. М. Сласской (91 г. № 94)	—	14	—

Отдѣльные №№ журнала „Артистъ“ продаются по 2 рубля, а „Дневника Артиста“ и „Театральной Библіотеки“ по 1 рублю.

(Цѣна тома «Театральной Библіотеки» (4 книги)—3 руб.).

Выписывающіе изъ конторы редакціи за пересылку не платятъ.

Экземпляры №№ 1 и 4 журнала „Артистъ“ всѣ распроданы. („Перекажи поле“, ком. въ 4 д. П. П. Гнѣдича напечатана отдѣльнымъ изданіемъ. Цѣна 1 р. 50 к.).

Вышепоименованныя пьесы разрѣшены къ представленію безусловно—соотвѣтствующіе №№ «Правительственнаго Вѣстника» указаны въ скобкахъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Отъ Житомирской Городской Управы

объявляется, что **Городской театр** отдается въ бесплатное содержаніе на одинъ сезонъ 189³/₄ г. съ правительственной субсидіей, буфстомъ и др. помѣщеніями, а также декораціями, костюмами и библіотекою. Заявленія о желаніи снять театръ принимаются Управою до 10 іюля 1893 года. Подробныя условія о сдачѣ театра могутъ быть разсматриваемы въ Хозяйственномъ Отдѣленіи ежедневно до 3-хъ часовъ пополудни.

ВЫШЕЛЪ № 27 (ІЮЛЬ 1893 Г.) ЖУРНАЛА

„ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА“.

СОДЕРЖАНІЕ:

„Завидный женихъ“, сцены въ 3 д. С. Н. Иконникова. „Герой“, ком.-шутка въ 1 д. Г. Н. Грессера. „Ангель“, фарсъ въ 1 д. передѣл. изъ ком. Ломейера „*Der Stammhalter*“ Н. Ѳ. Арбенина. „За прошлое“, сцены въ 1 д. Э. Э. Матернъ. „Клубъ велосипедистовъ“, оригинальный фарсъ въ 3 д. Н. В. Корцинъ-Жуковского. „Ночь“, драматич. этюдъ въ 1 д. Валеріана Свѣтлова.

Условія подписки см. 4 стр. обложки.

ДЛЯ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ

НА НАШЪ ЖУРНАЛЪ

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ *журнала „АРТИСТЪ“*

ПРЕДЛАГАЕТЪ

ПО ОСОБО УДЕШЕВЛЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ

СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

Русскій художественный Архивъ 1892—1893 г. 6 выпусковъ съ 60 фототипіями вмѣсто 12 руб. — 6 руб. съ пересылкой.

Pougin. Dictionnaire du théâtre. Роскошное изданіе, съ 8-ю художественными хромофотографіями, болѣе 300 рисунковъ и гравюръ (вмѣсто 20 р.) — 8 р. безъ перес., съ пересылкой 10 р.

Figaro-Salon съ 86 по 92-й годъ; за всѣ 7 лѣтъ (вмѣсто 42 р.) — 21 р. съ перес.

„отдѣльно каждый годъ (кромѣ 88 и 91 годовъ) (вмѣсто 6 р.) — 3 р. съ перес.

Sallon Illustré за 92 г. 4 вып. (вмѣсто 4 р.) — 3 руб. съ перес.

Goncourt. L'art du XVIII siècle, два роскошныхъ тома съ 70 рисунк. (вмѣсто 80 р.) — 40 р. съ перес.

L'art français (1789—1889), съ 100 гравюрами (вмѣсто 32 р.) — 18 руб. съ перес.

Ad. Julienne. La comédie à la cour (вмѣсто 12 р.) — 6 р. съ перес.

Césaire Vecellio. Costumes anciens et modernes, роскошное изданіе въ 2 томахъ (вмѣсто 15 р.) — 10 р. съ пер.

A. Hugo. Le livre d'or, художественное изданіе (вмѣсто 50 р.) — 28 р. съ перес.

Thausing, M. Al. Dürer, sa vie et ses oeuvres (вмѣсто 20 р.) — 10 р. съ перес.

Вышла шестая (іюньская) книга ежемѣсячнаго литературно-политическаго изданія

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Содержаніе: I. Александръ Ивановичъ Герценъ и Наталья Александровна Захарьина. (Ихъ переписка). Продолженіе. — II. Тещъ, наслѣдница д'Орбервилей. Романъ Томаса Гарди. Переводъ съ англійскаго. III. Стихотвореніе Н. Д. Бальмонта. — IV. Майоръ Бобковъ и его сироты. (Изъ „Сказокъ дѣйствительности“). Вас. И. Немировича-Данченко. — V. Будь благословенна. Легенда. Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. — VI. Международная семья. (Фантастическая картинка). М. Анютина (М. Н. Ремезова). — VII. Стихотвореніе. Д. С. Мережковскаго. — VIII. Чарльзъ Дарвинъ и его теорія. Продолженіе. М. А. А. — IX. О славяпахъ въ Италіи. И. А. Бодуэнъ-де-Нуртензъ. — X. Подать и народное хозяйство. Продолженіе. П. А. Голубева. — XI. Главныя теченія русской исторической мысли XVIII и XIX столѣтій. Продолженіе. П. Н. Милюкова. — XII. Берлинская жиязнь. (По наблюденіямъ француза). — XIII. Монтескье. (Ad. Frank: „Réformateurs et publicistes de l'Europe“). — XIV. Мнѣніе француза о чехахъ. А. — XV. Научный обзоръ: Союзы предпринимателей въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Б. Ф. Брандта. — XVI. Внутреннее обозрѣніе. — XVII. Иностранное обозрѣніе. В. А. Гольцева. — XVIII. Очерки провинціальной жизни. — ова. — XIX. Изъ исторіи нашей общественности. (Записки и дневникъ (1826—1877 гг.) А. В. Никитенки. Три тома). М. А. Протопопова. — XX. Библиографическій отдѣлъ. Объявленія.

Принимается подписка на 1893 годъ (четыренадцатый годъ изданія).

Цѣна съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста	Годъ.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Россіи	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
Заграницу	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 іюля, 1 октября по 3 рубля. Книгопродавцамъ уступка 50 к. съ годового экземпляра; кредита и разсрочекъ не допускается.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ журнала—Леонтьевскій, 21-й, и въ книжномъ магазинѣ журнала „Артистъ“. Въ Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Н. Фену и К^о. Невскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

(БЕЗПЛАТНО)

гг. антрепренеровъ и ищущихъ ангажемента артистовъ.

Бурлацкій Р. М. *принимаетъ* гг. драматическихъ артистовъ и артистокъ на зимній сезонъ 1893^{3/4} г. въ **Товарищество**. Адресъ—г. Пермь, до востребованія. На отвѣтъ прилагать марки.

Въ г. **Вятку** на зимній 93/94 г. сезонъ въ **Товарищество** подъ управлен. Алекс. Ив. Громова нужна драматическая труппа, а также пѣвица и пѣвецъ для оперетокъ, которыя будутъ ставиться разъ въ недѣлю. Также нужны на жалованье: дирижеръ съ нотной опереточной библіотеккой, суфлеръ и декораторъ (послѣдній съ іюня мѣсяца). Телегр. и письма адресовать: въ г. Вятку, театр, А. И. Громову. На отвѣты письмами прилагать марки.

Въ г. **Кіевъ**, на лѣтній 93 г. сезонъ, нужны актеры, актрисы драматич.; суфлеръ и декораторъ. Кіевъ, Бибиковский бульваръ, садъ „Тиволи“, Г. К. Невскому.

Въ г. **Ставрополь-Кавказскій**, на зимній 93—94 г. сезонъ, на жалованье, нужны артисты и артистки въ драмат. труппу; также суфлеръ и пом. режиссера. Антрепренерша Ставр. театра Ольга Петровна Долинская-Лавровская. На отвѣтъ прилагать марку.

Алмазовъ, Екатерина Ивановна (меццо-сопрано—въ оперѣ), свободна на лѣтній и зимній сезоны. Тифлисъ, Садовая № 33.

Бердникова М. И.—на небольшія роли—на зимній сезонъ. Ташкентъ. Городская дума С. I. Календареву.

Боровдинъ Владиміръ Александровичъ. Комикъ и характерныя роли. Керчь, Таврич. губ., Евнаторійскій баталіонъ.

Залѣсскій-Росинъ, Василій Ѳеодоровичъ, драматическій любовникъ и герой, бытовые и характерныя роли. Соединенъ съ дебютовъ. Воронежъ, Лоск-Успенская улица, д. Прилѣпина, № 74.

Калинниковъ В. П.—драматич. резонеръ и герой. На зимній сезонъ. Славянскъ, Харьковской губ. Театръ.

Катаева, Паталя Ивановна. — ingénue др. и комич. (кончивш. училище филармонич. О-ва) Адресъ въ конторѣ редакціи „Артиста“.

Жокуринъ Н. М. суфлеръ или помощникъ режиссера—на лѣтній и зимній сезоны. Нижній-Новгородъ, Ильинка, д. Зарубина.

Браненникова Екатерина Александровна—ingénue драм. и ком. Адресъ въ редакціи „Артиста“.

Кремневъ, Н. П., суфлеръ, свободенъ на зимній сезонъ. Петербургъ, Пески, 7 улица, д. 21/11, кв. № 4.

Лучезаровъ, Адрианъ Сергѣевичъ, 2-й любовникъ и простакъ, свободенъ съ 15-го іюля по 15-е августа. Петербургъ, Село Михайло-Архангельское, Литейная, № 4.

Молчановъ, Н. А., 2-й любовникъ, рассказчикъ и куплетистъ (на зимній сезонъ). Великія Луки, Псковск. губ. Городской театр.

Неводинъ, комикъ-простакъ и 2-й любовникъ. На зимній сезонъ. Ташкентъ, Городская дума, С. I. Календареву.

Николаева, Л. А., меццо-сопрано (оперетка). Г. Вильно, д. ген. Лосевой.

Потѣхинъ, Александръ Андреевичъ, комикъ-резонеръ и **Потѣхина**, Александра Адамовна, — драматическія роли. Москва, Остоженка, Лопухинскій пер., д. Озерова, меблр. комнаты, № 4.

Филоновъ, Владиміръ Всеволодовичъ, простакъ, 2-й комикъ въ драмѣ и опереткѣ, рассказчикъ и куплетистъ (на зимній сезонъ). Луцкъ, Волынской губ. Театръ.

Каждое объявленіе печатается три раза. Желающіе продолжить печатаніе ихъ объявленій благоволятъ вновь увѣдомлять о томъ контору журнала. Гг. артисты, получившіе уже ангажементъ, благоволятъ также сообщать о томъ копторѣ для прекращенія печатанія ихъ объявленій.

Н О В Ы Я К Н И Г И:

изданія книжнаго магазина журнала «Артистъ»

„Съ натуры“

13 рассказовъ:

И. А. Салова.

Шуклинскій Пироговъ. — Дармоѣдка. — Глоты. — Четыре времени года. — Малепкій покойникъ. — Въ засадѣ. — Оболѣлый. — Лекція въ деревнѣ. — Старый колоколь. — Кавалеръ. — Ласковый баринъ. — Фотій Ивановичъ. — Брендѣвская генераль-маіорская школа.

Цѣна 1 руб.

„Сирень“.

15 рассказовъ:

С. Н. Филиппова.

Сирень. — Ученица. — Живыя тѣни. — Въ лѣсу. — Звѣзда. — Узелъ. — Старая рана. — Портретъ. — Урокъ. — Станный случай. — Госпожа Караванова. — Горькія слезы. — Между товарищами. — Въ тотъ вечеръ. — Жаворопокъ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

УКАЗАТЕЛЬ 897 ПІЕСЬ для любительскихъ спектаклей, цѣна 50 к.

УСТРОЙСТВО СЦЕНЫ для любительскихъ спектаклей, цѣна 50 к.

Выписывающіе изъ книжнаго магазина журнала „Артистъ“ (Москва, Страстной бульваръ, д. Адельгеймъ) за пересылку не платятъ.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ

КОМПЛЕКТЫ ЖУРНАЛА „АРТИСТЪ“ ЗА ПРОШЛЫЕ ГОДЫ

продаются въ конторѣ редакціи по слѣдующимъ цѣнамъ:

		Безъ доставл.	Съ доставкой и пересылкой.	Съ пересылкою съ наложеннымъ платежомъ.
(Экземпляры №№ 1 и 4 всѣ распроданы).				
5	книгъ 1-го сезона 1889/90 г. (№№ 2—3 и 5—7)	6 р. 50 к.	8 р. 50 к.	8 р. 75 к.
7	книгъ 1890 г. (№№ 5—11)	9 " — "	11 " 20 "	11 " 45 "
7	" 2-го сезона 1890/1 (№№ 8—14)	9 " — "	11 " 20 "	11 " 45 "
7	" 1891 г. (№№ 12—18)	9 " — "	11 " 20 "	11 " 45 "
7	" 3-го сезона 1891/2 (№№ 15—21)	9 " — "	11 " 20 "	11 " 45 "
9	" 1892 г. (съ апрѣля 92г. по январь 93г. — №№ 1—5 „Дневника Артиста“ и №№ 22—25 „Артиста“)	6 " 20 "	7 " 70 "	8 " — "
12	" 1892 г. (№№ 19—25 „Артиста“ и №№ 1—5 „Днев- ника Артиста“)	10 " — "	12 " 50 "	12 " 80 "
10	" 1890 г. и 1890/1 г. (№№ 5—14)	13 " — "	16 " 50 "	16 " 85 "
10	" 1891 г. и 1891/2 г. (№№ 12—21)	13 " — "	16 " 50 "	16 " 85 "
11	" 1890/1 и 1891 г. (№№ 8—18)	14 " — "	17 " 80 "	18 " 20 "
14	" 1890 и 1891 г. (№№ 5—18)	18 " — "	23 " — "	23 " 50 "
16	" (№№ 2—3 и 5—18)	20 " 75 "	26 " 50 "	27 " — "
19	" (№№ 2—3 и 5—21)	24 " 75 "	31 " 50 "	32 " 20 "
26	" (№№ 5—25 „Артиста“ и №№ 1—5 „Дневника Артиста“)	28 " — "	35 " 50 "	36 " 30 "
28	" (№№ 2—3 и 5—25 „Артиста“ и №№ 1—5 „Днев- ника Артиста“)	31 " — "	39 " 20 "	40 " — "

При выпискѣ съ наложеннымъ платежомъ слѣдуетъ присылать предварительно одну треть стоимости выписываемыхъ книгъ.

Отъ редакціи.

Контора редакціи (Москва, Страстной бульваръ, д. Адельгеймъ. Телефонъ № 502) открыта ежедневно, отъ 10 до 7-ми часовъ дня, а по воскресеньямъ отъ 12 до 2 часовъ. — Личныя объясненія съ редакторомъ по понедѣльникамъ и пятницамъ отъ 12 до 2 час. дня.

Редакція отвѣчаетъ только на тѣ письма, къ которымъ приложены почтовые марки.

За перемѣну адреса уплачивается 25 коп. Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ иногороднимъ подписчикамъ, которые приложатъ при высылкѣ подписки—19 коп. почтовыми марками.

Жалобы на неполученіе какой-либо книги журнала обращаются исключительно въ редакцію, съ указаніемъ нумера, напечатаннаго на адресѣ подписчика, и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала не была получена. — Жалобы должны быть сообщаемы въ редакцію не позже полученія слѣдующей книги.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка по 50 коп. съ годового экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставленнымъ ими подпискамъ не допускается.

Доставленные въ редакцію статьи должны быть подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ. — Статьи, присланныя въ редакцію безъ обозначенія условій гонорара, считаются бесплатными. — Гонораръ уплачивается только за статьи, уже напечатанныя въ журналѣ, и по истеченіи двухъ недѣль со дня выхода книжки. Авансы не выдаются. — Сочиненія, принятые для напечатанія въ журналѣ, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію. — Сочиненія, признанныя редакціей неудобными къ помѣщенію въ журналѣ, возвращаются авторамъ безъ объясненія причинъ. — Обратная пересылка такихъ произведеній ихъ авторамъ производится на счетъ авторовъ. — Сочиненія, признанныя редакціей неудобными для напечатанія въ журналѣ, хранятся въ редакціи втеченіе шести мѣсяцевъ и затѣмъ уничтожаются; мелкія же статьи, объемомъ менѣе печатнаго полулиста журнала, храненію не подлежатъ.

Гг. артисты и гг. антрепренеры благоволятъ присылать въ редакцію свои адреса, которые бесплатно печатаются въ журналѣ.

„АРТИСТЪ“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „Дневника Артиста“

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕМЪСЯЧНО, ДВѢНАДЦАТЬ РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

Въ Январѣ, Февралѣ, Мартѣ, Апрѣлѣ, Октябрѣ, Ноябрѣ и Декабрѣ выходятъ книжки „Артиста“ въ 25—35 листовъ, а въ Маѣ, Юнѣ, Іюлѣ, Августѣ и Сентябрѣ въ томъ же форматѣ и по той же программѣ—„Дневникъ Артиста“ книжками отъ 5 до 8 лист.

Подписная цѣна на годъ (7 кн. «Артиста» и 5 кн. «Дневника Артиста») — 10 р., съ доставкой и пересылкой 12 р., за границу — 14 р.

вмѣстѣ съ „Театральною Библіотекой“ на годъ (7 книгъ „Артиста“, 5 кн. „Дневника Артиста“ и 12 книгъ „Театр. Библіотеки“) 13 р., съ перес. 16 р., за границу 18 руб.

Для лицъ, подписавшихся въ редакціи, допускается РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 4 руб., и затѣмъ ежемѣсячно по 2 руб. до полной уплаты всей подписной суммы, а при подпискѣ вмѣстѣ съ „Театральною Библіотекой“ — при подпискѣ 5 р. и затѣмъ ежемѣсячно по 3 р. до полной уплаты всей суммы. Другихъ условій разсрочки не допускается.

Для учащихъ въ спеціально-театральныхъ, музыкальныхъ и художественныхъ школахъ подписная цѣна на „Артиста“ на годъ 9 р., съ пересылкой 10 р.

Отдѣльные номера „Артиста“ по 2 рубля,
„Дневника Артиста“ по 1 руб.

ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются съ платою за каждый разъ 25 руб. за цѣлую страницу; 15 руб. за половину; 10 р. за $\frac{1}{4}$ и 5 р. за $\frac{1}{8}$ страницы.

„Театральная Библіотека“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ПРОГРАММА.

1) Драматическія произведенія (трагедіи, драмы, комедіи и водевили), одобренныя драматическою цензурою для представленія безусловно; 2) монологи, сцены и стихотворенія, одобренныя драматическою цензурою для публичныхъ чтеній; 3) практическія указанія режиссерамъ.

Въ каждой книгѣ помѣщается отъ 4 до 8 актовъ драматическихъ произведеній.

Отдѣльные номера по 1 руб.

Цѣна за томъ (4 книжки) — 3 рубля.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

за годъ безъ доставки 3 руб., съ доставкой 4 руб.

Подписка принимается только отъ подписчиковъ на журналъ „Артиста“ и только на текущій годъ. Разсрочка на „Артиста“ и „Театральную Библіотеку“: при подпискѣ 5 р. и затѣмъ ежемѣсячно по 3 р.

Подписка принимается и отдѣльные номера продаются въ конторѣ редакціи (Москва, Страстной бульваръ, д. Адельгеймъ. Телефонъ № 502), въ отдѣленіяхъ конторы, въ кн. маг. „Новаго Времени“, Карбасникова и Т-ва Вольфъ и въ конторѣ Н. Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи) и, кромѣ того, въ книжной лавкѣ Московскаго Большаго театра, а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ, музыкальныхъ и астампныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ; въ Кіевѣ у г. Оглобина; въ Казани у г. Дубровина; въ Костромѣ у г. Бекенева; въ Варшавѣ у г. Карбасникова; въ Орлѣ и Курскѣ у г. Кашкина.

Изгородніе благоволятъ обращаться исключительно въ контору редакціи.